

Священник Георгий Кочетков: О поклонении Богу в Духе и Истине. Слово в Неделю о самарянке

Проповедь

Христос воскрес!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Вы знаете, что нынешняя неделя называется Неделей о самарянке. И сегодня вы слышали соответствующие ей песнопения. Но удивительно то, что они в основном сосредоточены, в чисто эллинистическом или эллинском духе, на понятии воды, которая, конечно, христианским сознанием воспринимается как «вода живая». «Придите и пейте воду живую», — вот эта мысль оказывается главной.

Но за последние столетия, видимо, что-то изменилось, или же мы находимся просто на другой духовной и культурной почве, но для нас с вами, когда мы читаем беседу Господа с самарянкой в 4 главе Евангелия от Иоанна, всегда важнее оказываются другие слова, которые удивительным образом даже не упомянуты в тех замечательных древних византийских стихирах, которые посвящены этому празднику. Нам с вами стали важнее следующие слова, которые Иисус говорит самарянке: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в Духе и Истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине» (Ин 4: 21-24). Может быть, как реакция на недостойность христианской жизни, которое очевидно для всех, и для нас с вами, вглядываемся ли мы в себя или смотрим вокруг себя, нам стали важны именно фундаментальные слова Христа о том, что «поклоняться Богу нужно в Духе и Истине, и таковых поклонников ищет Себе Бог».

То, что сказал Христос, кажется очевидным и в некотором смысле даже простым. Но за простотой внешней формы часто скрывается что-то очень глубокое, очень значительное. Что нового для нас в том, что Бог есть Дух? Мы это знаем с первого мгновения своей христианской жизни. Что нового для нас в том, что Бог ищет Себе поклонников, подобных Ему? Это тоже кажется очевидным. И все же, почему не остывают эти слова Христа, не оскудевает их смысл?

Эти слова можно увидеть по-разному. Можно увидеть их догматически, и тогда у нас получится очень интересная тринитарная формула: Богу Отцу надо поклоняться в Духе Святом и в Истине, то есть во Христе, Который сказал: «Я есть Истина». Это — как бы зашифрованная тринитарная формула новой, новозаветной христианской церковной жизни: учитесь поклоняться Отцу Небесному во Святом Духе и во Христе, ибо таковых поклонников ищет Себе Бог! Это будет правильно. И мы хорошо знаем, как часто мы не вмещаем эту догматическую истину Православия, истину догматического Православия.

Но ведь можно увидеть в тех же словах Евангелия и многое другое. Повторяю, в призыве Христа есть много разных смыслов. Есть ведь и такой: не возвращайтесь к старому, не

возвращайтесь к старой языческой жизни, но не возвращайтесь и к старой ветхозаветной жизни, когда кланяющиеся Богу поклонялись Ему только ритуально, только по Закону, когда лишь то, что канонично, то, что по правилу Закону, только это воспринималось достойным Богопочтанием! Мы же с вами очень часто забываем о том, что Христос нам открыл и к чему Он нас призвал. Нас всегда тянет, притягивает, как магнитом, к четкому порядку, к четкому распорядку в жизни, чтобы все было законно определено, выверено и выяснено, чтобы нам поставили четкие границы: вот это можно, а вот этого нельзя, чтобы у нас было поменьше свободы, потому что ведь это такое тяжелое бремя! Мы постоянно отходим от духа Свободы, мы не можем вместить духа Любви. А Любовь Христова свободна! И Свобода Христова — в Любви!

Нам постоянно хочется самоутверждаться. А для того, чтобы самоутверждаться, нужно поменьше свободы и побольше порядка. Нового порядка или старого — все равно.

Так вот, дорогие братья и сестры, Христос с самарянкой говорил у колодца о Духе и Истине, о том, что Богу надо поклоняться в Духе и Истине, уже начиная с нашей жизни здесь, с нашей жизни во плоти. Мы зрим не только небесную литургию, где престолу Господнему поклоняются чины ангельские и человеческие, все духи и души, нет, мы зрим и земные формы поклонения Богу, которые происходят от исполнения уже здесь нашего сердца духом Любви и Истины.

Нам с вами, дорогие братья и сестры, приходится напоминать об этих вещах, и напоминать постоянно. Слава Богу, что у нас каждый год, по меньшей мере, есть для этого повод, поскольку каждый год в храмах звучат эти слова о поклонении Богу в Духе и Истине. Но можно лишь поражаться тому, как об этом забыли византийские гимнографы. Но больше всего можно поражаться тому, насколько это не вошло в наше традиционное христианское сознание. Когда читаешь книги, посвященные нашей истории, то не находишь там этих слов. Как будто они были кем-то вычеркнуты из Евангелия или как будто они у нас веками читались не на более или менее понятном церковнославянском языке, а на каком-то китайском.

Поразительно, что мы в прошлом не восприняли самого главного: мы исторически не восприняли откровения, данного в Евангелии от Иоанна, также как не восприняли Крещения как «рождения свыше», как возрождения человеческой жизни. А ведь об этом говорится в том же Евангелии — в предыдущей главе, в третьей главе Евангелия от Иоанна, в которой содержится беседа Господа с Никодимом. Христос там ясно говорит о том «рождении свыше», без которого не может быть достойного поклонения Богу в Новом Завете! Ведь если Христос что и принес нового, заключив Своей Кровью Новый Завет, то именно эту возможность возрождения, эту возможность «рождения свыше, от воды и Духа», вместе с возможностью поклонения Богу в Духе и Истине.

Зачем же мы бежим от этой истины? Зачем мы бежим от евангельского слова? Почему мы так боимся его? Мы как будто сознательно ожесточаем свое сердце, чтобы не вошло в него ничего такого, как, может быть, покажется кому-то, слишком мистического, слишком неопределенного, слишком неорганизуемого Законом. Но нельзя организовать Законом дух, нельзя организовать Законом истину, нельзя организовать Законом свободу человека.

Как нам избавиться от рабства Закону, дорогие братья и сестры? — От рабства духа, от рабства души, от рабства тела своего? Мы постоянно «берем за плуг и оборачиваемся назад», и поэтому не приходим к цели, мы ее как бы теряем пред собою. Не случайно Писание нас предупреждает, что делать этого не следует, что «всякий, озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк 9: 62). А мы все спим, спим и спим! Мы не можем вместить столь, кажется, простых вещей. Только когда в нашем сердце благодать, только когда

в нем есть место Любви, Духу и Истине, только тогда мы — народ Божий, заключивший с Богом Новый Завет, через Христа во Святом Духе, только тогда мы поклоняемся Богу в Духе и Истине.

Мы с вами сейчас не должны удивляться тому, что Христос прозрел личную жизнь самарянки. Ну, что особенного в этой личной жизни? Не так уж трудно это было прозреть, для этого не нужно было быть Христом. А вот того, что сказал нам Иисус о поклонении Богу, так этого не мог сказать больше никто. Не случайно самарянка, почувствовав это, в ответ сразу заговорила о Мессии, сказав: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос».

Вот, дорогие братья и сестры, даже простая полуязыческая и многогрешная женщина своим еще не очень-то возрожденным сердцем смогла воспринять слова Христа глубже и полнее, чем часто это делаем мы. Ведь чтобы доказать обратное, надо по-другому жить. Никакие слова здесь не будут достаточны. Поэтому праздную праздник Пасхи, праздник светлый и радостный, вспомним о том, что сказал нам Господь в Своей беседе с Никодимом, и еще более, — в Своей беседе с самарянкой. Пусть слова этой беседы будут для нас руководящим призывом на всю жизнь, чтобы не сбиться нам с пути Истины и чтобы не потерять нам Духа!

Аминь.

8 мая 1999 года.

Архимандрит Сергей (Савельев): «Вся моя жизнь открыта перед вами...»

Проповедь

Друзья мои, сегодня слово мое будет особого содержания. Вы уж меня заранее простите. Может быть, вам... тошно будет слушать. Я не собирался сегодня приезжать сюда, но в субботу меня посетил наш о. К. и сказал, что в храме анархия, что в храме беспорядок полный, подписи какие-то, и просил меня, чтобы я приехал сюда для того, чтобы все поставить на свое место. Когда я приехал, то не нашел никакой особенной ни анархии, ни беспорядка, ничего такого я не нашел, и поэтому мне водворять порядок здесь не приходится.

Но задается вопрос: «Почему же я не приезжал?» На этот вопрос трудно ответить, но ответить следует.

Конечно, не приезжал я не потому, что лежал больной и был беспомощным. Здоровье мое, конечно, не такое, чтобы я мог где-нибудь в гонках участвовать или какие-нибудь пудовые гири поднимать. Все-таки пережившему обширный инфаркт, а потом два микроинфаркта и инсульт здоровым быть нельзя, но мне крупные специалисты сказали, что другого такого больного в Москве нет, как я: который перенес то, что я перенес, и при этом способен к тому, к чему я способен. Поэтому на болезнь свою я ссылаться не могу. Да, я всегда болен, и вы всегда должны помнить, что в моем положении все легко может быть.

Если еще прибавить к этому ужасающую, я бы сказал, бессонницу... Дорогие мои, эта бессонница меня мучает 25 лет. Об этом мне даже трудно говорить. Меня вынуждает обстановка как бы даже хвастаться собой. Чего другого, а хвастать собой у меня нет никакого желания. На уколах таких очень сильно действующих снотворных — как мое сердце выдерживает? Это чудо.

Итак, значит, я не был больным. Тогда почему же все-таки я не приезжал сюда? Один очень близкий для меня человек, можно сказать человек, который в известном смысле обязан мне, может быть, даже своей жизнью, сказал: «А что ему приезжать? У него миллион». Если бы это сказал просто кто-нибудь, но это сказал человек — сын мой, которого я выносил на своей груди! Тогда я решил приехать и с вами побеседовать.

Многие из вас знают меня во всей моей жизни. Вся моя жизнь открыта перед вами. Вы ведь прекрасно знаете, что я был пять лет в соборе и жил в самом соборе¹.

Как войдете в собор, на правой стороне будет отгорожена такая, ну, что ли комната. Она разделена на две части. В одной части уборщицы раздевались, а в другой части я жил. Там была громадная батарея, рассчитанная на то, чтобы давать тепло на весь храм. Эту батарею никто не уменьшил, даже отключателя там не сделали. На другой стороне — там все было устроено так, как нужно, потому что там была такая особа, которая была слишком близка к тому человеку, который тогда был во главе храма. А тут никого не было и ничего не было. Как затопят — дышать нечем, как прекратят топку — мерзнешь.

Вы меня простите, мне приходится уже как бы хвастаться перед вами, но давайте уж до конца поговорим сегодня о том, о чем нам необходимо поговорить. Так вот, дорогие мои, а улица, вы знаете, там очень шумная, ночью там грузовики шли и стук был невозможный. А окно выходило как раз вот на эту улицу.

Там я служил пять лет. Мог ли я жить где-нибудь в другом месте? Конечно, нет. Меня многие приглашали, просили, чтобы я у них ночевал. Прекрасные люди — прекрасные, заслуживающие полного доверия. Но я оставался в храме. Утром и вечером. Служил утром, служил вечером, и опять служил утром. Один день в неделю я был свободен, когда я уезжал на дачу. Вот так я там и жил.

Простите за то, что я это говорю, но фактически собор был на мне. Не на настоятеле, не на протопресвитере Николае, весь собор был на мне. Там по две литургии в день. На ранней я помогал, позднюю служил. Вечером акафисты. Вы же знаете, что там был акафист, и сейчас идет акафист иконе Божией Матери «Взыскание погибших», — я всегда его служил. В среду был акафист святителю Николаю — я его тоже служил с ними. В пятницу бывали акафисты иконе Казанской Божией Матери. Иногда и на ранней литургии тоже служил...

Спросят: а почему ты служил, почему ты так мучился? Да потому, что Господь меня привел на такое место, я и должен был отдать все свои силы. Нужно было бы умереть — я бы умер там. Что я мог сделать? Я там служил!

Но и тогда уже обнаружилось мое полное несогласие с управлением нашей церкви. Какое оно — я вам разъясню.

Но пришлось мне оттуда перейти в церковь около Курского вокзала — Покровскую церковь. Там я тоже пять лет служил и там я тоже жил при храме. А как я жил при храме — Матреша у нас здесь есть, она вам может рассказать, потому что она сопутствует мне. Покойница мать Ефимия была и Матреша — вот они знают, как я там жил.

Первые годы я жил там, как вам сказать (показывает): вот котел, который отопляет храм, здесь уголь. А две ступеньки выше — маленькая, не комнатка, и даже не чулан какой-нибудь, а просто, ну, закуток, я даже не знаю, для какой цели он был. Там не было ни отопления, ни вентиляции, там не было ни света — там ничего не было, кроме сырости. Вот Царство Небесное этой дорогой матушке Ефимии: она ближе к концу всеобщей выходила, зажигала там

керосинки или что-то такое, высушивала одеяльце, которое там лежало, даже не то, что высушивала, а чтобы оно хоть потеплее было... Вот так я там и жил. И там я жил пять лет. Правда, потом мне удалось построить двухэтажную пристройку. Наверху была крестильня, а внизу — помещение...

Мне скажут: почему же ты не мог жить у кого-нибудь? — Не мог жить, потому что дух мой другой! Я в мирской обстановке жить не могу. Хотя я и никуда не годный монах, но дух мой, он требует особых условий. Вот так я и жил.

Потом меня оттуда перебросили в совершенно утопавший приход — в Богородском. Там беззаконие — полнейшее, разорение — ужасное. И вот когда там — такой есть прот. Аркадий Тыщик, он сейчас настоятель во Всехсвятском у Сокола, — вот когда он там натворил бед и когда там вспыхнул пожар, то меня направили туда, чтобы я угашал это безобразие.

И опять я там жил. Жил в комнатке, где было делопроизводство, что ли. Здесь, знаете ли (показывает), проходила трамвайная линия, а мое окно как раз было здесь. А трамваи очень поздно приходят. Там я и изучил, когда приходят трамваи в парк, — до этого я никак не понимал, а тут я очень хорошо изучил, что они приходят очень поздно, и когда поворачивают на углу, то скрип они такой делают... Я никогда не знал об этом скрипе, а тут я узнал, потому что только закроешь глаза, а тут вот он идет... А утром... А утром они уезжают рано. Вы не думайте, что они в 8 часов уезжают. Нет, они очень рано уезжают. И снова проходят мимо. И снова покоя нет.

В Богородской церкви был приход, разоренный полностью. Все в пожаре, все в огне. Два года мне дали послужить. Но с Божией помощью за эти два года было сделано там столько, сколько не было сделано за все время в этой Богородской церкви. Между прочим, когда спросили еще в Покровской церкви: «Откуда у вас деньги?» (пристройку там сделали и еще специальное помещение для уборщиц), они сказали: «Нам отец Сергей дал». А что значит «отец Сергей дал»? Отец Сергей пришел и начал молиться. А людям ничего не нужно, кроме молитвы. Вот и пришли они на эту молитву, молящихся стало больше, и даяние больше. Вот и была возможность делать это. То же самое в Богородской церкви.

Эх, не буду я вам обо всем этом говорить так, как мог бы сказать. Ведь я и сейчас почему говорю? Потому, что пришел час.

После этого я на два года был отстранен, два года я не служил. Патриарх Алексей, покойный, сказал мне, что он очень хотел, чтобы я с ним всегда сослужил, потому что он ко мне очень хорошо относился, но и он беспомощен был что-нибудь сделать. Я к нему не ходил и ни разу с ним не служил. В патриархию я не ходил и с ним не виделся.

Почему я не служил с ним литургию? Потому только, что литургия — это величайшее таинство. Литургия — это все. И ее служить можно только в одном случае: если сердце в полной тишине, если любовь, если человек как бы забывает себя и весь уходит в то таинство, которое совершает. А как бы я мог стоять у престола, как бы я мог говорить тому же Колчицкому: «Христос среди нас», а он бы отвечал: «И есть, и будет»? Как бы я мог это говорить, когда я же вижу, что получилось-то Бог знает что — разбой же!

Ну хорошо, я не имел ни зла на него, и ничего решительно не имел. Я даже незадолго перед его смертью² написал письмо патриарху Алексию, чтобы он, наконец, ну, примирил меня с ним. Потому что так же нельзя жить. Ну, почему-то здесь замедлили, прошел месяц — его разбил паралич, так все и окончилось.

У патриарха Алексия были разные намерения в отношении меня. Но я особого склада человек. Он это знал. И вот дали мне Медведково.

Ну, Медведково, дорогие мои, такой храм был, вам об этом говорить не приходится, он был полностью разорен. Я здесь не нашел ни одного места, где чувствовалась не то чтобы любовь, а просто приличие. Здесь все было осквернено. Вот и начал тут.

Служил я здесь один. И жил здесь при храме, и служил один. И служб было почти не меньше, чем теперь, ну, чуть меньше. Но я один служил, без дьякона. Бывало, служишь панихиду — полхрама остается, служишь молебен — полхрама остается, пока не кончишь все... Так я здесь служил.

Спрашивается, если человек сказал, что у меня миллионные средства, то мог бы я что-то такое себе приобрести? Ничего не приобрел, ничего не сделал, а жил так, как придется.

Была и есть у меня дача. Ну, какая дача? Я жил у Красных ворот, но в 1938 году место, где стоял мой дом, понадобилось людям высоким, и они выселили из Москвы всех, живущих в этом доме. Дали по 250 рублей (по теперешним деньгам, а раньше это было 2500 рублей) каждому: выезжай за город — и всё. Это теперь вас милуют, дают вам квартиры. А тогда время было такое: невзирая на то, кто там, что такое, — уезжайте. Вот тогда, получив эти деньги, взяв ссуду в банке 1000 рублей, по нашим деньгам теперешним (10 000 рублей раньше), ну, кое-как, значит, построились.

Трудно было? Очень трудно было. Роптал я на Господа? Никогда. Никакой капли ропота не было! Слава Богу за все! Так я и жил. Так я и дальше жил.

А сейчас и квартира есть здесь. Дорогие мои, в 66 лет я получил здесь 8-метровую комнату. В 75 лет я получил 16-метровую комнату. И скажу вам по совести — иногда сижу я в этой комнате и думаю: «Ой, Господи, а лучше, пожалуй, отсюда уехать! Ведь сколько есть людей, которые находятся в очень тяжелых условиях, а я живу, как барин». И мне бывает стыдно, горестно бывает — как же я так живу? А если к этому прибавить, дорогие мои, что вся моя семья жила очень скромно — я в своей жизни рюмки водки не выпил, дорогие мои, я в своей жизни ни разу в ресторан не приходил, я в своей жизни никогда на курорте не был, и все мои так же жили, вся моя семья.

Спрашивается, могут ли быть у меня какие-нибудь деньги? Ну что я вам буду говорить, конечно, есть сбережения. Да как же иначе, если, в конце-то концов, все работают, все стараются, все трудятся, не мотают, ничего нет, одеваются скромно?

Вот вчера приехал я сюда с дачи. Со мной ехал очень близкий, дорогой для меня человек. «Пойдем, — говорю, — зайдем, выпьем стакан чаю. Чем-нибудь нас угостят». Поднялись мы с ним. «Ну, — говорю, — друзья (там встретили нас мои дочки³), ну как, что, чем нас угостите?» — «Ну, чем? Гречневая каша есть». Ну и спасибо. Сели мы все за стол и этой гречневой каши поели.

Так вот всю жизнь: был недостаток — славу Богу, был достаток — слава Богу, была теснота — слава Богу! Так всегда во всем.

Так вот: тот, кто сказал, что у меня миллион, он недостойный клеветник. И боюсь, что ему придется за это отвечать перед Богом...

Так вот, дорогие мои, значит я не потому жил там⁴, что мне просто вольно было полежать, погулять — почему не жить? Не поэтому. А почему? Потому что мне было очень трудно сюда

ехать. Внутренне, духовно трудно ехать.

Дело в следующем. У меня с патриархией есть разномыслие. И глубокое разномыслие. Оно идет... с каких же лет? Ну, я думаю, что не ошибусь, — с тех пор, когда мне еще было десять лет. Вот так, с десятилетнего возраста у меня уже было с ней разномыслие. В чем же оно заключалось? А вот в чем. У нас был законоучитель. И он ужасный был такой... Ему можно было бы не Закон Божий, а атеизм вести, потому что своей жизнью (Цыпляковский его фамилия, Царство ему Небесное) он сам отвращал от Закона Божьего. Мы знали, что он однажды последнюю овцу взял за одну из треб — за похороны. Ну, знаете ли, детская душа — она все понимает. Она больше понимает, чем пожилой человек. Потому что сердце чистое сразу же внутрь воспринимает все это и глубоко-глубоко впитывает в себя.

Когда я окончил реальное училище (а там Закон Божий формально преподавали очень серьезно, я думаю, что едва ли сейчас в семинарии он преподается так, как там), то поступил в институт. Время было такое трудное, голодное. Я вернулся туда, где мои родители жили, и стал я работать.

Поступил работать в Кооперативный союз. Я поступил практикантом и очень быстро стал инструктором. Прошло некоторое время — стал заведующим инструкторским отделом. А это было еще тогда, когда кооперация не была национализирована. По каждому уезду был инструктор. В частности, в одном уезде был приехавший из Москвы высокоинтеллигентный человек, сын очень такого маститого философа, то есть, вернее, не сын, а племянник, очень интеллигентный. А в этом уезде, в этом городе председателем кооперативного товарищества был прот. Борисов, и он там безобразничал. Безобразничал он, значит, надо ревизию делать. А тот инструктор, который там был, он такой слишком уж хороший, что ли, был. А нужно было с этим господином как-то немножко построже поступить. Меня командировали, чтобы я производил вместе с тем инструктором ревизию.

Когда ревизию мы сделали, то увидели, что там очень много мошенничества. Мне было тогда двадцать—двадцать один год. А я его⁵ знал раньше, когда учился в этом городе. Я говорю: «Соберите собрание уполномоченных». Ну, он не мог отказаться, собрал. Я доложил. Но он — конечно, я-то был двадцатилетний, что я мог сделать, а он был такой жулик прожженный — он собрал тех, кого он хотел, и в результате, когда я поставил вопрос о том, чтобы сменить председателя, то большинства не нашлось. Я так и уехал.

Но я опять видел лицом к лицу человека, который был в сане протоиерея, был настоятелем храма, и я видел, что этот священник — не священник, а разбойник. Опять-таки хороший урок. И когда я уже пришел сюда и вошел в собор, то первые дни в соборе я не знал, куда мне бежать, куда я попал, потому что я видел, что творится в алтаре собора.

Вот тогда я и узнал: есть священнослужители — и это величайшая честь, и есть — попы. И вот у меня борьба началась. За священство. За то, чтобы у престола Божьего были достойнейшие люди — не такие, как я, а в белых одеждах. Не в таких лохмотьях, как я, а люди со светлой совестью. Вот за это я боролся. Это было тяжело принять, но все равно для меня было ясно, что да, только по этой линии можно идти.

Вот так, дорогие мои. Так я и жил. Сюда пришел. Много времени, много сил, много всего пережил я здесь. Потому что скверные люди есть всюду. Много мне здесь пришлось преодолеть тяжелых переживаний. Ведь за моей спиной никого не было. В патриархию я не мог пойти за помощью — там только и ждали, чтобы меня лишней раз хлыстнуть. Но они также знали и то, что как они ни хлытали меня, а со мной ничего нельзя сделать. Я стоял, с Божьей помощью, и выстоял. Они все уже сошли с лица земли, а я вот даже и сейчас перед

вами стою и исповедую.

У меня нет с ними расхождений в вере. Я — более православный человек, чем они. У меня нет с ними никакого расхождения в вопросе о Церкви. Я — сын Церкви, я люблю Церковь больше, чем они. Но поповство я ненавижу.

Беда наша в том, что церковь сейчас почти не имеет созидательного значения в жизни. Она не созидает... Нельзя же на одном только величии, на одном только пышном богослужении прожить... Нужна жизнь духовная. «Врата адавы не могут одолеть Церкви». Нужно спуститься, как я вам говорил, умалиться (Мф 18: 4), нужно со всеми быть вместе, слушать всех, покрывать любовью своей все немощи — для того, чтобы подняться и понести крест свой дальше.

Ну хорошо. Но все-таки они меня оставили в покое. Так я и жил. Они знали, что меня лучше не беспокоить, потому что всякий раз, когда меня беспокоили, они получали соответствующий от меня ответ.

А тут вдруг случилась такая вещь. Прислали из патриархии, как будто бы по благословению патриарха или по его указанию, одно уличное, скверное анонимное письмо — на отзыв. Это было так: я приехал служить на Троицу литургию, и утром почтальон мне передает это письмо. Когда я его вскрыл, я был полон возмущения. Не на то, что кто-то это написал, — о них даже недостойно говорить вслух. Я был глубочайшим образом возмущен: как в патриархии осмелились это сделать? Как им не стыдно там? 77-й год мне. Так неужели же мне посылать такие уличные письма? Ну, конечно, дорогие мои, я не оставил его без должного ответа.

Но все-таки о письме. Кто же писал это письмо? Какие люди? Как вам сказать? Какая-то слякоть. Даже трудно себе представить. Потому что настолько гадкое письмо, настолько скверное письмо, что даже не знаю, как их лучше определить... Между прочим, когда я с о. К. об этом говорил, он меня убеждал в том, что это не здесь, что это другие какие-то люди, словом, это не отсюда. Хорошо. Я не позволю себе сказать, что о. К. это сделал, избави Бог! Конечно, в таком глупом письме принимать участие он не мог. Но все-таки это отсюда зло. Я думаю, как же это могло быть? Я здесь пятнадцать лет. Как можно было написать такое письмо?

Письмо безграмотное, клеветническое, лживое, гадкое, гадкое письмо. Кто же это такие люди? Я хотел их хорошо определить, так чтобы им было памятно и на будущее время, и я решил, что лучшее определение — церковные крысы. А почему «церковные крысы»? Я вам скажу. Когда я в соборе жил, в той комнате, там проходило отопление, а трубы проходили через стены, и в стенах — отверстия. И в эти отверстия, помимо всех прочих вещей, которыми я там наслаждался, еще бегали крысы. Ну, церковные крысы, Господи Боже мой, — они у меня хлеб поедят, там еще что-нибудь... Я относился к этому благодушно, потому что им надо все-таки как-то тоже жить. Так ведь? А в церкви ведь много не найдешь. Они бегают, бегают там и голодные куда-то бегут дальше. Так что я к ним относился мирно.

Но есть церковные крысы другого сорта: они — Тело Христово, они Божие дело портят. Вот поэтому я и решил, что надо мне отойти в сторону. Надо мне отойти в сторону, потому что у меня нет сил. Будь бы пятнадцать—двадцать лет назад... Господи, что я пережил тогда! Но сейчас у меня мало сил, у меня крошка сил. И может быть, те, которые говорят, что у меня деньги большие, они, вероятно, думают, что я там на даче гуляю по лесу. — Ни одного раза не вышел я в лес, хотя лес от нас всего-то пять минут. Ни разу! Я там много работал. И работал, опять-таки, для вас. Когда-нибудь придет час, и вы узнаете об этой работе. Но это работа — работа. Ночи бессонные, потому что те же мысли постоянно меня тревожат...

И вдруг такая гадость, такая слякоть! Я и поставил вопрос: для чего же я здесь нахожусь? Неужели для того, чтобы последние силы моего сердца иссякли совсем? «Больше, — сказал я себе, — не поеду туда», и перестал ездить. Но когда о. К. приехал и сказал мне, что здесь анархия, тогда я решил ехать и рассказать вам все так, как есть.

Теперь в отношении вопроса с о. К. С о. К. у нас самые милейшие отношения личного порядка. Восемь лет мы с ним послужили. За восемь лет он от меня не слышал ни одного неприязненного слова. Но сейчас началось такое дело. Сейчас, дорогие мои, опять-таки, я говорю, что маленький остаток сил, который у меня имеется, его нужно израсходовать наилучшим образом. Ведь не на церковных же крыс мне расходовать эти силы! Ведь они дома у себя все портят, в семьях у них Бог знает что, на работе они отвратительны — везде, где они только ни коснутся, от них все вянет. Так неужели же я буду с ними иметь какое-нибудь общение? Или допущу, чтобы они стояли около меня? Я вот пришел сейчас на клирос, на левый, посмотрел и кое-кого не увидел, и думаю: «Слава Богу, что я их не увидел».

Для чего же я буду здесь? Я могу здесь быть только для созидания. Какого созидания? — Преображения всей нашей храмовой жизни. Они в своем гадком письме отметили, что вот, наши ящики... — вроде того, что осудили то, что мы перешли на такую систему (без ящика вообще). Так вот — это только начало! Надо идти дальше, глубже. Нам нужно, чтобы этот храм был училищем духовной жизни, чтобы мы отсюда выходили и приходили домой, и чтобы дома знали, что нужно делать. Ведь вы имейте в виду, что наши семьи — больные! Их ведь нужно успокоить, ибо то муж ведет себя Бог знает как, то дети ведут себя тоже Бог знает как. И семьи-то нет.

Что же, христиане, к чему мы призваны? Разве только к тому, чтобы пропеть какое-то соло здесь или простоять, прослушать что-нибудь и уйти? Мы для чего приходим сюда? Для того, чтобы напиться. Мы, как пчелы, берем взятку, несем ее в ульи свои и заполняем ею соты. Тот — христианин, кто пришел домой, забыл о себе, отдал себя всего служению ближнему. Тот — христианин. Вот недавно одна женщина, которая работает уборщицей в больнице, — она видит, как часто больные остаются там беспризорными, как они там плохо ухожены. Ведь есть такие люди, которых отвозят в больницу, и — пропадай, значит, все. Так вот, она там остается, она там помогает, она старается ободрить людей. Вот это и есть подвиг христианский. Вот ради чего мы собираемся. Больше нам ничего не нужно. Ни богословствования, ни пения какого-нибудь особенного — ничего решительно. Только молитва, тишина и самоотвержение. Чем проще, чем теснее, — тем ближе ко Христу.

Так что если у меня остаются еще какие-нибудь силы небольшие, то, дорогие мои, я должен их израсходовать самым разумным образом. И вот здесь-то и возникло у меня разномыслие с о. К. До этого времени мне было не до него, не до этих разномыслий. Потому что другие задачи были. Слишком много было дел, которые меня отвлекали, нужно было все-таки многое еще сделать. А сейчас — вплотную до них.

Вот здесь жизнь наша, она уже является для меня главным оправданием моей жизни. Я работу веду особую и, кроме того, служение мое здесь. Но я здесь не доживать пришел. Доживать я могу и в инвалидном доме, если меня, конечно, пустят туда, или, вернее, отпустят туда. Вот. Я не доживать пришел. Я пришел жить, трудиться и до последнего вздоха побуждать вас к тому, чтобы подниматься в гору все больше и больше, забывая о себе. В чем? Простираясь куда? — В любовь, в служение ближним своим. Вот, дорогие мои, вот для чего я здесь могу остаться.

Но здесь мы с о. К. — разные люди. Он уже пожилой, сформировавшийся священник. У него свои понятия, и не мне его разубеждать. У него свои привычки, и не со мной ему от них отвыкать. У него все свое, и очень крепкое свое. Но это его — оно мне чуждо. Когда он ко мне

приехал, мы имели с ним милейшую беседу, и я всегда с ним готов беседовать. Но совместно с ним трудиться в храме мне тяжело. Поэтому я и решил отойти в сторону. И все предоставить Господу — как Господь управит наши пути и, в частности, всю мою жизнь, так и будет.

Вот так, дорогие мои, я вам открыл свое сердце полностью. Простите меня за все и будем надеяться на то, что Господь нас вразумит и направит.

Да хранит вас Господь!

(Народ выражает горячую поддержку)

9 июля 1975 года. Имеется в виду Елоховский Богоявленский патриарший собор. — Прим. ред.

2 О. Николая Колчицкого.

3 Сестры из общины о. Сергия. — Прим. ред.

4 За городом.

5 Протоиерея Борисова.

6 «Для всех был всем, чтобы спасти хотя бы некоторых» (1 Кор 9: 22).

Протопресвитер Виталий Боровой: «Он был настоящим пастырем». Слово за всенощной в день памяти свт. Иоанна Златоуста

Проповедь

Дорогие братья и сестры!

Завтра мы светло празднуем память святителя Иоанна Златоустаго, а вернее, память перенесения его мощей в 438 году из г. Коман, места его захоронения, в Константинополь, где он служил на кафедре.

Каждый из нас постоянно слышит в церкви во время богослужения имя Иоанна Златоустаго, каждый из нас знает, что это знаменитый святитель, великий проповедник, молитвенник обо всех обиженных. Каждый знает, что мы сейчас служим литургию Иоанна Златоустаго. Но вместе с тем, дорогие братья и сестры, как удивительно мало мы знаем о его настоящей жизни, не той жизни, которая описывается в благочестивых житиях, а той, которая была в истории, — такой, какой она была.

Святитель Иоанн Златоуст родился в Антиохии, в нынешней Сирии. Города Антиохии сейчас нет, только развалины, руины на этом месте, но в то время это был цветущий, богатейший культурный город, один из центров тогдашнего греко-римского мира. Родился он в очень богатой и культурной, зажиточной семье, но семье христианской, и был уже с ранних дней своего детства воспитан благочестивой матерью своей Анфусой. Рано лишился отца. Он получил прекрасное по тому времени образование: учился у самого известного ученого того

времени — Ливания, который был не христианином, а сознательным язычником, упорным язычником. Но это был один из самых великих ученых того времени. И христиане — и Василий Великий, и Иоанн Златоуст — ничуть не колебались быть учениками у этого язычника, потому что они у него брали его знания, его мудрость, хотя и не разделяли его убеждений. Иоанн Златоуст был одним из самых любимых учеников Ливания. Ливаний даже хотел, чтобы он был его преемником по кафедре, но Иоанн предпочел после окончания школы стать адвокатом. Это был молодой, талантливый, блестящий адвокат. Адвокат, который мог сделать, говоря современным языком, великолепную карьеру. Но Иоанн Златоуст всей душой своей жаждал служить Церкви. В то время очень многие интеллигентные, культурные, ученые люди посвящали себя служению Церкви. И начал свое служение Церкви Иоанн Златоуст в сане чтеца. В 370 г. святителем Мелетием Антиохийским он был хиротонисан в чтеца. Конечно, тогдашний чтец — это не то же, что сейчас чтец. Нынешние чтецы у нас только читают в церкви, а в то время чтецы не только читали в церкви Священное писание (да, не только богослужебные тексты, но и Священное писание), но и обязаны были толковать народу, объяснять значение того отрывка из Писания, который они читали, под руководством епископа и пресвитера. Десять лет Иоанн Златоуст был чтецом. Но душа его стремилась к подвигам монашеским. В то время монашество было в расцвете. Шесть лет подвизался Иоанн Златоуст, будучи уже чтецом, в общежительном монастыре, т.е. монастыре, который живет по общежительному уставу, где все было общее, где братия жили, как один человек, в послушании, в посте, в молитве, в труде. Два года он подвизался в одиночестве, в пустыне. И за эти два года суровыми аскетическими подвигами и лишениями страшно подорвал свое здоровье, так что потом всю жизнь болел.

Из этого уединения его вызвал святитель Мелетий и в 380 г., после его десятилетнего служения чтецом, рукоположил его в дьякона. Тогдашние дьяконы — это тоже не нынешние дьяконы. Нынешние дьяконы только участвуют особым образом в богослужении: произносят ектенью и приглашают к молитве. Тогдашние же дьяконы были еще и ближайшими помощниками епископа и пресвитеров по заведованию делами общины. В то время каждый приход был общиной. На содержании у общины были все бедные, больные, несчастные, старые, сироты — все те, кто не мог заработать себе на пропитание и содержать себя. И вот одна из обязанностей дьяконов была заведовать этим: посещать этих несчастных, помогать им, организовывать больницы, странноприимные дома, дома сирот, дома старцев, заниматься, одним словом, помощью нуждающимся. Шесть лет Иоанн Златоуст прослужил Церкви в этом дьяконском звании, неся помощь и утешение всем несчастным, после чего в 386 г. святитель Мелетий рукоположил его во священника.

Десять лет Иоанн Златоуст был священником в Антиохии и прославился там как проповедник и учитель, как великий богослов, как отец и покровитель своего народа. В это время в Антиохии произошло страшное возмущение народа, и правительство призвало в Антиохию армию — с тем, чтобы разгромить этот город. И вот тогда Иоанн Златоуст не оставил свою паству. Не только в церкви, но и на улицах, на площадях, на базарах он ходил, проповедовал, утешал, наставлял, разделял судьбу своих верующих. И в конце концов он смог своим влиянием, своей силой и успокоить народ, и отвести от него эту великую беду, это несчастье. Слава об Иоанне Златоусте (тогда его еще, правда, не называли Златоустым) распространилась по всей империи. И когда в Константинополе, в столице умер епископ Нектарий, тогда в императорском дворце у могущественного временщика правителя того времени — Евтропия, который возглавлял правительство императора Аркадия, возникла мысль призвать на эту кафедру Иоанна из Антиохии. Но все знали, что Иоанн очень скромный и не пожелает быть епископом в столице, потому что это противно его характеру. Тогда были посланы воины, которые ночью похитили, арестовали его, под конвоем привезли в столицу и там его поставили епископом, по-нынешнему — патриархом Константинопольским.

Шесть лет был епископом в столице Иоанн Златоуст. За эти шесть лет народ полюбил его самой искренней, самой сердечной любовью. Но за эти же годы возненавидели Иоанна Златоуста все богачи, все сильные мира сего, все аристократы и всё — я должен откровенно сказать — духовенство. Ибо он обличал их распутную, развратную, роскошную, грешную жизнь.

Он был смелым обличителем. Если бы, дорогие братья и сестры, сейчас прочитать некоторые проповеди Иоанна Златоуста, вы бы убедились, насколько смело он обличал сильных мира сего, власть имущих мира сего, особенно богатых. Он прямо в глаза им говорил, что всякий богатый — это волк, ибо Господь создал землю и все блага земли для всех народов, для каждого человека. И тот, кто первый в истории взял какую-то вещь, отгородил кусок земли и сказал, что это моя вещь, это моя земля — тот, по Иоанну Златоусту, был самый страшный преступник.

Вознелюбили Иоанна Златоуста и епископы, архиереи из его же Константинопольского патриархата и соседних с ним — Александрийского, Антиохийского, ибо Иоанн Златоуст не давал роскошных обедов, не приглашал их на роскошные пиры, где все, конечно, постное, но все самое дорогое, как они привыкли есть и пить и при этом благочестиво рассуждать. От духовенства, т.е. от пресвитеров (священников) и от дьяконов, от чтецов, от монахов, он требовал настоящей жизни, настоящего подвига, настоящего служения Церкви. Все деньги, все имущество церкви он расходовал не на безумные украшения, не на дорогие литургические одежды, не на украшение церквей мрамором и золотом, он расходовал их на строительство больниц, странноприимных домов, домов для сирот, для старцев, для больных, для немощных, для тех, кто нуждался. И тогда, дорогие братья и сестры, ополчились против Иоанна Златоуста вот эти две силы, большие силы тогдашнего мира, а собственно говоря, большие силы и настоящего мира: это власть имущие, богатые, знатные, и духовенство, особенно архиереи.

Конечно, в житиях вы этого не найдете. В житиях говорится, что императрица была против него. Да, императрица Евдоксия была тоже против него, но не ее гнев сыграл решающую роль, ибо Иоанна Златоуста отправили в ссылку не по решению государственной власти, а по решению церковного суда, его собратьев — архиереев, священников, дьяконов. Они собрались, они судили его, они приписали ему всякие беззакония, какие он никогда не совершал. Они не смогли простить ему его святую жизнь и то, что он был настоящим архиереем, настоящим епископом, настоящим пастырем, и что он призывал и их быть такими. И тогда Иоанн Златоуст по церковному суду был лишен сана и кафедры, и гражданская власть, конечно, послала его в ссылку.

Но в первый раз это не удалось. Ибо случилось так, что когда Иоанна Златоуста вывезли на другой берег от Константинополя, в самой столице произошло землетрясение. Народ, видя в этом гнев Божий, восстал, власть испугалась, все епископы, судившие его, разбежались, и Иоанн Златоуст с торжеством был возвращен на место. Когда народ его встретил, он пошел в храм Святых апостолов — тогда главный храм Константинопольский — и здесь сказал свою знаменитую проповедь, которая сохранилась до настоящего времени, которая начинается и кончается словами: «Богу нашему слава за все. За все, что было хорошего, и за все, что было плохого, Богу нашему слава!»

Но недолго Иоанн Златоуст снова был епископом, только шесть месяцев. Его враги: Александрийский епископ, по-нынешнему — патриарх, Феофил; другие митрополиты — Севириан Гавальский, Антиох Птолемаидский, его собственные митрополиты — Павел Ираклийский и другие, опять ополчились на него, опять стали его обвинять и вторично его осудили. И тогда государственная власть второй раз сослала Иоанна Златоуста. И вот, в ссылке, в очень недолгой ссылке он умер, потому что на всех епископов тех мест, куда его

ссылали, нападали такой большой страх, что они боялись его даже принимать и каждый из них старался, чтобы везли Иоанна Златоуста подальше. И так его везли через всю Малую Азию, нынешнюю Турцию, довели до места его ссылки Кукуз, это в нынешней Армении. Но там побоялись его держать, потому что народ константинопольский был ему верен, боготворил его, любил его. И тогда повезли его дальше, в нынешнюю Грузию, и там, не дойдя до места, которое ему было назначено для жительства, в Команах, в храме святого Василиска (это недалеко от Поты, недалеко от Пицунды, недалеко от Нового Афона) в 407 г. он умер.

Очень скоро слава Иоанна Златоуста распространилась по всему миру. Враги его устыдились, враги, так сказать, оправдывали его сами, и тогда решено было с торжеством перевезти мощи его в Константинополь и похоронить его там, где полагается хоронить столичного епископа. И вот в 438 году, через 30 лет после его смерти, император Феодосий, сын этой Евдоксии, царь, который был и крещен Иоанном Златоустым, которого Иоанн Златоуст держал часто ребенком на своих коленях, с торжеством распорядился перевезти мощи Иоанна Златоуста. Встретили его еще далеко от Константинополя — в Халкидоне — император, сенат, правительство, все знатные люди мира сего...

Так всегда бывает в жизни: при жизни преследуют, доводят до гибели, а после смерти прославляют и восхваляют.

Похоронили его в храме Святых апостолов с торжеством, при большом стечении народа. Вот память этого события мы и празднуем сегодня вечером и завтра.

Дорогие братья и сестры, вот, мы все время говорим об Иоанне Златоусте. Но мы должны не только говорить об Иоанне Златоусте, мы должны подражать его жизни. В первую очередь, ей должны подражать наши архиереи, наше духовенство — мы, священники, дьяконы, монашество, чтецы. Вот тот образец, который дал всем нам Иоанн Златоуст: как служить Церкви не только во время богослужения, а как служить Церкви, служа народу Божию, проповедуя слово не только во время службы, а при каждой возможности. Ибо Иоанн Златоуст был не только великий богослов и великий проповедник, но и великий миссионер. Он посылал людей, миссионеров, с проповедью слова Божия в Аравию, в далекую Сирию, в Азию, в Африку и сам проповедовал слово Божие, причем не только своей константинопольской пастве. Около Константинополя было поселение германских племен, готов, которые были ариане, еретики. И вот чтобы им проповедовать, Иоанн Златоуст изучил готский язык и приходил туда, к этому народу, и служил там, и проповедовал им на их языке.

Дорогие братья и сестры, путь к возрождению нашей церкви, путь к тому, чтобы церковь опять имела влияние в народе, опять пользовалась любовью народа, этот путь указан нам Иоанном Златоустым. Это путь молитвы, путь подвига, путь богословия, но вместе с тем, путь проповеди слова Божия, временно и безвременно, при всякой okazji, при любой возможности, и путь служения народу, путь служения ближнему своему, так чтобы это служение было настоящим служением Богу.

Помолимся же, дорогие братья и сестры, чтобы молитвами святителя Иоанна Златоуста Бог дал нам силы быть верными Его свидетелями, как был таким верным свидетелем сам святитель Иоанн Златоуст!

Аминь.

9 февраля 1977 года.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

О. Х. «Христианин, как неваляшка...»

Лет с шести меня волновали вопросы о смерти, о бесконечности, о происхождении человека и мира, но ответы, которые я получала от родителей, не удовлетворяли. То, что человек произошел от обезьяны, озадачило и породило массу новых вопросов, а слова моей любимой бабушки о том, что все умрут, но со мной это произойдет очень нескоро, поселили в моей душе не успокоение, а страх. Мои родители не были яркими атеистами и не осуждали верующих людей, но сами в Бога не верили, а церковь представляла для них интерес как исторический и архитектурный памятник.

Как-то раз мы с мамой были в небольшом городке на экскурсии и зашли в церковь. Мне было таинственно и страшно, я держала маму за руку. Не успели мы оглядеться, как какая-то старуха, злобно прошипев что-то непонятное, разъединила наши руки. Я испугалась. С тех пор я много раз заходила в православные храмы, но всегда чувствовала себя там неуверенно, боясь нарушить какие-то местные правила.

Годам к восьми-деяти под влиянием школьной пропаганды безбожия я стала атеисткой, помню, как я убеждала верующую старушку-лифтершу в том, что Бога нет. У меня был веский аргумент — космонавты летали и не видели. Старушка почему-то не соглашалась и только тихо улыбалась. Но к старшим классам школы атеизм растворился и один раз я даже молилась. К молитве меня подтолкнул страх за родителей, которые возвращались из отпуска на самолете. Я стояла на коленях перед репродукцией «Мадонны Литта» и умоляла Бога оставить моих родителей в живых. Когда они вернулись, я была уверена, что это моя молитва спасла их.

В семнадцать лет я надела на себя крест, хотя и была некрещеной, и не отрываясь прочитала книгу Екклесиаста. Не помню, кто и почему посоветовал мне прочитать именно эту книгу, но мне она очень понравилась. Слова о суете, тщетности нашли отклик в душе, но эти слова я восприняла как увлекательное философствование о бессмысленности жизни. Ничего другого я, к сожалению, не увидела, и Библию больше не открывала.

Школа закончилась, и я вышла во взрослую жизнь, полную соблазнов. Заложенные во мне семьей нравственные основы не были прочными, может быть, потому, что они не зиждились на страхе Божьем и на Божьих заповедях. Мне понравилась больше другая «заповедь»: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». А хотелось попробовать в этой жизни как можно больше, хотелось свободы. Эту свободу давал алкоголь. Еще важнее, что в алкоголь можно было спрятаться от неуверенности в себе, страха перед людьми; от детских вопросов, на которые так и не нашлись ответы, и от мучительного вопроса о смысле жизни.

Мне кажется, что тогда и начался мой путь от Бога. Несмотря на то, что в 20 лет я крестилась, это никак не изменило мою жизнь, поскольку ни покаяния, ни веры не было. Была иллюзия, что вдруг чудесным образом и без всяких усилий с моей стороны все изменится и мне станет спокойно и хорошо. («Вы говорите, что ваш Бог всемогущ, — ну, ну, посмотрим...»).

Я вышла замуж, родила дочь, на какое-то время заботы о дочери и любовь к ней осветили мою жизнь. Но тем не менее, зависимость от алкоголя росла. Он стал для меня необходимым лекарством, обезболивающим средством — не чувствовать разочарование, бессмысленность, вину. «Свобода» обернулась рабством.

Летом 1996 года я сидела одна перед очередной бутылкой и ненавидела ее — я не хотела пить, но не могла не пить, я бессмысленно твердила: «Господи, что же мне делать, что со мной будет? Неужели я погибну?» Это не был осмысленный призыв к Богу, потому что я не верила ни в Него, ни в Его помощь. Это был голос отчаяния и бессилия. И Господь откликнулся. Теперь я знаю, что самую тяжелую, безнадежную ситуацию Бог может повернуть неожиданным образом нам во благо. Я знаю, что Он всегда был рядом со мной и терпеливо ждал, когда я перестану упираться и признаюсь: «Все, Господи, я не могу сама. Сама я бессильна». Только признанием своего бессилия я открываю дорогу Его помощи. В то лето Господь послал мне сообщество АА (Анонимные алкоголики), и я начала выздоравливать по программе «Двенадцать шагов». Это программа духовного развития, имеющая христианские корни. Люди, которых привела в Программу общая беда, делятся друг с другом своим опытом и работают над своим духовным ростом.

Вскоре я попала в амбулаторную христианскую программу для химически зависимых людей, где мы еще более углубленно работаем по «Двенадцати шагам». Третий шаг нашей Программы звучит так: «Мы приняли решение препоручить и нашу волю и нашу жизнь Богу». Несмотря на то, что у меня не оставалось сомнений в существовании Бога, этот шаг давался мне с трудом. Мне и по сию пору часто хочется самой управлять своей жизнью, да и жизнью моих близких тоже. При этом я продолжаю набивать шишки. А ведь знаю, — надо опустить руки и сказать: «Господи, прости меня и помоги, и пусть будет Твоя воля, а не моя».

Я начала все больше общаться с верующими людьми, читать духовную литературу, слушать «Христианский канал». Постепенно из кусочков мозаики складывалась картина жизни, какая она есть на самом деле, жизни, наполненной смыслом. И все равно я продолжала упрямяться. Теперь мое отрицание касалось церкви. Да, я верю, но зачем еще и церковь? Тем более православная, где все слишком напыщенно и непонятно. Вот у католиков служба ведется на русском языке, и сидеть во время нее можно, и лица прихожан не такие пасмурные, как в православных храмах. Я побывала на службе у католиков, и мне там очень понравилось, но в моем сердце ничто не откликнулось. А когда в следующие выходные — это было Прощеное воскресенье — я все же переступила порог православного храма, то почувствовала, что я дома. Как будто я пришла домой, где уютно, солнечно и спокойно. Это было еще одно чудо. Стоять два часа было не тяжело, радость переполняла сердце. Эта радость не покидала меня весь период поста. Я думала, что теперь так будет всегда. Но это был аванс, данный Богом. Опять начались сомнения, как грибы росли новые вопросы. На этом новом этапе мне помогли курсы оглашения.

При переходе на второй этап я спросила у себя: «А действительно ли ты хочешь быть христианкой? С любовью к людям у тебя неважно, ты тщеславна и эгоистична, тебе больно расставаться с плотскими радостями... Может быть, ничего не получится? Так стоит ли стараться?» Но я ответила: «Да, стоит». Возврата к прежней бессмысленности не может быть. И вспомнились слова, услышанные во время оглашения: «Христианин, как неваляшка: упал, поднялся...». Я постоянно спотыкаюсь и падаю, но ведь теперь я знаю, куда идти, когда поднимусь снова.

Раньше в нашем храме для меня самыми родными были лица моих друзей из амбулаторной программы, которые, как и я, пришли вслед за нашим учителем в этот приход. Теперь я вижу там много знакомых лиц из общины о. Георгия и радуюсь, что нас, таких разных, привел сюда Господь, чтобы мы вместе молились.

У меня нет таких слов, чтобы передать благодарность Господу. В ответ на боль, которую я Ему причиняла долгие годы, Он подарил мне трезвость, веру, замечательных людей, интерес к жизни, истинную радость общения — новую жизнь.

* * *

Л. Р. «И вспомнила я свой путь к любви...»

Посвящается священнику Георгию Кочеткову

Идет необычный урок у семилеток во втором классе одной из школ Москвы. Мальчики выбрали самую добрую девочку из своего класса, а девочки — самого доброго мальчика. Посадили их перед классом и каждый рисовал эту пару. Работа заворожала всех еще и тем, что надо было в рисунке показать их доброту и свое отношение к этим ребятам. И хотя на уроке разрешается вставать, подходить к другим ребятам, стоит тишина.

Только два мальчика Радик и Костя зачастили подходить к нашим добрым избранникам. Прислушалась — уловила повторяемое Радиком слово «любовники». Попросила у Кости посмотреть его рисунок, который он с нескрываемым удовольствием показывал тем, кого рисовали. Не стесняясь, с готовностью показал его и мне. На его листочке изображен голый мальчик, причем художник Костя зафиксировал свое особое внимание на половом органе...

Поразили не только поступки этих двоих ребят, но и двусмысленные улыбочки других детей при слове «любовь».

И это семилетние дети! Как же мы смогли опозлеть, исковеркать, унижить святое слово ЛЮБОВЬ, с которым пришел сам Господь к нам на Землю!

На этом уроке все благополучно дорисовали, беседовали с каждым по его рисунку. Работы же этих двух мальчиков пока остались без внимания, ведь моя задача не огорчать детей, а найти пути к их сердцу и разуму, чтобы каждый их шаг на ступеньку познания был радостным.

К следующему уроку долго и тщательно готовилась. И назвала его «О Любви».

И вспомнила я свой путь к Любви. Он начался у меня с пятидесяти лет.

В 90-ые годы я посещала огласительные курсы священника Георгия Кочеткова. И так пахло студенчеством: пропускала занятия, опаздывала. Однажды звонок домой. На другом конце провода — наш катехизатор, молодой паренек, который на этот раз строго выговаривает проштрафившейся старушке, кандидату педагогических наук, тогда еще старшему научному работнику Академии педагогических наук. И соответственно, на этом конце телефонного провода — беззаботная смешливость, несерьезная реакция: мол, говори, говори, «не учи ученого». А в трубку — извинения, извинения, заверения в быстром исправлении...

Лишь спустя некоторое время приходит понимание, насколько важны каждые встречи, каждые лекции, ведь мы так мало тогда знали о христианской культуре. Да и о себе. Ведь именно на одной из таких встреч в группе оглашения наш староста Сергей Т. сказал слова, которые врезались в мое сердце и стали поворотными в моей судьбе: «Ты не любишь людей».

Страшно услышать такие слова! Сначала внутренний протест — не может быть! Если бы я не любила людей, меня бы тоже не любили. А меня всю жизнь окружали любящие люди — и родные, и учителя, и подруги, и коллеги. Перебираю все в памяти, размышляю. Может быть, меня просто окружали люди, способные любить? А может быть, можно любить не только взаимно, но и за какие-то другие качества, например, доброту, внимание к людям, открытость, простоту, наконец?

Одним словом, стала наблюдать за собой. Постепенно пришло понимание, насколько глубоко

прав Сергей.

С этого прозрения начался мой и горький и бесконечно радостный бесценный путь — путь к Любви.

После того, как я созрела в понимании себя, я в нетерпении побежала на исповедь в ближайшую от дома церковь. Священник только развел руками и коротко сказал: «Любовь — это от Бога».

Опять загадка — что значат эти слова? И я вспомнила слова Господа, которые часто повторял нам отец Георгий. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф 7: 8).

Настойчиво, терпеливо, с Верой, Надеждой каждый день молю Бога открыть мое сердце, дать мне очистительные слезы.

Как это я сейчас понимаю, в первый раз я почувствовала участие Бога в моей жизни в день, когда наша огласительная группа в полном составе после вечерни приносила публичное покаяние¹. Разрешалось тихо проговаривать или молча исповедоваться. Все тихо говорили. А я слышала каждое слово, произносимое моими новыми знакомыми вслух, сама думала, что все мои грехи уже раскрыты, а мне... Вот и моя очередь. У меня ни одной мысли, стала нервничать и вдруг заговорила о своих родных, уже умерших: бабушке, тетках, дядьках, которые очень хорошо относились ко мне, а я — невнимательная, черствая, жестокосердная: об их днях рождения не помнила, в больницах почти не навещала... И полились слова и слезы, которых давно не было. А на душе становилось все легче и легче.

Запомнилось Прощеное воскресенье в храме у отца Георгия, когда ты просишь прощения не просто у всех, а отдельно у каждого человека, и все постепенно выстраиваются в змеевидную очередь, вся церковь.

Сколько слез я пролила, пока встала последней в этом ряду! А дальше идут один за другим знакомые и совсем не знакомые. Замечаю — какие все прекрасные лица! Вот проходят женщины, молодые мамы, с которыми я познакомилась при организации православной гимназии. Тогда еще я обратила внимание на их истощенные лица, остренькие носики... Какие неинтересные, бедные. Подходят они ближе — и я вижу их подлинные лица. «Красавицы! Как ангелы! Неужели и вы грешите?» — невольно выплеснула я на них.

После службы встретила в метро привычно там стоящую нищенку. «Сестра, прости!» — поцелуй, объятия. Она поражена, а я еще больше. Господи! Какое блаженство! Вокруг такие красивые лица! Как их хочется любить! <...>

В это же лето пробиралась я на автобусе от Твери в свою деревню. Как всегда, автобус забит народом до отказа, да еще в качестве попутчиков попала пьяная компания. Всю дорогу слышались громкие голоса пьяных и матерные слова. Где-то к концу остался один из них. Но особенно противный. Он хоть и в одиночестве, продолжал брань на весь автобус недовольным хриплым голосом. Он нашел объект для излияния своих далеко не прекрасных чувств. Это была совсем юная девушка, которая то краснела, то бледнела, когда он наклонялся к ней со своей беседой. Мне пришлось нарушить свое жизненное правило никогда не вмешиваться в транспортные скандалы. И я со своей сумкой на колесиках стала пробираться от первой двери автобуса к его концу. Пока шла, перебирала слова, которые заклеямили бы этого надоевшего всем человека в нечеловеческом облике.

Когда я подошла к нему близко, я еще успела разглядеть его толстое потное лицо со слякочными губами, с рассеянным взглядом стеклянных глаз. Я открыла рот, начала что-то говорить, я своему великому изумлению, не то, что заготовила. И вообще, говорила будто не я, я больше слушала. А речь была такой: «Мужчина! Вы такой красивый!» (в этот момент была пауза, в процессе которой названный мужчина остановил свою речь, вытаращил на меня глаза и никак не мог решить — насмешка это или нет, а я ожидала рукоприкладства с его стороны). Между тем продолжала: «В нашей стороне родился великий певец, красавец-мужчина Сергей Яковлевич Лемешев, которого женщины обожали до его смерти в очень преклонном возрасте. И все здесь такие красивые».

На этом моя речь закончилась, а человек этот сразу протрезвел. Он затих и во время продолжающегося нашего рейса то и дело украдкой рассматривал меня. Но вот освободилось место около него. Он одной рукой держал место, другой — женщину, ближе меня стоявшую к этому месту, и сказал мне: «Сядьте, пожалуйста, вы». Мне через остановку надо было выходить, но не желая его огорчить, я села возле него.

Через несколько минут я заторопилась к выходу. Он же подошел ко мне у самой двери автобуса, взял мою руку и поцеловал.

Я не помню, как я вышла из автобуса, кто меня окружал, какая, наконец, погода была на улице. Какие-то благодные чувства овладели мною. Где-то валялась моя сумка, кто-то поздоровался со мной (я это вспомнила лишь некоторое время спустя), а я стояла, как замороженная, смотрела вслед уходящему автобусу до тех пор, пока он не скрылся из глаз. Я всем своим существом ощущала яркий, теплый свет, исходящий от него, а на душе было непередаваемое блаженство.

Не знаю, сколько времени я так стояла, но когда опомнилась, слезы давно умыли меня, а я читала молитву Царю Небесному, Утешителю...

Пошла домой и на ходу беседовала с Богом. Я благодарила Его за то, что Он услышал меня и показал, что такое Любовь, как можно согреть только ласковым словом даже бывшего неприятным тебе человека и проявить Христову Любовь.

Именно здесь я особенно остро почувствовала благодать Божью, которая сделала в моей душе настоящий переворот.

Так шаг за шагом с помощью Бога я закреплялась в любви. И видимо, настал день, когда я ее по-настоящему должна была кому-то транслировать, кому-то передать свой опыт общения с Богом.

И день этот был первое сентября. Привела меня любовь в школу. К этому времени моя профессиональная деятельность окончилась, я на пенсии, с удовольствием копаюсь на грядках... Первого сентября повела внучку в школу. Возвращаюсь и вижу поток малышек, спешащих с мамами, бабушками, в одиночку в свои классы. Как озабочены, нерадостны лица их! А ведь им там быть с 8-30 утра до четырех (школа полного дня). Почти вся жизнь — в школе. Смотрю издали, как перебегают они строем дорогу: ножки тоненькие, курточки, небрежно набросанные на плечи, нередко и «вверх ногами». Жалость и любовь к этим ребятишкам пронзили мое сердце.

В разговоре с администрацией сказала все, как есть, что иду любить детей, сделать их жизнь более разумной, красивой. Будем познавать себя и учиться жить по христианским заповедям, знакомиться с христианской этикой.

На первом своем педагогическом совете школы познакомила со своим планом работы с детьми (конечно, это не тот пресловутый план, о котором говорят в школе, скорее некий проект). А когда уходила, раздался чей-то голос: «Знать, Бог послал Вас к нам в школу».

А я вот уже четвертый год вижу, чувствую, что именно так и есть. И Божья благодать постоянно идет и к моим любимым детишкам и ко мне самой.

События, о которых я рассказала, происходили не одновременно, постепенно нанизываясь на память, всплывая во времена моих бесед с Богом, во время молитв и размышлений. Все это дает обильный материал для уроков Любви в школе. Нельзя сказать, что все эти эпизоды я пересказываю детям. Далеко не так. Но они дают мне возможность строить уроки в каждом классе соответственно тем детям, которые здесь в данный момент присутствуют. Дома такие уроки не выстроишь. Часто кажется, что и темы рисунков, и беседы возникают спонтанно. Но мне известно, что это Дух Святой опекает нашу с ребятами Любовь. Какие случаи они рассказывают из своей жизни!

Вот Тимур из 4 класса: «Перед уходом в школу я стал свидетелем ссоры родителей. Папа, уходя на работу, сказал, что больше не будет терпеть и уйдет от мамы. Я еле отучился в школе, взял собаку и пошел в овраг. Гуляя, я заметил самые последние, наверное, ромашки. Букет из них поставил на кухне, прибрался. Пришла усталая расстроенная мама. Когда все это увидела, обняла меня и так мы сидели, ожидая папу. Папа тоже присоединился к нам. Обнял и сказал: «Давайте не ссориться больше, ведь мы так любим друг друга»».

А Аня (тоже 4 класс) рассказала о себе, как она, катаясь на ледяной горке, пожалела свою доску. Увидев, что на ней спускается с горы какой-то не знакомый ей малыш, она побежала за ним с криком: «Мальчик! Отдай картонку. Это моя!» Но когда мальчик оглянулся на нее, улыбаясь ей, она была поражена его ангельским личиком и подумала про себя: «Какая я злая и жадная!» И в тот же миг продолжила: «Мальчик, бери картонку, катайся!»

Эти и подобные им рассказы постоянно заключались словами о том, что тем, кто сделал что-то хорошее, или в себе преодолел плохое, всем было радостно на душе.

Когда подводили итоги года, вспоминали все, что запало в память об уроках. Самый интересный урок оказался урок о Любви. Во время воспоминаний об этом один мальчик протянул мне свой листочек с рисунком. Там был изображен на Кресте распятый Господь наш и Его слова были написаны очень ярко: «Господи! Прости их: не ведают, что творят».

А это ведь проявление высшей Любви!

Господи! Храни этих детей и всех наших детей! Посылай нам всем Свою благодать! Да поможет нам Бог!

Священник Георгий Кочетков: Слово новопросвещенным после «пустыни»

Миссионерство и катехизация

Братья и сестры, те, кто, закончив катехизацию, выходит сегодня из «пустыни», пожалуйста, присядьте!

Мое слово сейчас обращено, прежде всего, к вам. Когда-то вы начинали свое оглашение, и вот вы его завершили, завершили первый, второй и третий этапы. Это были радостные, хотя и непростые шаги в вашей жизни, потребовавшие от вас напряжения, но и давшие вам, наверное, немало. После этого вам пришлось пройти «пустыню». Вы, наверное, уже почувствовали, что значит «пустыня». Идешь по «пустыне» и чувствуешь, что это именно пустыня, отнюдь не оазис. Я думаю, что вам было бы интересно, например, завтра встретиться по группам со своими катехизаторами и обменяться опытом. Прежние годы показывают, что это очень полезно. Когда вдруг откроется, что искушения у многих были схожими, то вам будет ясно, что то, о чем мы вас предупреждали, для большинства из вас в большой степени сбылось. Конечно, здесь могут быть какие-то индивидуальные осложнения, и это тоже важно и интересно. Завтра всем вам нужно было бы, по меньшей мере по случаю выхода из «пустыни», хотя для христианина и без того нормально причащаться каждое воскресенье, пойти причаститься вместе со своими группами и со своими катехизаторами, а потом пойти на общую «трапезу Любви» – агапу, чтобы не только вместе возблагодарить Бога друг за друга и за встречу, но и как-то пообщаться и посмотреть: все ли вышли из «пустыни», не погиб ли кто в тяжелой борьбе с «пустынными зверями», т.е. с искушениями. А такие вещи могут быть, хотя я надеюсь, что такого не будет, что все придут, все выйдут из «пустыни», что никто там слишком долго не задержится. Однако если вы все же увидите, что кого-то нет – и сегодня не было, и завтра не будет, – это значит, что человек где-то как бы лежит себе и ждет вашей помощи. Тогда ему нужно срочно послать носилки и «скорую помощь», чтобы вынести его из «пустыни», пока он еще жив. Надеюсь, что с Божьей помощью никто из новых членов Церкви не погибнет, но все же помочь тем, кто сейчас не выходит из «пустыни», очень важно. Так что если вы уже сегодня заметили, что кого-то здесь вместе с вами нет, то позвоните им сейчас же, чтобы завтра они пришли вместе с вами в храм, на причастие и на встречу, которая сможет продолжаться даже до вечерни и чина прощения, который будет вечером. В какой бы храм вы ни пошли, вы должны быть все вместе, потому что выводить кого-либо из «пустыни» потом будет значительно труднее. Конечно, «все возможно верующему», значит, в принципе, можно и позже выйти из «пустыни». Но для этого человеку нужно будет пойти вместе с группой в храм, вместе причаститься, а затем встретиться и как-то обсудить, что же с ним произошло, что же было во время «пустыни» хорошо и что не хорошо. Надо будет как бы подвести итог пройденному периоду, и только тогда человек выйдет из «пустыни». Сам себя вытащить за волосы из воды человек, как известно, не может. Самому выйти из «пустыни» без помощи братьев и сестер не получится. Поэтому если кто-то не придет сегодня и завтра на выход из «пустыни», это значит, что он еще остался в «пустыне». Так что помогайте братьям и сестрам, будьте очень внимательны, смотрите, кто есть и кого с вами нет. И в будущем будьте друг к другу так же внимательны. Может быть, у кого-то из вас уже появилось осознанное желание не покидать друг друга, помня, что «спасение в одиночку невозможно». Ведь истинное Христианство церковно. Наши приходы сейчас таковы, что собирать людей для такой взаимопомощи они не могут. Они могут только «утишать» скоромимоходящих людей, удовлетворять их индивидуальные потребности, поэтому нужны какие-то дополнительные средства, чтобы эту взаимопомощь осуществлять. Какие средства? Об этом вы сами подумайте. Это могут быть очень разные способы. Подумайте с помощью ваших катехизаторов. У них большой, многолетний опыт оглашения в Москве и не в Москве. Много тысяч людей прошло через Огласительное училище, поэтому вы можете спросить катехизаторов: что вам лучше делать? Катехизаторы посмотрят на вас и скажут: вам, к примеру, лучше собираться на молитвенные встречи, вам лучше читать вместе Евангелие, допустим, от Матфея, а вот вам еще что-то нужно – может быть, сначала обсуждать какие-то острые и трудные проблемы вашей духовной жизни, а кому-то, может быть, и то, и другое, и третье. Кому-то надо встречаться раз или два раза в неделю, а кому-то, кто послабее, лучше встречаться раз в две недели... В жизни бывает по-всякому... Вам решать: как вам будет лучше, так и будете делать, на что вы потянете, то и будет в жизни. Все теперь будет зависеть от вас. Вмешиваться мы не будем, а вот помочь –

пожалуйста. Ведь в христианстве есть закон взаимопомощи: «Носите бремена друг друга, - говорит апостол Павел, - и так исполните закон Христов». Какой закон? «Закон свободы», закон духовный. «Носите бремена друг друга» - то есть не стремитесь, чтобы вам было легко в жизни, не ставьте, по инерции старой жизни, в центр себя, свои амбиции, свои интересы, свои привычки, свои взгляды. Пусть всегда в центре будет Господь Бог, а значит, и носители образа Божьего - ваши ближние, иначе вы не исполните наибольшей заповеди - о любви к Богу и к ближнему. Помните, христианство есть вера в Бога и вера в человека - вот все это и надо осуществить. Повторяю, в одиночку это не получится. Это не значит, что всех надо палкой загонять в какие-то организационные формы. Это все должно быть абсолютно свободно. Вы - свободные в Господе, вы - чада Божии, которых поработать никто на земле не имеет права - ни духовники, ни иерархи, ни старшие, ни младшие, ни внешние обстоятельства, ни власти, ни господства - никто. «Вы свободные в Господе», - говорит апостол Павел. Помните об этом, потому что у вас сейчас в связи с этим в церкви будет много разных искушений. Я должен вам еще сообщить (для нас это важно, но и вам тоже пригодится, тем, кто захочет поддерживать отношения с нашим Братством; мы никого не заставляем это делать, это тоже сугубо добровольная вещь, но мы не хотим никого и отталкивать): кто хочет, может абсолютно свободно приходить сюда на молитву, приходить и в Огласительное училище, потом, с сентября или позже, поступать на Богословские курсы или в Высшую школу, правда, лучше, может быть, через год, после Богословских курсов. Все это возможно, для вас будут распростерты объятия, мы и в этом будем вам помогать. Теперь еще несколько конкретных рекомендаций. Во-первых, как мы говорили, завтра вы встретитесь и будете причащаться. Так вот, ходите в храм не просто, как в гости, как в театр, а служить Богу. Ваше служение заключается в вашей общей молитве, горячей сердечной молитве, с хорошей подготовкой. И естественно, вы должны чувствовать, что вы сослужите предстоятелю - пресвитеру-священнику, которой возглавляет эту молитву. Несите свое звание царей и священников Бога живого с честью, со славою, как положено, по-Божески. А после этого, повторяю, обязательно встретьтесь и поделитесь опытом. Тем более, что завтра - Прощеное воскресенье, и после него сразу начинается Великий пост. У вас очень интересно получилось: только из «пустыни» - и сразу в пост. Это особая милость. Пост вообще радостное время, хорошее время. Пусть вы будете меньше есть, но зато у вас будет и меньше забот о внешнем. Все равно что-то есть будете, не волнуйтесь. Ну, вы знаете, как надо пост проводить, вы знаете, что кроме скоромной пищи, что ограничиваются и брачные отношения, что в субботу и воскресенье пост менее строгий, а самый строгий пост в среду и пятницу - без рыбы, без молочного, без яиц и без мяса, конечно. По уставу вообще-то положено даже еще строже, но я вам говорю так, как реально сложилось у нас в последние века. Конечно, если у кого-то есть какие-то болезни: открытая язва, диабет или еще какие-то серьезные вещи, то подойдите, возьмите благословение на другой устав поста. Я вам напоминаю, что и сейчас каждую субботу, за редким исключением, я провожу здесь пастырский прием, причем принимаю любого человека по любым проблемам. Мы здесь, в Свято-Филаретовской часовне, как вы знаете, в субботу вечером всегда служим мирянским чином вечерню, а в воскресенье утром - утреню, так, чтобы вы могли успеть на литургию в любой храм Москвы, куда вы считаете нужным. Братство наше ходит в самые разные храмы... У нас пока нет своего храма, каким был храм Успения в Печатниках. Я надеюсь, что это отрегулируется, но пока есть то, что есть. В разных храмах служба начинается в 9 или в 10 часов утра, поэтому мы здесь утреню заканчиваем раненько. Я думаю, вы знаете, в какие храмы ходят члены нашего Братства. Но я должен сказать, что кроме основных четырех храмов, куда ходит большинство членов нашего Братства в Москве, есть и другие, чтобы нам не замыкаться на чем-то одном. Но идя в другие храмы, вы все-таки соображайте, что там могут быть люди, которым не нравятся ни катехизация, ни миссия, и вообще вы не нравитесь. Поэтому не наступайте им сразу на любимые мозоли, пожалейте батюшек и прихожан, которые не всегда понимают то, что в церкви есть и что в ней должно или не должно быть. Надо назвать четыре храма, в которые мы чаще всего ходим? Хорошо. Это храм прп. Феодора Студита, что у

Никитских ворот - не Большое Вознесение, а рядом. Второй храм - Успения на Успенском Вражке (в Газетном переулке); далее - храм великомученицы Екатерины на Всполье, т.е. Американское подворье, и иногда - храм св. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине (там, правда, ситуация сейчас духовно очень сложная). Бояться вам никого не надо, надо жить по-евангельски: «Будьте просты, как голуби, - говорит Господь, - и мудры, как змии». Если будет что-то одно из этого, то плохо. Если будете только мудры, то перемудрите, и вас все равно съедят: как зайчику ни прыгать, все равно окажется в зубах волка. А если будете только просты, - участь будет та же. Поэтому надо быть и простым, и мудрым - по Евангелию. Живите по Евангелию! И вот, чтобы жить по Евангелию, старайтесь это Евангелие хорошенько знать. Поэтому среди всех возможностей, какие у вас сейчас есть, я назвал возможность проведения евангельских встреч, где вы сможете вместе читать Евангелие, вместе готовиться к этому, вместе обсуждать, насколько Евангелие соответствует вашей жизни или не соответствует. Цель ваших встреч в том, чтобы вы могли применить Евангелие к вашей конкретной жизни. Цель важная и труднейшая. Есть еще, как я уже говорил, и молитвенные встречи, когда христиане собираются, чтобы вместе молиться. Конечно, у вас есть возможность молиться в храмах, но христиане должны молиться непрестанно, а не только в храмах: и дома, и в пути, и на работе, но не вместо работы, конечно. Надо уметь молиться друг за друга и знать церковную молитву, вот как ту вечерню, которую мы совершали сегодня мирянским чином. Ну, может быть, дома хора у вас не будет, но это не страшно. Два-три человека собралось, - и прекрасно. Вы можете собираться на агапы - трапезы Любви, традиционные в Церкви, которые две тысячи лет существуют в ней. Сколько христианство существует, столько существует и эта традиция. Обычно у нас их принято совершать раз в два месяца, но при этом все должны прежде причаститься, желательно от одной Чаши. Кто не причащается в тот же день, или в крайнем случае, накануне, тот на агапу не приходит - не надо искушать друг друга. Это вы должны знать заранее: любовь на агапе можно проявить тогда, когда вы с Господом, когда вы покаетесь, причастились, послужили, вот тогда у вас будет уже не просто общая еда, а трапеза Любви, Любви Господней. Вы должны еще знать, как живет Церковь. Церковь живет в служении, во взаимной личностной и жертвенной любви и церковной ответственности друг за друга. Это и называется общиной. Конечно, вы не думайте, что если вы собрались своей группой в десять-двадцать человек, то сразу стали и общиной. Ведь в миру, когда люди только знакомятся, они что, сразу становятся семьей? Конечно, нет. А община - это и есть семья. Только семья не по плоти, а по духу. Вот это и есть община. И отношения должны быть, в принципе, такими же, как и в семье, только, конечно, в семье хорошей. Разумеется, могут быть у вас и какие-то трудности. Никто из нас, кажется, еще не ангел. Нимбов не видите ни у кого? - Ну, а коли мы не ангелы, значит, могут быть и проблемы, только старайтесь, чтобы их было меньше. Старайтесь не создавать проблемы, а помогать друг другу их разрешать, - и в этом будет ваше общее служение и ваша христианская жизнь, которая превосходит возможностью спасения жизнь в монастырях, в семинариях и во всех других подобных заведениях. Это я говорю, чтобы у вас не было излишней романтики: хорошо бы, мол, стать священником или нынче же поехать по монастырям, по старцам... Старцев вот, правда, сейчас в церкви нет. Ну ничего. Когда-нибудь будут, если Бог даст. Некоторые спрашивают: вот, встречи и всякое другое... Нужно время, а где его взять? Что же, приходится чем-то жертвовать, иначе вы не сможете идти вперед, и у вас жизнь начнет рассыпаться, и вы начнете расцерковляться. Вы увидите, что сэкономите грош, а потеряете алтын. Не делайте этих ошибок. А то наверняка сейчас многие про себя думают: вот я теперь как возьмусь и у меня все сразу будет как надо - и на работе, и с домашними делами. Мол, мне вот этим и надо заниматься - летом на отдых или на дачу, ведь самое главное - это здоровье, и все такое... Нет! Если вы так будете жить, у вас христианская жизнь не получится. Просто не получится - говорю вам откровенно, обманывать не буду. Тут что-то надо делать по-другому. Как? - Думайте сами, у вас есть Евангелие, вас не впустую оглашали. Старайтесь искать волю Божью, любите волю Божью, правду Божью, истину Божью, и живите в соответствии с откровением Божиим. Вы никому не должны угождать в

ущерб Богу. Бог иногда открывает Свою волю через других людей, и тогда вы должны быть им очень признательны, но должны и сами разбираться, ведь человек, через которого Бог открывает Свою волю, тоже не идеален. Где-то он может быть прав, и это замечательно, а где-то и неправ. Что же, это возможно. Никакого идолопоклонства в вашей жизни больше не должно быть: ни вашему здоровью, ни вашим удобствам, ни начальству церковному или светскому, никому. Помните: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи», – вот каков должен быть ваш девиз. Это слова из Священного писания. Согласны? – Некоторые, я вижу, еще думают... Что же, думайте, только думайте хорошенько, чтобы не ошибиться. Вы можете сюда приходить или звонить в любое время: на Богословские курсы, в Огласительное училище, в Высшую школу, на Курсы церковно-прикладных ремесел, в детские учреждения – в Воскресную школу, в лицей, в гимназию. Чего здесь только нет. Библиотека, звуко студия и т.д. Книги здесь можно увидеть и заказать прекрасные, которые часто нигде не увидишь. Пожалуйста, все к вашим услугам. Еще о книгах. Какие книги вам сейчас нужны в первую очередь? Конечно, в первую очередь нужно читать Священное писание. Это ясно всем, это всегда будет в первую очередь. Каждый год Великим постом перечитывайте Новый завет! Каждый возьмите себе задание перечитать в пост полностью Новый завет. Вы уже читали большие куски, но полностью, я думаю, никто еще не прочитал Новый завет. Во время «пустыни» вы могли это сделать, но думаю, что не успели. Это первое и самое важное. Но есть еще и другие книги для вас принципиально важные и нужные, которые я вам также рекомендую прочитать. По опыту вашей «пустыни» вы, наверное, уже поняли, что для правильного устройства христианской жизни вам необходима определенная аскетическая работа. Поэтому почитайте что-нибудь из православной аскетической литературы, например, «Путь ко спасению» свт. Феофана Затворника. Всю ее читать тяжело из-за старомодного языка. Вам он еще непривычен, хотя это русский язык XIX века. А вот третью часть этого труда – преодолите все трудности и прочтите. Это вам практически важно. Если же у вас эта книжка не «пошла» или вам захочется почитать еще что-нибудь из аскетической литературы, – возьмите «Наставления» Аввы Дорофея. У него есть только одна книжка. Это тоненькая книжка, но также очень полезная, очень нужная вам. Вам нужно хотя бы немного ориентироваться и в том, что происходило с нашей церковью и верой на протяжении истории. Конечно, сразу читать какие-то исторические многотомники у вас не будет ни времени, ни сил. А вот прочесть одну книжку, например «Исторический путь православия» о. Александра Шмемана, можно и нужно. Это тоже для вас пока не очень простое чтение, но тоже очень полезное. Если вы сможете прочесть ее всю, то получите удивительную поддержку от Господа. Все эти книги перечислены в списке литературы, рекомендуемой вам после «пустыни» (см. прил. 3 в моей книге «В начале было Слово. Катехизис для просвещаемых»). Конечно, в будущем вам надо будет читать и Ветхий завет, но уже в свете Нового завета. Поэтому, когда вы прочтете Новый завет, тогда будете читать и Ветхий. Как вы помните, осенью вы можете поступать на Богословские курсы, и мы всем вам рекомендуем это сделать, даже тем, кто не может для слушания лекций выделить один день в неделю. Таким людям мы рекомендуем поступить на заочное отделение: будете брать пленки и слушать дома. Поскольку там почти никаких домашних заданий нет, то это возможно. Готовите ужин и слушаете (только смотрите, чтобы ничего не сгорело). Тут вам поможет наша звуко студия – Лаборатория технических средств обучения, ЛТСО, которая сможет вам предоставить эти пленки при условии, что вы успешно сдадите вступительный экзамен и будете приняты на Богословские курсы. Это будет в начале сентября. В нашей церкви сейчас много нестроений, но не нужно бояться ничего, никакого «нагаечного православия», как теперь говорят, и всяких фундаменталистов, модернистов и всего прочего. Вы должны слушать Господа. Вы не должны принимать никаких кличек, никаких ярлыков: «кочетковцы», «обновленцы» и т.п. – все это ерунда. Так говорят люди, которые играют в церкви в политические игры. Вы же не играйте ни в какие игры. Если вам кто-то что-нибудь подобное скажет, отвечайте: «Простите, я христианин, я православный», и все. Это главное. Вы идете ко Христу, вы члены Православной церкви, и этим определяется

вся ваша христианская жизнь, и ничем другим. Что еще нужно сказать сейчас в первую очередь? Берегитесь всяких раздоров, всяких склок, всяких слухов, всяких осуждений. Это не значит, конечно, что не надо трезво видеть недостатки. Еще раз предупреждаю (думаю, что вам это говорили на первом этапе оглашения), что очень часто люди под видом неосуждения просто скрывают свою лень и свою полную безответственность и бездеятельность. Бывает, правда, и наоборот: под видом борьбы за правду – в церкви, в обществе, в семье, в общине, где угодно, или, что хуже всего, под видом борьбы за веру люди скрывают свою злобность и осуждение. Не поддавайтесь всем этим духам ни в коем случае, откуда бы они ни шли! Проверяйте себя словом Божиим. Искушений сверх сил Господь не дает никому – помните это – никому и никогда! Значит все, что вам будет дано, будет дано не сверх ваших сил. Это не значит, что все легко будет решаться – вам надо будет подумать, надо будет помолиться, может быть, надо будет прийти и спросить у старших, у катехизаторов и других. Я думаю, что в каждой группе у вас будет свой староста. Им может быть прежний, но можете избрать и нового. Я не знаю, были ли у вас старосты в группах, когда вы оглашались, но неважно, был староста или не был, а сейчас он обязательно нужен, иначе кто вас будет собирать на встречи, кто будет сообщать вам информацию и т.д.? Ведь многие интересуются, что делается здесь, в Высшей школе. У нас здесь бывает много круглых столов, конференций, интересных встреч с выдающимися церковными деятелями. Откуда же вы будете обо всем этом знать? Вы же не можете каждый день сюда приходить или звонить. А мы сможем звонить вашим старостам или вашим информаторам – тем, кто будет эту информацию доводить до всех вас. Поэтому договоримся так. Вы выберете ваших старост (своих заместителей они могут выбрать сами), а мы встретимся и познакомимся со старостами через две недели, в субботу. Через две недели, после вечерни, мы встретимся с ними на Общем совете нашего Братства, чтобы у нас было время, чтобы мы могли с ними подробнее поговорить о том, как у вас в группах дела, что вас интересует, какую вам хотелось бы иметь информацию и т.д. Бывают у нас и другие возможности, но я сейчас об этом говорить не буду. Так, иногда мы еще получаем гуманитарную помощь. Поэтому нам важно знать, есть ли у вас люди, которые находятся в трудных житейских обстоятельствах. Мы, конечно, помогаем нашим братьям и сестрам, насколько можем. Бывает иногда нужна и какая-то другая помощь. Например, если нужна какая-то консультация или операция – поскольку братство большое, то иногда находятся возможности и в этом помочь. Но денег у нас, к сожалению, нет, и помогать деньгами мы, как правило, не можем. Как вы будете помогать друг другу и другим, так и другие группы будут вам помогать, так у нас уже сложилось... Мы не можем, к сожалению, даже при острой необходимости, обеспечить всю Москву и весь мир, у нас нет таких сил, но как-то помочь тем, кто входит в наше Преображенское братство, можем. Так что если кто-то попал в беду, в какие-то искушения – не бойтесь, не стесняйтесь, приходите, говорите, если надо – просите. Ибо как сказано в Евангелии? «Просите – и дастся вам, ищите – и найдете, стучите – и отворят». Так и действуйте, не стесняйтесь. Значит, договорились: со старостами мы встретимся, поговорим и будем держаться, по возможности, вместе. Выбирайте себе старост реальных, которые действительно могут заботиться обо всех – не только об узком круге особо симпатичных ему лиц, а обо всех. Часто говорят, что старостой должен быть брат. Конечно, лучше, если брат, но не обязательно. Братья, действительно, лучше несут это служение – суеты меньше, а толку больше, но не всегда... Какие у вас вопросы?.. «Зверики пустынные» вас, кажется, не сильно кусали: по крайней мере, сломанных рук, ног не вижу, сломанных душ тоже не вижу, хотя, впрочем, об этом надо судить по тем, кто отсутствует, а не по тем, кто присутствует. Так что завтра эту картину вы сможете восполнить. Летом, кто из вас захочет, готовьтесь к паломничеству. С 1 июля у нас в наших московских и немосковских братствах принято на какое-то время ехать в паломничество, иногда довольно длительное. Пожалуйста, это тоже имейте в виду, ибо это будет вам и полезно, и интересно. Вы на практике узнаете, что такое паломничество и чем оно отличается от экскурсии на религиозную тему. Вот пока и все. Всего вам доброго. С Богом!

20 февраля 1999 года.

* Печатается по изданию: Свт. Григорий Богослов. Собрание творений. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 548-549.

Сергей Озерский: «Пустыня» в Священном писании

Миссионерство и катехизация

«Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3: 16) Какое же научение и наставление дает нам один из самых распространенных образов Писания как Ветхого, так и Нового Заветов, образ пустыни? Прежде всего нам нужно ответить на вопрос: «Что такое пустыня?» Воспользуемся определением, которое дает в своей работе, опубликованной в журнале «Православная община» (№ 30—31), С. Зайденберг: «Пустыней называется пространство между Египтом — домом рабства и Землей обетованной», а «для христианина, пустыня — время между Крещением и выходом на служение...» (№ 30, с. 26). В Священном писании, с одной стороны, говорится: «Бог провел тебя по пустыне, великой и страшной, где змеи, василиски, скорпионы и места сухие, на которых нет воды» (Втор 8: 15). С другой стороны, пребывание израильского народа в пустыне описывается так: «Ты по великому милосердию Твоему не оставлял их в пустыне: столп облачный не отходил от них днем, чтобы вести их по пути, и столп огненный — ночью, чтобы светить им на пути, по которому им идти. И Ты дал им Духа Твоего благого, чтобы наставлять их, и манну не отнимал от уст их, и воду давал им для утоления жажды их. Сорок лет ты питал их в пустыне: они ни в чем не терпели недостатка: одежды их не ветшали и ноги их не пухли» (Неем 9: 19-21).

Итак, пустыня неизбежна для всякого выходящего из Египта. Можно сказать, что это место, где испытываются вера, верность, решимость и истинность духовного выбора человека. В этом смысле пустыня — область свободы, где избранный и призванный Богом человек или народ остается один на один с собой, со своим сердцем. Здесь должно дать ответ на призыв Божий, ответ однозначный и недвусмысленный. И тут, действительно, можно сказать лишь «да, да» или «нет, нет», причем сказать это может только сам испытуемый, и никому это сделать за него невозможно. В пустыне нет ничего и никого, кроме Бога, являющего в это время Свое присутствие совершенно беспрецедентным образом, и смертоносных гадов — змей, василисков и скорпионов.

Человеку очень трудно быть в такой обнаженной до предела духовной ситуации. Бесконечно долго находиться между двух огней — огнем любви Божьей и адским пламенем пустыни, между жизнью и смертью — невозможно. Поэтому Господь дает некий срок, который в Писании обозначен символическими числами — сорок дней или сорок лет, по истечении которого человек (или народ) должен дать ответ и выйти из пустыни. С. Зайденберг пишет, что «надо различать две «пустыни»: время испытаний, искушений, необходимо наступающее после крещения, и то духовное пространство, куда попадает человек, эти искушения не преодолевший». Однако надо помнить, что человек, не выдержавший искушений пустыни, может и вернуться в Египет, в страну рабства и смерти, т.е. духовно погибнуть, потерпеть «кораблекрушение в вере». Нам трудно судить о временах и сроках, но несомненно одно: к концу установленного срока душа не может больше терпеть, не может вынести состояние неопределенности и должна дать ответ: «И постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок

взалкал» (Мф 4: 2). Безусловно, здесь говорится не только о физическом голоде, но и об алчбе души.

Болезни пустыни

Мы упомянули о том, что избранный и призванный Богом человек не может миновать пустыню на пути в Землю обетованную. В новозаветное время Сам Дух Божий ведет туда Своего избранника, подобно тому, как Иисус после крещения «поведен был Духом в пустыню» (Лк 4: 1). Крестившиеся во Христа Иисуса получают «помазание от Святого и знают все» (1 Ин 2: 20), не нуждаясь более в человеческом водительстве. В этом отличие нового Израиля от ветхого, «крестившегося в Моисея в облаке и в море» (1 Кор 10: 2). Как вышедший из Египта народ должен был следовать за Моисеем и быть послушным ему, так и новокрещеный член Христовой Церкви не должен «советоваться с плотью и кровью» (Гал 1: 16), но следовать за Духом в ту пустыню, которую Он укажет. Поэтому поиск некоего духовного авторитета, которому можно было бы безоговорочно послушаться во время нахождения человека в пустыне, может быть свидетельством своеволия и отказа последовать Духу Божьему.

В пустыне христианин обретает опыт водительства Духом, когда исчезают все осязаемые ориентиры, сгущается тьма, и только вера может указать путь. «Я пришел в мир как свет, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме» (Ин 12: 46). Кто не научится так ходить, тот путь из пустыни не найдет. Есть множество примеров людей, в слепоте своей принимающих за поводырей духов пустыни и отдающих их водительству. Мы видим, как эти несчастные бродят по безводным местам, низвергаются в пропасти, не имея веры, чтобы, подобно иерихонскому слепцу, возопить о спасении. Слепота — вот первая из болезней, которые могут поразить идущего по пустыне.

В пустыне новокрещеный также учится слушать голос Божий, узнавать его среди многих других голосов. Поэтому другой недуг — глухота — поражает тех, кто начинает прислушиваться к лукавому шепоту и напрягает свой слух, чтобы услышать слова соблазна.

Как вера возникает от слышания слова Божьего, так от слышания слов лукавых рождается неверие. Неверие же становится источником ропота на Бога: «О если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта. Ибо вывели вы нас в пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом» (Исх 16: 3).

Вот самый характерный пример такого ропота. Его движущая сила — страх. Страх делает человека безумным, и в своем безумии он восстает на Бога. Апостол Павел напоминает коринфянам о пагубности такого восстания: «Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» (1 Кор 10: 10).

Не ропот, но благодарность должна рождаться в верующем сердце во времена искушения. Ведь через искушения достигается «венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак 1: 12). Поэтому апостолы призывают не только не бояться искушений: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного», но напротив, радоваться и благодарить: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения» (Иак 1: 2). В послании Иакова человек, переносящий искушения, назван блаженным.

С точки зрения человека мира сего, подобные призывы нельзя расценить иначе как безумство. Ведь оказывается, что не комфортному и беспроблемному существованию должна радоваться душа человека, но «огненному искушению». Испытание дает возможность человеку сразиться со злом, с сатаной во исполнение обетов крещения, когда человек отрекается от сатаны и

поклоняется Христу как Царю и Богу. Сатана, согласно Евангелию, и является источником искушений. Он приступает ко Христу, но получив отпор, «отходит от Него до времени» (Лк 4: 13). Апостол Иаков называет как причину искушений похоть: «Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью: похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак 1: 14-15). Эти слова перекликаются и со словами Спасителя: «Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы» (Мк 7: 21). Поэтому человек не может спастись от искушения, прячась и убегая от него.

Пустыня и Голгофа

Испытуемый в пустыне никуда не может скрыться от образа Креста. Из пустыни, оказывается, очень хорошо видна Голгофа, можно сказать, что между ними есть глубокая мистическая связь: в пустыне искушения начинаются, а на Голгофе Господь претерпевает последнее искушение. Нельзя не заметить, что формула этого искушения: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста», — очень напоминает формулы искушений пустыни. Разница только в том, что в пустыне искушитель предлагает Христу ложные пути, на Голгофе же все пути уже пройдены и все свершилось. В пустыне испытуемому, по-видимому, дается каким-то образом приблизиться к Голгофе, духовно ее предощутить. В этом и заключается главный искус пустыни. Если человек испугается креста, он не примет ни крестоношение в своей жизни, ни Голгофу в ней. Такой человек предаст себя сатане. Испытание пустыней есть испытание истинности любви человека к Богу. Видение креста и смерти не могут разрушить настоящую любовь, ибо любовь сильнее смерти. Недаром единственный вопрос, который задал Господь Петру, был: «Любишь ли ты Меня?» Пример Петра учит нас не делать слишком поспешных выводов о том, выдержал ли тот или иной человек искушения пустыни. Это зависит только от того, как его сердце ответит на этот вопрос Господа. Здесь пытливость исследователя должна благоговейно отступить перед тайной любви, перед тайной свободы человека любить или не любить.

Господь не скрывает от нас цену этой любви, и это очень дорогая цена. Без всякого пафоса мы можем сказать, что это цена крови.

Искушения пустыни

В Священном писании мы неоднократно встречаемся с образом пустыни. Моисей сорок лет водил народ по пустыне, сорок дней и сорок ночей пророк Илия шел по пустыне к горе Божьей Хориву (3 Цар 19: 4-8). Иоанн Креститель не только «проповедовал в пустыне Иудейской» (Мф 3: 4), но, как говорит нам Писание, «был в пустынях до дня явления своего Израилю» (Лк 1: 80). Сорок дней был искушаем в пустыне Господь наш Иисус Христос. И наконец, апостол Павел пишет о себе: «Когда же Бог... открыл во мне Сына Своего... я не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию...» (Гал 1: 15-17). Мы видим, что в некоторых случаях Писание не говорит о конкретных искушениях, а ограничивается лишь упоминанием о пребывании в пустыне. Так, например, мы ничего не знаем о том, какие искушения претерпевали Иоанн Креститель и апостол Павел. Возможно, это объясняется тем, что вся типология искушения дана нам в евангельском повествовании об искушениях Христа, и еще прежде этого — в рассказе о грехопадении прародителей. В сжатом виде мы находим в искушении ветхого Адама все то, что в развернутом виде содержится в искушениях Нового Адама — Христа. Предложение запретного плода «приятного для глаз и вожделенного» соответствует искушению хлебом, обещание, что чудесным образом «откроются глаза их» — искушению чудом. И, наконец, сама заданная цель: обрести знание и быть «как боги» — не что иное, как искушение властью. Эту связь открывает нам в своих посланиях апостол Павел: «Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни» (Рим 5: 18). Христос — Путь нашего оправдания, во Христе преодолевается всякое искушение, каким бы хитросплетенным оно ни было. Апостол,

вспоминая об искушениях народа Израильского в пустыне, пишет: «Все это происходило с ними как образы, а написано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор 10: 11). Эти слова апостола мы можем, наверное, отнести ко всем рассматриваемым нами примерам. Ключ к любому искушению есть в Писании, однако необходимо помнить, что открывается он Духом Святым при молитвенном чтении Священного писания. Проблема актуализации Священного писания в нашей жизни, которая встает перед христианином еще во время оглашения, — одна из самых важных проблем. Пренебрежительное к ней отношение приводит к тому, что искушения пустыни оказываются нераспознанными.

Наше время, богатое искушениями, дает обильную пищу для размышлений о том, как в наши дни сатана искушает Церковь Христову и как Церковь отвечает ему.

1. Искушение хлебом

Для того, чтобы понять современную специфику реализации этого искушения, вспомним беседу Иисуса с иудеями, приведенную в Евангелии от Иоанна: «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес» (Ин 6: 32).

Эти слова Спасителя чрезвычайно важны именно сейчас, когда в церкви стало широко практиковаться произвольное отлучение верующих от причастия, от той священной Трапезы, за которой Господь преподает нам «хлеб жизни», истинную пищу — Плоть Свою, и истинное питье — Кровь Свою. Как нам относиться к этому? Неужели Жертвы произвола лишаются причастности Жизни вечной по слову Господа: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе Жизни» (Ин 6: 53)? Во избежание этого соблазна Господь и говорит нам о том, что не Моисей дает хлеб с неба, а Отец Небесный. Мы должны помнить об этом потому, что на седалище Моисеевом, как предупреждал Спаситель, могут оказаться книжники и фарисеи, стремящиеся присвоить себе право Суда, принадлежащее Богу. В этом искушении должно преодолевать страх остаться без причастия, памятуя слова апостола Павла: «Никто не может отлучить нас от Христа». Дар духовного причастия, известный в Церкви с древних времен, и ныне дается несправедливо отлученным. Слово, исходящее из уст Божьих, как небесная манна, питает их.

Есть и другое искушение, которое связано с внешней доступностью Трапезы Господней. Мы видим порой формальные требования, предъявляемые для получения «пропуска» на евхаристию, или же отсутствие вообще каких-либо требований. Не спрашивается о главном: о вере и о покаянии. В результате может возникнуть магическое отношение к причастию, желание приобщаться силе и славе Христа, минуя крест. Здесь же необходимо, наверное, вспомнить восходящее к Священному писанию и забытое многими представление о церкви как о семье-общине. Пасхальный агнец дается семейству (Исх 12: 3), Тайная вечеря совершается в небольшой общине учеников. Забвение всего этого для новоцерковленного может означать потерю правильного пути и, фактически, постепенное расцерковление. Возникает несоответствие веры и жизни, приводящее к омертвлению веры.

Искушение хлебом заключается не только в том, что человеку нужно определить приоритет между Хлебом небесным и хлебом земным. Выбрав Хлеб небесный, человек должен понять отличие духовной трапезы от плотской и так вкушать Слово Божие, чтобы Оно стало его жизнью.

2. Искушение чудом

Начиная разговор об этом искушении, вспомним, что сказал Господь книжникам и фарисеям,

требовавшим от него знамения: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамений, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Мф 12: 39). Этими словами Спаситель обличает людей, ставящих свою веру в зависимость от знамений и чудес. Если мы вспомним все евангельские чудеса, то увидим, что они были следствием веры в Сына Человеческого, но никак не наоборот. Опасаясь соблазна, Спаситель запрещал людям, исцеленным чудесным образом, говорить кому-либо об этом.

Господь говорит нам только об одном знамении, которое предшествует вере, — о знамении Ионы пророка. Это знамение является содержанием христианской проповеди. Все оглашение посвящено тому, чтобы человек утвердился в своей вере в Него. Сатана же хочет отвлечь нововоцерковленных от реальной жизни во Христе, от жизни, в которой есть место и чудесам веры, и увлечь их в некие «виртуальные миры», населенные химерами. Эти химеры настолько завораживают человека, что он теряет всякую трезвенность. Это не что иное, как состояние «прелести», хорошо описанное святыми отцами. В рамках этого духовного недуга есть место лжепророчеству и визионерству, псевдохаризматизму и всевозможному целительству.

К великому несчастью, этот соблазн поражает многих. Действенность его, быть может, коренится в глубинном желании человека освободиться от рабства вещественным началам, стихиям мира сего. Человек ощущает свое высокое призвание, свою сообразность Богу и ищет этому подтверждения. Однако подтверждение здесь может быть только одно — Христос. Он — истинный Бог и истинный Человек, победивший стихии мира сего своей крестной Любовью. Поэтому находящийся в пустыне христианин должен отвергнуть все ложные знамения и миражи пустыни и верить только одному знамени, свидетельствующему о Христе.

3. Испытание властью

В наше время остро стоит вопрос о границах компромисса, на который христианин может пойти, оставаясь при этом христианином. В связи с этим нужно твердо сказать, что вопрос, кому поклоняться: Богу или сатане? — не оставляет возможности компромиссного решения. Акт поклонения сатане — это признание его господином. Он не может быть просто формальностью, это всегда акт духовный, влекущий за собой порабощение поклонившегося врагу. Это хорошо понимали первые христиане, предпочитавшие умереть, но не поклониться кесарю как Богу, хотя мы знаем, что люди того времени видели в этом одну формальность. Сейчас, после многих столетий открытости церкви всем духам мира сего, мы должны задаться вопросом; кому же принадлежит власть в церкви и кому должно в церкви поклоняться? Ответ казался бы очень простой: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф 4: 10). Однако сатана не теряет надежды, облекшись в светлую ризу, встать на место Бога и насладиться властью и поклонением, которые ему не принадлежат. Мы видим страшный для церковного народа соблазн отождествления Бога с церковной институцией и со служителями церкви. Такое отождествление может инспирироваться недобросовестными людьми, занимающими высокое иерархическое положение, либо быть инициативой снизу, исходить от людей, привыкших к «умиротворению» и раболепству. Очень часто мы видим это испытание действующим в церкви. Согласно Писанию, дьявол есть лжец и отец всякой лжи. Поэтому когда от человека в церкви требуют смириться с неправдой, согласиться с тем, что противно его совести, у него, несомненно, требуют поклонения сатане. Существо же этого требования может быть самым разным: покаяться в том, что ты не совершал, отречься от учения «еретических» богословов или, казалось бы, такая малость — не уходить со всеобщей после вечерни. За всем этим стоит дух насилия, противящийся свободе человека во Христе. Этот дух сулит человеку в награду за послушание все блага мира сего. Противостать ему — значит навлечь на себя хулы и гонения, сораспяться Христу. Покориться ему — значит потерять и себя, и Бога. И каждый человек, входящий в Церковь, должен сделать свой выбор.

* * *

В Откровении св. Иоанна Богослова говорится, что жена, «облеченная в солнце», «убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога» (Откр 12: 6). Это означает, что не только новоцерковленные братья и сестры проходят через искушения. Все земное существование Церкви в каком-то смысле есть странствие по пустыне, в котором испытывается ее верность Небесному Жениху. Каждый из нас когда-то проходит свою, личную пустыню, а все вместе мы составляем народ Божий, вышедший из Египта и идущий в «святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр 21: 2).

Священник Георгий Кочетков: Слово новоцерковленным перед выходом в «ПУСТЫНЮ»

Миссионерство и катехизация

Дорогие во Христе братья и сестры!

Я очень рад тому, что Господь дал всем вам силы и укрепил в вере, и укрепил в надежде, и укрепил в любви. Сейчас наступит для вас, новоцерковленных наших братьев и сестер, новое время, которое мы называем духовной «пустыней», которое вы будете проводить, конечно, в Москве, потому что лучшей пустыни, чем Москва, не бывает. В «пустыне» вы будете, естественно, проходить искушения — для того, чтобы утвердиться в своей вере, показать свою верность, утвердиться в надежде, утвердиться в любви, чтобы научиться использовать обретенную вами силу духа для преодоления искушений, которые вы должны будете опознать и которые должны будете преодолеть. Конечно, эти искушения могут рядиться и в красивые одежды. Будьте осторожны! «Пустыня» на то и пустыня, что бывают в ней миражи, обманки всякого рода. Учитесь бодрствовать и трезвиться, а также различать духи, и это, может быть, самое главное. Как и третий этап оглашения, «пустыня» — это в каком-то смысле итог вашего оглашения. Здесь будет проверяться ваш дух. Вы должны знать, что в «пустыне» водятся разные духовные «звери», причем иногда маленькие, но очень ядовитые. Так что берегитесь: будут от них искушения.

Вот сейчас вы, как на Небесах, или как у Христа за пазухой. Слава Богу! Но когда новорожденный младенец начинает ходить ножками, что с ним бывает сначала? Ему надо ходить? Надо! Когда же он делает первые шаги, то все время как-то куда-то «ныряет», поскольку сам еще не умеет крепко стоять на ногах. Если его снова взять на руки и снова лишь носить на руках, то он не сможет стать нормальным человеком. Значит, и вам нужно будет еще немного потерпеть.

Вы теперь не «младенцы во Христе». Ваше «младенчество» кончилось. Но «детство» еще не кончилось. Помните это: вы — не неофиты. Неофитство ваше кончилось вместе с младенчеством, но повторяю, детство — еще нет. Вы — народ святой, вы — народ Божий. Это не значит, что вы все знаете, все понимаете, все умеете, это не значит, что вы безгрешны. И поэтому Господь вам будет показывать ваши слабые места. Через что? Через искушения, через испытания. Знаете поговорку: «Где тонко, там и рвется»? Вот и у вас так будет: где тонко — там вам это и будет показываться.

Хорошо, если искушения будут касаться только внешней стороны вашей жизни: ну, скажем, если кто-то ломает руку. Это мелочи — это самое простое, самое легкое. Ну что это — руку сломал. Потом она зажила, ну чуть-чуть поболела, вот и все, на этом все кончилось. Просто тебе как бы говорят: будь внимателен. И очень быстро все будет исцелено Господом. Буквально чудеса совершаются: почти каждый раз, в каждом потоке кто-то себе что-то ломает, и врачи только удивляются, как быстро все приходит в норму. Хотя и это, конечно, искушение.

Но, безусловно, более тяжелые искушения — всегда внутренние: духовные и душевные. Конечно, в первую очередь вам нужно будет преодолевать те искушения, которые вас будут отводить от веры, от Церкви, от Бога и от ближних — ближних как по плоти, так и по духу, по вере.

Это, может быть, и есть самое страшное: сейчас будет множество искушений, которые будут пытаться оторвать вас от Бога и друг от друга. Это не те «высокие» искушения, что были у Господа (помните?), — хлебом, чудом и властью, хотя, конечно, у вас они тоже будут.

Например, у вас может возникнуть желание особого устройства житейского. Это — как искушение хлебом. Вам захочется побольше поработать, побыстрее и побольше зарабатывать, что-то поменять в своей жизни: развестись, свестись, получше устроить свой дом, переехать куда-нибудь и т. д. Тем более, что вот вы много сейчас уделяли времени оглашению и как бы естественно накопились дела (а они и действительно накопились). Но все равно — делайте их постепенно, не набрасываясь, ни за счет Бога и Церкви, ни за счет своей духовной жизни. Вам как раз и нужно будет научиться совмещать все стороны вашей жизни: и духовную, и церковную, и храмовую жизнь, и работу, и семью, и другие необходимые вещи. Все это нужно будет научиться совмещать, и именно в «пустыне» этим занимайтесь.

Дальше. Может быть искушение каким-нибудь чудом, например, некими знаменами. Один человек все время в храме и на молитве видит какие-то знаменья, скорее всего, совершенно искусственно вызванные. Другой, наоборот, если вдруг почувствует себя плохо в храме, то говорит: «Ой, я в храм больше не пойду, мне что-то там плохо». И это — искушение.

Иной человек будет искушаться какими-то неожиданно открывающимися новыми возможностями, должностями и т. д. Это то, что называется «искушение властью», властью над тем, над чем властвовать может только Бог. Никогда не старайтесь властвовать друг над другом и вообще ни над кем. Ваша власть — в Божией любви, в вашей кротости, смирении, в вашем дерзновении, в вашем трезвении — во всем том, что нужно в вашей духовной жизни. Вот в этом будет ваша истинная сила, слава и власть. Но не забудьте, что самое большое искушение будет подстерегать вас в самых простых вещах.

Вот вы, вроде бы, неделю побыли с Господом, вы все силы на это положили. Вам Господь дал большое утешение и заряд на всю жизнь. Вы были как бы на горе Фавор. Вы на нее поднялись и оттуда много чего увидели. Но куда пошел Господь с горы Фавор? В Иерусалим, на Голгофу? Совершенно верно. Пошел с тем, что было на Фаворе, побывав на Фаворе, чтобы потом Ему этот Фавор обрести снова, но уже по-другому, и дать другим его Свет. Так вот, и у вас будет нечто подобное. Обязательно! Ведь если вы не будете искушенными, если вы не будете искусными, — горе вам: вы останетесь младенцами и детьми на всю жизнь. Хорошо ли это? Нехорошо. Вы же должны стать совершенными и, значит, духовно взрослыми. А духовно взрослыми вы станете лишь тогда, когда возьмете на себя свой крест и свое служение. Обратите внимание: не просто будете работать, что-то делать. Слава Богу, конечно, если вы вполне работоспособны и можете работать для Господа, но вы должны знать, что служение выше работы, только работы. За работу человек, ища компенсации затрат сил и энергии, зарплату получает — за служение же ничего не получает, но Господь дает тем, кто Ему служит,

восполнение всех сил с прибылью. Вот этого ищите!

Ваша пустыня вполне окончится тогда, когда вы начнете служить Богу и Церкви «тем даром, который получили». А какой вы получили дар? Пока это неизвестно. Для того, чтобы это стало известно, вам и нужно будет пройти все искушения, все испытания, проверить, где у вас слабо, а где у вас сильно. Понимаете? В то же время вам надо, чтобы у вас никогда не было уж так слабо, что ступил куда-то на полшажка в сторону — и провалился, как в болото.

А какое будет еще у вас искушение? Отдыхать побольше? Это, конечно, тоже искушение. Не расслабляйтесь. Но важнее другое. Будет еще искушение, связанное с общением друг с другом. Ведь во время «пустыни» вы, естественно, будете приходить в храм каждую неделю или раз в две недели (кто как сможет), исповедоваться и причащаться, но у вас не будет встреч с катехизаторами. Вот единственное условие, но это существенное для вас условие. Правда, частные встречи с ними у вас могут быть, как и с крестными, и с духовником. Также вы сможете, если захотите, приходить на пастырские беседы со мной, как это было и раньше, по субботам, в наш храм. Пожалуйста, я к вашим услугам. Однако если вы захотите пойти еще куда-то — ради Бога, пожалуйста, ибо вы сами определяете, к кому в какой храм вам ходить. Мы со своей стороны, конечно, всегда будем рады вам и вашему приходу. Но помните, что теперь вы будете не в тех условиях, как прежде, когда вас брали и, как малышей, носили, когда с вами носились. Теперь для вас все будет в общем порядке. И это, конечно, тоже будет некоей для вас трудностью. Некоторым из вас даже покажется: «Что это? Не бросили ли нас, не забыли ли о нас? Раньше все время были с нами, а теперь как будто и не с нами. Теперь нужно просить и добиваться личного общения». Да, теперь вам надо будет об этом просить своих крестных и батюшек, или катехизаторов. Так, как все, ибо такова жизнь. А вы хотите быть как все? (Да!) Правильно, только в меру.

Что еще вам теперь нужно? Нужно, конечно, помнить, что большие трудности у вас будут в общении между собой и с другими людьми. Ведь у вас еще много «пережитков прошлого». Поэтому обязательно еще всплывут ваши старые искушения. Если кто-то был обидчив, — обязательно захочется обидеться, если кто-то делал еще что-нибудь нехорошее, — когда-нибудь очень захочется вернуться к прошлому. Обязательно будут такие искушения! Только вы не возвращайтесь и в этом помогайте друг другу. Как мы с вами уже говорили, живите по принципу: дай, помогу!

И здесь будет еще одно искушение. Если на оглашении вы занимались больше собой, своим устройством, а теперь все силы вам нужно бросить на помощь другим, то захочется делать это, не рассчитывая своих сил. Больной ли попросит вас помочь или еще кто-то, кому действительно нужна помощь, захочется сразу бежать и всем помогать. Ну, когда тревога ложная, то это проще обнаружить, а вот когда помощь действительно нужна, то что? Конечно, помогать другим христианин должен всегда, но он при этом должен рассчитывать свои силы, чтобы не получилось так, что вы начали помогать — и бросили, и от этого впали в уныние и в искушение. Вы поймите, что ребенок, конечно, очень энергичен, но он все-таки ребенок и в действительности сил у него не так много. Поэтому и ваша помощь должна идти, как у детей, от полноты сердца, от любви, а не просто от сознания долга и необходимости делать то-то и то-то, потому что вас попросили, но и здесь надо проявлять смирение, трезвость и рассудительность.

Итак, никогда не давайте обещания делать больше, чем вы можете, в том числе и своим близким и родным, которым очень захочется использовать ваши добрые намерения, вашу новую веру и новые силы. Они вас немного даже будут учить: вот, мол, теперь ты — христианин, и поэтому ты должен делать для меня то-то и то-то. Не давайте же учить вас таким образом никогда и никому! Пусть вашим учителем будет только Господь, а еще — Священное писание и

предание, да молитва.

Далее. У вас будут возникать разные вопросы и поэтому будет желание читать что-то духовное. А вам, скорее всего, кто-нибудь будет подсовывать или рекомендовать какие-то книжки. Это тоже может быть искушением. Потому что вам нужно начинать с главного. А что для вас главное? Прежде всего — Священное писание, Новый завет. Читайте в «пустыне» Новый завет — всё, что вы не успели прочесть из него. Не беритесь ни за какие книги, пока не прочтете полностью Новый завет. Потому что все остальное зиждется на нем. Не будет этой основы — и все будет пониматься неправильно. Итак, ваша основа — это Священное писание Нового Завета. Берите кассиановский перевод и синодальный перевод. Кто из вас читает быстро, воспринимает хорошо, может, конечно, читать во время «пустыни» и Ветхий завет. Но «пустыня» длится всего сорок дней.

Когда у нас с вами заканчивается «пустыня»? Через сорок дней. Накануне вы придете на вечерню, а утром — для причастия на литургию в храм. Обязательно приходите! Не думайте, что вы сами выйдете из «пустыни». Нет, как вас нужно сегодня в «пустыню» отправлять, так вас нужно будет из «пустыни» и выводить. А если кто-то почему-то не придет или духовно потеряется и из «пустыни» не выйдет, то обязательно с этим человеком свяжитесь, найдите его. Очень часто люди в этой «пустыне», так сказать, влачатся долгие годы, иногда даже забыв, когда они причащались.

Поэтому старайтесь, чтобы «пустыня» не затягивалась и чтобы никто не застрял в этой «пустыне». К назначенному дню обязательно готовьтесь к общему причастию и к агапе в группе и приходите, не оставайтесь в «пустыне», даже если она как бы и пригреет вас. Бог будет всегда с вами и всегда рядом, но самое трудное «пустынное» искушение в том, что иногда вы вдруг можете потерять это чувство. Вот, оно было, было, было, вот, солнышко светило, как это было у нас каждый день на Светлой седмице: как крестный ход, — солнце, а крестный ход кончается, — солнышка нет. Вот и сегодня так же, и каждый день тогда было так. Но вот теперь может быть так, что Бог-то останется рядом, но какая-то тучка может закрыть Его Свет. Это не значит, что Его нет, поэтому не искушайтесь, если вдруг потеряете молитвенные или еще какие-то чувства. Чувства все придут и вернуться, была бы молитва, была бы вера, был бы дух.

Конечно, если, не дай Бог, все-таки кто-то упадет, то помните древний принцип: пал — встань, не лежи в грязи, а вставай, очищайся и иди дальше по той же дороге, по какой шел, не меняй пути. Это самое главное.

Бывает, конечно, и так, что человек не хочет идти в «пустыню» и ему не удастся этот период. Все время «пустыни» он проходит радостно, весело, без единого искушения, и думает: как хорошо он прошел «пустыню»! Увы, если будет так, значит «пустыни» еще не было и она все равно вас настигнет — в другое время, позже. Но тогда она может длиться уже не 40 дней, а полгода, год или даже несколько лет. И переносится она в этом случае значительно тяжелее, потому что все хорошо в свое время. Ведь если детская болезнь настигает человека во взрослом состоянии, он, как вы знаете, переносит ее хуже. А «пустыня» — это тоже как бы ваша еще детская болезнь. Бог вам всегда поможет, только помолитесь Ему как следует.

Что же еще вам читать, кроме Нового завета? Иногда у вас еще не будет хватать духовных сил для чтения Нового завета, поскольку это требует большой концентрации. Тогда вы можете читать и другие важные для вас сейчас книги, которые помогут вам в выборе вашего дальнейшего христианского и церковного пути. Вот, например, сборник «Приход, община, братство, церковь». А вот книга отца Сергия (Савельева) «Далекий путь» и сборник его же проповедей. Это совершенно замечательные книги об опыте христианской жизни в XX веке.

Именно общинной жизни, а не просто жизни на приходе, куда прекрасные люди, потенциальные братья и сестры, приходят, как сказал один проповедник, и оттуда потом бесследно уходят. Эти книги сейчас для вас — драгоценность. По общинной жизни ничего подобного почти нет. Впрочем, вот еще одна такая книжка. Это журнал «Надежда», № 16, где рассказывается тоже про общину — о. Алексия Мечева и его сына о. Сергия Мечева, — которая существовала в первой половине XX века.

Что еще можно порекомендовать вам читать? Вот еще книга об опыте подвижничества двадцатого века «Мать Мария» о. Сергия Гаккеля — о том, как нужно подвижнику в наше время жить. А вот в 176-м номере парижского журнала «Вестник Русского Христианского Движения» опубликована прекрасная рукопись той же матери Марии (Скобцовой) «Типы религиозной жизни». Кто еще не читал, прочтите непременно! Это именно о типах, о направлениях, что для вас сейчас особенно важно. Ведь вы можете пойти по духовному пути в Церкви и заблудиться. Даже при всем том, что я вам сказал, что вы слышали от катехизаторов, что вы знаете из Священного писания, вы все равно можете сбиться с евангельского пути. Есть, например, эстетический тип православия: ведь многие ходят в храм, чтобы послушать пение. А другим прежде всего нравятся иконы, благолепные батюшки и так далее. А бывает еще мощный «государственный», «синодальный» тип: главное, мол, чтобы православие было опорой государства, основой возрождения общества, монархии и т.д. А бывают и другие не евангельские типы, когда, например, люди ударяются в аскезу, причем так их заносит, что им уже кажется, что все, кто не такой, как они, уже не спасаются. Я сейчас специально говорю об этом чуть-чуть в шутку, а вот глубоко всерьез и в то же время доступно и кратко написано в этой статье матери Марии, статье, провидчески написанной в Париже еще в 1937 г. Мать Мария была из русской эмиграции, она погибла в конце Второй мировой войны в немецком концлагере. Сейчас готовится ее канонизация. Так что очень важно это вам прочитать.

Ну, а если вы захотите прочитать не только о том, что писали наши эмигранты, утонченные интеллектуалы, духовные люди (кстати, мать Мария была монахиня), прочитайте книжку «Отец Арсений». Это хорошая книжка, рассказывающая про священника, который был в лагерях, ссылках, и о том, как строилась его жизнь. Это вам тоже будет очень полезно.

Вот эти книжки, которые я показал, — это то, что вам нужно в первую очередь, чтобы у вас были заложены хорошие основы вашего дальнейшего пути, чтобы вы могли укрепиться в том, что вы получили на оглашении. Ведь оглашения недостаточно. Ни в коем случае не думайте, что вы катехизировались, — и значит, все знаете и все понимаете. Ничего подобного! Оглашение — это только фундамент, строить же духовный дом вам придется еще всю жизнь. А вот как его строить, как его распланировать, какими вы будете духовными архитекторами — это зависит от того, как вы будете внутренне расположены и направлены.

Вы найдете список рекомендуемой литературы с выходными данными в «Предисловии автора» к моей книге «В начале было Слово. Катехизис для просвещаемых». М., 1999.

Что еще вам сказать? Конечно, «пустыня» — время трудное. Но вам нужно прежде всего понять, что нельзя друг друга бросать, нельзя расходиться. В «пустыне» особо не пособираешься, а вот после «пустыни» у вас такие возможности будут. Если вы захотите, вы сможете друг с другом постоянно, регулярно, каждую неделю встречаться. И после вашей «пустыни» я или кто-то другой расскажет вам, что и как делается в нашем Братстве.

Мы предложили вам все возможности — теперь дело вашей духовной свободы, все будет зависеть от вашего дерзновения, от вашего желанья. Никто ничего навязывать вам не будет. Мы можем и дальше делиться своим опытом, мы можем предлагать вам что-то, но не более того. Об этом, пожалуйста, помните. Теперь ваша духовная свобода будет прямо связана с

вашей духовной ответственностью в Церкви — за Церковь, за себя, друг за друга, за всю вашу жизнь.

И в заключение, напомню, как вам исповедоваться и причащаться. Прошедшая седмица, «светлая», была, конечно, уникальной. Вы понимаете, здесь были особые правила. Конечно, если бы вы и дальше каждый день причащались, то можно было бы так же и потом и причащаться. Но тогда у вас был бы уже как бы монастырь. Хотя надо сказать, что теперь и в монастырях с причастием так не получается: работы много и искушений много. Но чем чаще вы будете причащаться, тем лучше. Повторяю, если кто-то сможет причащаться каждую неделю, начиная прямо с ближайшего воскресенья, — будет замечательно: приходите, причащайтесь, никто вам запретить не может. Даже если кто-то и считает, что это нехорошо, в вашем случае он ошибается, потому что вы прошли полную взрослую катехизацию и у вас есть для этого и основания, и силы.

Как вам в нормальном случае готовиться к причастию? Прежде всего, относительно поста перед причастием. Это серьезный вопрос. Здесь нет установившейся практики, поскольку люди очень в разном ритме причащаются. В некоторых храмах причащаются очень редко. В этом случае обязателен трехдневный пост, обязательно строгое говение, даже если они причащаются два—три раза в год. Но в нашем Братстве многие причащаются если не каждую неделю, то раз в две недели, раз в три недели. В этом случае, конечно, невозможно держать строгий трехдневный пост перед каждым причастием, да и не нужно, потому что есть уставные посты. Уставные посты — это четыре больших поста, плюс по средам и пятницам. Этого вполне достаточно. К тому же есть евхаристический пост с полуночи: не есть, не пить, не иметь брачных отношений — для тех, кто в браке. Так что когда вам будут говорить: «Надо обязательно три дня поститься», — знайте, что это пережиток старых дореволюционных времен, когда причащались раз в год. К сожалению, инерция очень большая, особенно не в Москве, где еще часто встречаются священники, которые это требуют. Не постился три дня, — причащаться не можешь. Это, конечно, безобразие, это нарушение всего: и уставов, и традиций. Но многие батюшки, к сожалению, об этом не знают. А если вы начнете учить батюшек, это для вас может быть новым искушением.

Исповедоваться перед причастием принято каждый раз, даже если вы причащаетесь каждую неделю. У нас был раньше баланс: каждую субботу были общие исповеди, и если у человека не было каких-то особых обстоятельств или грехов, которые требуют более частой и частной исповеди, то он каждую субботу приходил на общую исповедь и получал разрешительную молитву. А раз в два месяца он приходил уже на частную итоговую исповедь, более серьезную, с серьезной подготовкой.

А сейчас общую исповедь во многих местах почему-то отменили, даже для тех, кто причащается каждую неделю, что, конечно, жаль, поскольку это известная и принятая в нашей церкви традиция. Но что есть, — то пока есть. Если же вы будете ходить в храм, где совершается общая исповедь, вы можете придерживаться этого ритма: каждую неделю — общая, а раз в два месяца — частная исповедь. Только с ней не затягивайте. Если нет такой возможности, — приходите на частную исповедь.

>Помните, что на исповеди всегда нужно говорить правду, но в то же время не всегда во всех частностях, если вы исповедуетесь не духовнику, а более или менее случайному священнику. Тем более, что иногда священники бывают настроены несколько против нашей общины, и это, конечно, как-то отражается на исповедях. В этом есть некоторая опасность, ее нельзя недооценивать, и нельзя и переоценивать. Главное — перед литургией рассуждайте о Телe и Крови Господних, как сказано в Писании. Главная ваша цель во время покаяния — рассуждать о своих грехах, а при подготовке к причастию — рассуждать о Телe и Крови Господних и

«вникать в себя и в учение», чтобы не подойти к Чаше с сердцем, закрытым для Господа.

Что читать перед причастием, какие молитвы? Я считаю, что, как минимум, надо читать два канона: «Канон покаянный» — для подготовки к исповеди и «Канон ко святому причащению» — при подготовке к причастию. Но сейчас во многих храмах еще требуют читать Канон и Акафист Богородице и Канон ангелу хранителю. Думаю, что у вас и на это будут силы. Если же у вас мало времени, то пока вы едете в храм, читайте. Вы можете и накануне читать, не обязательно прямо день в день. Это надо делать. Ибо как говорит Писание? «Что они говорят вам делать, то делайте», а если плохи дела их, то «по делам их не поступайте».

Еще вам нужно иметь определенный духовный ритм. Надо не только регулярно ходить в храм, но и регулярно молиться. У вас должно быть молитвенное правило: утренняя молитва, вечерняя молитва, как и молитвы до и после еды, должны быть обязательно. Вы можете для этого использовать полный чин утренних молитв, полный чин вечерних молитв, канонические молитвы до и после еды из Молитвослова. Вы можете молиться и по Молитвослову, и своими словами, сочетая и то, и другое, но можете что-то и сокращать, греха в этом нет.

Со временем вы потихоньку привыкнете и к славянскому языку, начнете в нем разбираться. Есть у нас книжечки, где содержатся те же самые молитвы и каноны по-русски — для тех, кто с трудом входит в славянский язык. У кого же нет этой проблемы, — слава Богу, пожалуйста, читайте по-славянски. Прочтите еще, пожалуйста в маленькой книжечке, которая называется «Перед исповедью», о том, как составлять свое собственное молитвенное правило на каждый день. Ведь не обязательно брать все готовое. Вы можете приложить какое-то индивидуальное усилие и сделать так, как вам лучше, как вам по душе в этом конкретном периоде вашей духовной жизни. Это допускается. В той же книжечке, к слову говоря, есть и «Покаянный канон» на русском языке (хотя в «Катехизисе для просвещаемых» есть уже его новая редакция) и, если вы еще не читали, тут же есть небольшая статья о. Александра Шмемана «Об исповеди» и о том, как исповедоваться, каких избегать крайностей на исповеди и т.д. Ведь исповедь не должна превращаться просто в духовную беседу. Для этого существуют особые пастырские беседы. Но не должно быть и чисто законнического перечисления грехов без всякого духовного смысла, кроме чисто юридического.

Конечно, если у вас есть верующие детки и другие родные, — старайтесь вместе молиться и вместе ходить в храм и причащаться. Это замечательно, когда все вместе дома молятся. Это никогда не позволит вам находиться во вражде. Люди, у которых что-то не в порядке во взаимоотношениях, — они вместе молиться не могут, даже если все вроде бы верующие: каждый будет тяготеть к своему углу, стремиться молиться отдельно. Так что у вас будет прекрасная «лакмусовая бумажка»: все у вас дома хорошо или не все. Если вы можете молиться вместе с верующими вашими домочадцами, — значит, все хорошо. Не можете — значит, еще надо прилагать усилия к примирению, к развитию духовных отношений и т.д.

Правда, у вас еще могут быть какие-то искушения, связанные с нашей церковной ситуацией, с нашей приходской ситуацией и т.п. Эта ситуация пока остается сложной. Мы надеемся на то, что общими усилиями и общими молитвами, и вашим предстоянием перед Богом Господь поможет, и правда восторжествует. И то, что полезно для Церкви, то и будет делаться. Но увы, в истории действует не только Божья сила, но и другие силы. Бывает так, что они даже временно побеждают. Мы надеемся, что этого не будет, но все-таки будьте готовы к разному. Не спешите спорить. А то придете куда-нибудь, начнете говорить: «Вот, я прошел оглашение там-то и там-то», а кто-то начнет это оспаривать с позиций, может быть, не очень хорошего знания того, что есть в реальности. Не спешите спорить, посмотрите на человека: если он готов принять другое мнение, рассказывайте ему, действительно, правду. Но если он не готов, если он просто утверждает свою точку зрения — и все, то подождите немного, когда человек

свой гнев переменит на милость, откроет свое сердце, и тогда ваши слова будут ложиться на добрую почву. Потому что просто спорить, лишь бы спорить, — это не дело. Вы будете утверждать себя, вы будете озлобляться, вы будете опустошаться, а толку никакого. Вас будут смущать, вам скажут какую-то неправду — а вы же не можете сами знать всех деталей, что реально было там и сям, кто и что делал, кто и что говорил, — и вы можете начать сомневаться. А вас и без того будут отводить от Церкви искушения. Так вот важно, чтобы они вас от Бога и от Церкви не отводили.

Главное же, будьте верны Богу и Церкви, будьте верны друг другу на избранном пути, и тогда Господь мира будет всегда с вами и вы никогда об этом не пожалеете, какие бы трудности ни приходилось вам в жизни преодолевать.

Всех вас поздравляю с завершением оглашения. Храни вас всех Господь в благодати, в радости и мире! Не пугайтесь ничего даже в «пустыне», — и всегда увидите, что выход находится из любого положения.

С Богом!

Святитель Григорий Богослов: Из «Слова на святое Крещение»

Миссионерство и катехизация

Со Христом погребаемся через Крещение, чтобы с Ним и восстать; с Ним снизойдем, чтобы с Ним взойти и на высоту; с Ним взойдем, чтобы и прославиться с Ним! Если после Крещения приразится к тебе враг Света и искуситель (а он приразится; ибо он приражался к Слову и Богу моему, обманувшись внешним покровом, — приражался к сокрытому Свету, обманувшись видимостью); то имеешь, чем победить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь Духа, сим угасятся все раскаленные стрелы лукавого (Еф 6: 16). Ибо здесь Дух, и даже Дух, раздирающий горы (3 Цар 19: 11), здесь вода, и даже вода, угашающая огонь. Если искуситель представит тебе нужду (как дерзнул и Христу) и потребует, чтобы камни сделались хлебами (Мф 4: 3), возбуждая тем голод, окажись не незнающим его намерений. Научи его, чему он еще не доучился, противоположи ему Слово Жизни, которое есть Хлеб Жизни, посылаемый с Неба и дарующий Жизнь миру. Если искушает тебя тщеславием (как и Христа, возведя на крыло храма и сказав бросься вниз в доказательство Божества (Мф 4: 5-6)), не низлагай себя превозношением. Если сие приобретет, не остановится на том, он ненасытен, на все простирается, обольщает добрым и оканчивает лукавством: таков способ его брани! Даже и в Писании сведущ сей душегубец, из одного места скажет: написано о хлебе, из другого: написано об ангелах. Ибо написано, — говорит, — ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя (Пс 90: 12). О хитроумный на зло, для чего не договорил и последующего (я твердо помню сие, хотя и умолчишь ты), что, ограждаемый Троицей, наступлю на тебя — аспида и василиска (13) и попить буду змей и скорпионов (Лк 10: 19)? Если же станет преодолевать тебя ненасытностью, в одно мгновение времени и зренья показывая все царства, как ему принадлежащие и требуя поклонения, презри его, как нищего, и с надеждой на печать (Духа) скажи: «Я сам образ Божий, не погубил еще небесной славы, как ты через превозношение, я во Христа облекся, во Христа преобразился Крещением — ты поклонись мне». И враг, как твердо знаю, побежденный и посрамленный сими словами, как отступил от Христа — первого Света, так отступит и от просвещенных Им.

: «Приведу его в пустыню, и буду говорить к сердцу его». Наставления новокрещеным: традиция и современность

Миссионерство и катехизация

Церковь, имея богатый опыт оглашения и воцерковления взрослых людей, всегда знала, что вслед за крещением человек, подобно Христу, будет «возведен Духом в пустыню», т. е. будет проходить определенные искушения, для того, чтобы стать искушенным и испытанным, обретя первый опыт борьбы и победы над злом и грехом в своем новом звании царя и священника Бога Живого. «Обычно за Крещением и таинствоводством начинается для новокрещеных период, называемый «пустыней», когда приходят тяжелые искушения, касающиеся новой жизни и выбора личного пути, когда, как и Христу, будут предлагаться ложные пути спасения, которые надо каждому отвергнуть прежде, чем по примеру Христа выйти на служение «тем даром, какой получил» (1 Пет 4: 10). А истинное и полное христианство и есть действенная Любовь к Богу и ближнему, значит, и есть жизнь как служение» (Свящ. Георгий Кочетков. Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях. М., 1997, с. 13).

Зная это, Церковь, соответственно, всегда, начиная с самых древних времен, старалась помочь своим новым членам, предупредить о предстоящих им искушениях и вдохновить на подвиг их преодоления. «Если после крещения приражится к тебе враг Света и искушитель (а он приражится; ибо он приражался к Слову и Богу моему, обманувшись внешним покровом, — приражался к сокрытому Свету, обманувшись видимостью); то имеешь, чем победить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь Духа, сим угасятся «все раскаленные стрелы лукавого» (Еф 6: 16)», — обращается к новокрещеным свт. Григорий Богослов в своем «Слове на святое Крещение», сравнивая предстоящие им искушения с искушениями Христа хлебом, чудом и властью.

Однако существование Церкви в условиях современного секулярного общества в мире, где агрессия зла и греха обретает тотальный характер, а также и собственное современное устройство церкви, при котором, в отличие от времени свт. Григория Богослова, оказывается затруднено личностное общение, а значит, и естественная ответственность христиан друг за друга и действенная взаимопомощь, требуется уже не просто предупредить нововоцерковленных о предстоящей им «пустыне», но и через какое-то время помочь им из нее «выйти». Это и обуславливает возникновение в современной системе оглашения особого отрезка времени, называемого «пустыней». Естественно, для измерения продолжительности такой «пустыни» было выбрано традиционное символическое библейское число — сорок дней.

Если сама жизнь в Церкви — всегда служение, то это служение не может быть принято человеком сразу после оглашения, как бы «по инерции». Ведь если на оглашении человек привык, скорее, получать, то теперь он должен начать, наоборот, отдавать, что, к сожалению, не всегда ясно им осознается. Поэтому необходим какой-то «буфер», какое-то время и пространство для сознательного и духовного испытания и выбора дальнейшего пути.

В особенности это касается пути общинной жизни. Дело в том, что во время оглашения между людьми в одной огласительной группе естественно устанавливаются какие-то связи и определенная общность, особенно явно выявляющаяся во время Светлой (таинствоводственной) седмицы, когда людей объединяет опыт ежедневного служения, причастия и познания церковных таинств. Им кажется, что они не расстанутся никогда... Однако чтобы различить,

отделить здесь подлинно духовное и глубокое от душевного и поверхностного, также требуется некий «фильтр». Роль этого фильтра и выполняет «пустыня», специфика которой заключается в том, что в течение этих сорока дней новоцерковленные люди не встречаются как группа, вырабатывая свой индивидуальный ритм духовной и, в частности, аскетической жизни — частота причастия и исповеди, молитвенные правила и т.п. — и научаясь по-новому устраивать всю свою жизнь. Это связано также и с тем, что в катехизации, особенно в условиях современной, внутренне конфликтной церковной жизни, в чрезвычайной степени подверженной духу самоисключительности и сектантства, всегда сохраняется опасность оглашать человека не только для Церкви, но и «для себя», т.е. для «пополнения рядов» своего церковного направления, своего прихода, общины, братства и т.п. В этом отношении «пустыня» призвана помочь преодолеть это искушение как оглашаемым, так и самим катехизаторам. Через «пустыню» с трудом проходят как коллективистские инстинкты, так и идеологические схемы.

К моменту «выхода из пустыни» человек, как правило, может уже достаточно ясно понять свое новое положение в церкви, лично определиться в своем выборе и рассчитать свои силы.

На страницах нашего журнала мы уже не однажды обращались к теме «пустыни» (см., например, Семен Зайденберг. Пустыня, «Православная община» № 30—31). Сегодня мы продолжаем разговор на эту тему, публикуя слова, обращенные к новоцерковленным до и после «пустыни» и предлагая вниманию читателя работу студента II курса Свято-Филаретовской школы Сергея Озерского «Пустыня в Священном писании», в которой затрагиваются некоторые новые аспекты этой темы, ставшие особенно актуальными в последние годы церковной жизни в России.

Христос Яннарас: Вызов православного традиционализма

Богословие и философия

Свято-Филаретовская школа в 1997 г. провела большую научно-богословскую конференцию «Живое Предание», специально посвященную искажениям Предания Церкви в таких явлениях церковной жизни, как фундаментализм и модернизм*. Тема эта, конечно, отнюдь не исчерпана. Более того, проблема религиозного фундаментализма выходит далеко за пределы не только Русской церкви, но и христианства вообще. Так, в 1992 г. вышел специальный выпуск известного журнала «Консилиум» с симптоматичным названием «Фундаментализм как вселенский вызов» — названием, хорошо отражающим масштабы этой проблемы. Сборник издан под редакцией двух известнейших западных богословов — Ганса Кюнга и Юргена Мольтманна, представляющих, соответственно, Католичество и Протестантизм, — и призван рассмотреть проблему фундаментализма в перспективе богословия, социальной психологии, психиатрии и социологии.

В сборнике специально рассматривается проблема исламского и иудейского фундаментализма, что же касается фундаментализма христианского, то составители сборника дали возможность высказаться представителям всех трех больших христианских конфессий — Православия, Римо-католичества и Протестантизма. Со статьей известного православного богослова Христоса Яннараса, включенной в этот сборник, мы и знакомим сегодня наших читателей.

Вызов православного традиционализма**

1. Подлинность или отчуждение благой вести?

Для церковного сознания слово «предание» – это вызов, и отнюдь не теоретический, но весьма реальный: предание является практическим мерилем того, сохранило ли христианское благовестие свою подлинность или оно было изменено или отчуждено. Для того, чтобы выпутаться из интеллектуальных схем, будет полезно обратиться к методологической характеристике, которую Маркс в своих ранних работах раскрывал в терминах «отчуждения» и «практики». Это удобные средства критической проверки истинности результатов познания. Если знание выводится из непосредственного опыта конкретных отношений человека с реальностью как данностью, то проверка истинности этого знания может быть осуществлена только негативно: засвидетельствованием того, что отношения эти изменились и превратились в отношения зависимости, подчинения, эксплуатации. И если сам человеческий субъект проявляется и определяется через те отношения, которые он устанавливает, то экзистенциальная истинность субъекта будет также оцениваться в зависимости от изменения тех отношений, которые определяют субъект. Я возьму на себя смелость утверждать, что это методологическое положение марксизма в высшей степени церковно, ибо оно соотносится с единственным известным церкви способом проверять истинность того, что она передает как свое благовестие. Благовестие Церкви можно понимать двояко: 1) как опыт участия в отношениях, созидающих «Тело» Церкви (ее евхаристическую ипостась), в отношениях, определяющихся способом существования, свободным от ограничений времени, пространства, разложения и смерти; 2) как слово (*logos*), призывающее и приглашающее к живому участию в этом экзистенциальном событии Церкви, к свидетельству, только на уровне опыта, о евхаристическом способе существования. Таким образом, познание христианского благовестия рождается из действительного участия либо в конкретных отношениях, либо в призыве к участию в этих отношениях. И проверка подлинности этих отношений, участия в событии Церкви, может происходить только негативно – свидетельством о фактическом их изменении, иными словами – о ереси. Догматы, как кодифицированные определения церковного опыта, не появляются до того, как возникает извращение этого опыта – ересь. Вот почему сама ересь в своей основе – это не идеологическое уклонение от догматических определений, но практическое размывание отношений, составляющих экзистенциальное событие Церкви. Термин «ересь» указывает на отрыв и выход за пределы отношений, составляющих Церковь в ее полноте (кафоличности) в каждой поместной евхаристии.

2. Предание как выражение опыта.

Отношения, составляющие экзистенциальное событие Церкви, не расплывчаты и не абстрактны. Это вполне конкретные способы, типы и формы действия, делающие возможной связь с жизнью и существованием. Эти конкретные способы передаются от поколения к поколению как плод и выражение общего опыта. Передается ("передавать" по-гречески – *paradido*) именно практика опытного участия в способе существования Церкви. Эта передача в опыте называется Преданием (греч. *paradosis*) Церкви. Предание – это передача опыта, т.е. продолжающееся общение в едином и тождественном опыте: «О том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь... чтобы и вы имели общение с нами» (1 Ин 1: 3). Жизнь вечная – не догма и не идеология. Это исторический опыт и восприятие человеком Того, Кто восстал из мертвых, Иисуса Христа, опыт и восприятие конкретного экзистенциального факта, продолжающегося, дабы быть актуализированным и явленным в каждой поместной евхаристии. Без участия в общении людей, познающих жизнь вечную, без непосредственного опыта этого евхаристического способа восприятия и, соответственно, без Предания-передачи практики (типов и форм) этого самого опыта, христианского благовестия, это лишь «бессмысленная

болтовня» (Лк 24: 11), пустая идеология.

3. Предание и индивидуальные «мнения».

Если познание благовестия – это плод опытного участия в отношениях общения, то превращение этого познания в индивидуальные «мнения», индивидуальные интеллектуальные убеждения, свидетельствует о его изменении. Новый образ существования ("жизнь вечная"), возвещаемый Церковью, состоит в действенном отвержении индивидуализма и осуществлении жизни как общения любви, в котором люди выводят свое существование не из природы, но из отношений – это не их тленная биологическая индивидуальность, но истощание ("кеносис") всякого индивидуального начала и приношение себя в любви. «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк 9: 24). Церковный способ существования – это осуществление троического способа существования, вечной жизни Бога, Который есть Любовь (1 Ин 3: 16), взаимопроникновения (перихорезы) существования Трех Божественных Лиц. Бог вечен не потому, что это обусловлено Его природой, но потому, что Он свободно волит Себя жить, поскольку Он любит, и Любовь есть Его способ существования. Таким образом, всякое человеческое упорство в сохранении индивидуалистического существования – это отвержение благовестия о вечной жизни, упорство в смерти. Понимание благовестия как «источника» индивидуальных метафизических мнений (индивидуальной «веры») и норм индивидуальной нравственности – это настоящее упразднение благой вести, радикальное отвержение самой сути обетований Церкви. Вот почему изменение понимания благовестия *par excellence* (по преимуществу) – это его отрыв от опыта отношений, образующих «евангельский» способ существования, это понимание, отделяющее себя, таким образом, от опыта участия в евхаристическом Теле Церкви. В этом случае реальное экзистенциальное событие – Благой весте – превращается в индивидуальную идеологию, индивидуальную «религию», индивидуальную мораль, но ничто из этого не может спасти человека от смерти. История христианства – синтез и выжимка всего дела человечества, расположенного на острие свободы, это также история, составленная из отчуждения и ересей: разнообразное упорство в смерти, противопоставляющее себя истинной жизни. Люди жаждут жизни, но в то же самое время отвергают ее необходимые условия: риск отношений, выход из себя, предложение себя в жертву любви. «Грехопадение» человека – это его путь к индивидуалистическому существованию в качестве «самости». Человек отождествляет существование и жизнь с преходящими способностями своей биологической индивидуальности. Люди стараются утвердить себя посредством своих индивидуальных добродетелей. Они изменяют <т.е. извращают> свои отношения <с другими>, стремясь к принуждению, господству, эксплуатации, или даже наоборот – к подчинению самих себя непогрешимым чинам и авторитетам, которые своим признанным весом гарантируют человеку индивидуальную броню. На этом пути они превращают благовестие церкви – иногда Писание, иногда Предание, а иногда и их вместе – в объективный «авторитет», из которого они черпают метафизические и нравственные истины, которые подпитывают их эгоцентрическую самоуверенность. Они делают из Церкви «религию», превращая ее в институцию, обеспеченную бюрократией, которая управляет верой так, как будто вера – это идеология. Авторитет институции и вес, присущий идеологии, гарантируют правильность индивидуального выбора «веры». Все работает на то, чтобы обеспечить падшего человека броней, чтобы способствовать его упорству в смерти. Евхаристия перестает быть осуществлением евангельского способа существования, явлением истинной жизни и превращается в индивидуальную обязанность участвовать в общей молитве. Догмат, выражающий общий церковный опыт, превращается в автономное идеологическое содержание, в рационалистический дисциплинарный кодекс, защищающий индивида от незнания и ошибок. Богословие подчиняется приоритету метода, превращаясь в построенную на доказательствах «науку», предлагающую интеллектуально несомненные факты. Аскеза верных – акт и практика участия в динамике отношений, составляющих Церковь,

- кодифицируется как правила закона и принципы индивидуальной нравственности. Таким образом, предание, вместо того, чтобы быть передачей и восприятием живого опыта, превращается в собрание окаменелых формул «православия» (ортодоксии), питающих индивидуальную самодостаточность, преданную мертвым схемам.

4. Традиционализм превращает Церковь в религию.

На языке церкви мы называем «традиционализмом» крайнюю тенденцию превратить Церковь в религию, заменить общение в церковном Теле индивидуальной дисциплиной и следованию готовым моделям и кодифицированным формулам. Способы участия в церковном общении отделяются и начинают существовать независимо от самого факта участия и его продолжения, перестают служить и выражать включенность в церковный способ существования. Они абсолютизируются в качестве самодостаточных ценностей, становятся идолами, независимой «священной» данностью, которую необходимо сохранять невредимой и неизменяемой на все времена. Другими словами, традиционализм подменяет уникальное и жизненно важное функционирование церковного Предания (передачу опыта через типы и формы действия, делающие возможной связь с жизнью и существованием) множеством «преданий», отрезанных от передачи совместного опыта. Эти «предания» понимаются как автономный «религиозный» материал, объективированный и неизменяемый, передаваемый от поколения к поколению, как драгоценное родовое наследство. Это драгоценное наследство должно сохраняться неизменным не потому, что оно касается нашей жизни и динамики наших надежд, но потому, что само это сохранение наделяет нас главным в познании, дает нам имя преданных наперсников. Конечно, в церковной жизни имеются какие-то «константы» на все времена: догматы, нравственные правила, литургические чины. Однако не случайно первые «догматические» формулировки христианского богословия (решения Вселенских соборов неразделенной церкви) были названы границами (оросами), а не догматами. Граница обозначает предел, т.е. ограничение, детерминацию (описание) церковного опыта. Как описание и ограничение, определение никогда не заменяет и не исчерпывает опыта, но только соотносится с ним: оно обозначает опыт. Так же обстоит дело и с канонами, которые были приняты на Вселенских соборах: они определяют и отмечают необходимые предпосылки правильного устройства Церкви или нравственности участников евхаристического собрания, никогда не заменяя и не исчерпывая динамики достижения правильного устройства и нравственности. Подобно этому и богослужебный чин (текст и структура богослужения, гимнография и иконография) сохраняет и выражает евхаристическое осуществление Церкви, не заменяя и не исчерпывая его. В традиционализме же, наоборот, догматы, каноны и литургические чины перестают соотноситься с церковным опытом, обозначать и определять его. Каждый элемент приобретает самодостаточность и становится ценностью сам по себе. Догматы превращаются в идеологические принципы, каноны - в законнические постановления, а литургический чин - в обязательный церемониал. И индивид, «принимающий» эти принципы, выполняющий постановления и педантично соблюдающий церемониал, уверен в себе, в своей «вере», в своей «добродетели» и своем «благочестии», даже если он так никогда и не вкусил опыта того способа существования, который составляет Церковь.

5. «Ортодоксия» - это не традиционализм

На языке наших современников слово «традиционный» имеет тенденцию отождествляться, на уровне значения, со словом «ортодоксальный» (т.е. православный - ред.). Конечно, ортодоксия имеет тенденцию обозначать приверженность догме, букве идеологии. Но на практике это эквивалентно консерватизму, упорству в унаследованных формах кодифицированной практики. В этой перспективе тот человек ортодоксален, кто остается предан изначальной и подлинной формулировке учения, строгому следованию освященной практике, в противоположность тем,

кто изменяет изначальную подлинность или отступает от нее. Таким образом, любая догматическая идеология – религиозная, общественная или политическая – имеет свою ортодоксию. Люди говорят, например, о лютеранской, фрейдистской или марксистской ортодоксии, чтобы обозначить приверженность (консервативную и, в общем, бесплодную) формулировкам самого Лютера, самого Фрейда или самого Маркса – в сравнении этой приверженности с позднейшими интерпретациями или реформами основополагающих идей, хотя эти позднейшие интерпретации могут иметь и созидательный характер. Обычно призыв к ортодоксии делается не без того, чтобы пользоваться славой напоминания верным изначального и подлинного. Под «пользоваться славой» мы имеем в виду обычное признание и уважение к наследию предания, но также и к людям, которые его хранят и представляют. Таким образом, ортодоксия приводится в действие как средство оправдания не столько консервативных идей, сколько консервативных людей. Она часто служит тому, чтобы психологически «подгримировать» малодушие духовного бесплодия. Те, кто не дерзает или не может создать в своей жизни ничего нового, становятся фанатичными приверженцами ортодоксии. Из нее они черпают весомость, авторитет и, наконец, власть как представители и хранители подлинных ценностей – это защитники форм, толкователи буквы. В конечном счете они превращают так называемую ортодоксию в разновидность индивидуальных доспехов эгоцентризма.

6. Фундаментализм в Православии.

Когда во время Великой схизмы одиннадцатого столетия (1054 г.) папа и патриарх Рима взял на себя инициативу по раскалыванию единого тела единой, святой, соборной (кафолической) и апостольской Церкви, отделив церкви Западной и Центральной Европы, он присвоил им имя «Кафолической церкви». Остальные патриархи христианской «ойкумены» (вселенной) стали обозначать себя «православными», дабы отличить Православную кафолическую церковь от Римской кафолической церкви. Таким образом, обозначение «православный» относится к специфическому пути понимания кафоличности церкви. Стержнем всех богословских нововведений Рима было истолкование кафоличности как географической универсальности, в то время как Православие оставалось убеждено в кафоличности каждой местной евхаристии. Для Православия каждая отдельная евхаристия, совершающаяся с упоминанием местного епископа, осуществляет и являет совершенную Церковь в ее полноте (греческое *katholou*) и экзистенциальное событие способа существования, возвещаемого Евангелием. Когда со временем большая часть христианской «ойкумены» была подчинена турецкому варварству (в XV веке), древние патриархаты (Нового Рима-Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима) были на много веков обречены на культурное молчание и снижение численности. Напротив, Центральная и Западная Европа во времена Ренессанса и затем Просвещения стала матерью буквально «космогонической» культурной трансформации. Западноевропейская цивилизация (способ устройства, но также и понимания жизни) продемонстрировала удивительный динамизм и универсальность, став синонимом прогресса и развития человеческого общества. Люди, оставшиеся православными и боровшиеся за освобождение от турецкого ига, в XIX веке были очень быстро ассимилированы в западный образ прогресса и развития или сами стремились к ассимиляции. Радикальное «озападнение» православной России было спровоцировано в XVIII веке решительными реформами Петра Великого. Таким образом, начиная с этого времени западное устройство и понимание жизни стало также господствовать и среди православных. Богословские и экклезиологические различия, разделяющие Православие и Запад, перестали отражаться в реальной жизни людей. С этого времени Православие стало выделяться лишь на уровне чисто теоретических идеологических различий и оригинальности отдельных обрядовых практик. Идеологическое и обрядовое понимание церковного Православия неизбежно приводит к возрастанию традиционализма. Вот почему даже сейчас в Православных церквях можно видеть обилие жестко консервативных

движений, подменяющих собой истинное Православие. Можно видеть возрождение идеологического анти-западничества, фанатичную оппозицию «экуменическому движению» и недоверие к межхристианскому «диалогу». Эти симптомы, избыточные в современном Православии, в сущности не отличаются от того, что можно равно видеть в Римском Католицизме или в Протестантизме. Морфология и типология этих симптомов может отличаться, но поразительна схожесть характеристик тех людей, кто повсюду составляет традиционализм: то же состояние ума, та же психология, те же стереотипы, те же безжизненные кодификации. Эта схожесть антропологических последствий показывает общий и основной характер любого традиционализма, его подлинного лица, как я описал его на этих страницах: это стабильная приверженность эгоцентричным достижениям индивидуальности посредством законнических схем, идеологической убежденности и форм, становящихся идолами; это отказ принимать участие в опыте общения в отношениях, страх взрослости, т.е. боязнь свободы, боязнь риска, который неизбежен, когда предлагаешь себя в жертву любви. В традиционализме можно ясно видеть изменение и извращение границ благовестия Церкви.

Перевод с английского С. Зайденберга

Темы, затронутые в этой статье, более развернуто развиваются в следующих работах:

John Zizioulas, *Being as Communion*, New York 1995; Christos Yannaras, *Faith through Experience*, Edinburgh 1991; *Philosophie sans rupture*, Geneva 1986; Реальное и воображаемое в политической экономике (на греч.) Афины, 1989; Рационализм и социальная практика (на греч.), Афины 1984. (См. также Христос Яннарас. Вера Церкви. Введение в православное богословие. М., 1992. – Прим.ред.)

* См. Материалы международной богословской конференции «Живое предание», М., Свято-Филаретовская школа, 1999.** Печатается по: Christos Jannaras. «The Challenge of Orthodox Traditionalism» в *Consilium Special/Fundamentalism as an Ecumenical Challenge*/ Ed. by Hans Kung and Jurgen Moltmann, SCM Press, Lnd, 1992.

Никита Струве: К двухлетию событий в храме Успения в Печатниках

Церковная жизнь

Совість наша – я смело говорю не от себя только, но от многих православных, живущих на Западе, – страдает и недоумевает перед лицом такой длинной, такой непонятной, такой несправедливой мерой прещения, наложенной не только на священника, но и на двенадцать (!) его сотрудников-мирян. Это нечто невиданное в истории Церкви. Я опросил ряд епископов разных поместных Церквей и они все высказали по этому поводу свое удивление. Преосв. Георгий Ходр, митрополит Гор Ливанских, мне сказал, что он всего лишь раз за свою 30-летнюю святительскую деятельность запретил в служении одного священника на две недели, за что был посрамлен, так как этот священник впоследствии, в ходе Ливанской войны, умер мученической смертью. В том же духе говорили и остальные епархиальные епископы сербской и румынской Церкви: запрещения в их епархиях были крайне редки и всегда кратковременны.

Совість недоумевает тем болезненней, что не может понять, за что несут столь тяжкую кару о. Георгий и его сотрудники. Возведенное на них обвинение в избиении священника было опровергнуто рапортом милиции и санитарных властей, да еще и видеопленкой,

запечатлевшей инцидент. Неужели за употребление русского языка и восстановление некоторых забытых обрядов, к тому же принятых в ряде других православных Церквей? Но не будут ли тогда меры прещения или отстранения от причастия приниматься по всякому поводу (что, увы, как будто уже не раз и случалось)? Запрещение клириков и мирян может быть лишь крайней мерой в случае злостного нарушения основных канонических требований, в частности в области нравственности и распространении заведомых догматических ересей. Ни того, ни другого в случае о. Георгия и его сотрудников нет и в помине, оттого так больно отзывается наложенное на них прещение в душах многих православных людей, в частности и на Западе, где миссионерская деятельность Сретенского братства и Филаретовской школы пользуется самой высокой оценкой.

: Впервые сын русских эмигрантов первой волны стал лауреатом Государственной премии России

Церковная жизнь

Впервые 11 июня 1999 г. русский француз, профессор Никита Алексеевич Струве, достойный потомок русских эмигрантов первой волны, был удостоен крупнейшей премии России в области литературы и искусства — Государственной.

Никита Струве — многолетний редактор журнала «Вестник Русского Христианского Движения». Он много работал и работает в издательстве ИМКА-ПРЕСС, издавая важнейшие и нужнейшие для нас сейчас книги, в первую очередь являющиеся прекрасным плодом русской культуры и русского религиозно-философского возрождения конца XIX—середины XX вв. Блестящий знаток и исследователь творчества О. Мандельштама и А. Солженицына, он сделал более многих для напечатания и распространения их трудов. Господь дал Никите Алексеевичу счастье передавать все эти сокровища в Россию, учреждая у нас новые библиотеки и обогащая старые, как государственные, так и общественные и частные. Трудом Н. Струве в Москве устроено новое российское издательство — «Русский путь». Он — член Попечительского совета Свято-Филаретовской высшей православно-христианской школы.

Сколько удалось уже сделать Никите Алексеевичу в России! На нем исполнены и исполняются мечты многих эмигрантов. А ведь кроме области культуры, он еще и истинный борец за правду, защитник гонимых и обиженных сильными мира сего. Защитник умный и смелый, бескомпромиссный, благородный и решительный. Его часто не понимают или не поддерживают, но он все идет вперед. И вот это высокое признание в России. Для всех честных, культурных, духовных людей — большая радость, для врагов — повод для новых злословий.

Мы гордимся возможностью не быть среди последних. Поэтому от всего сердца, от всей души, с искренней благодарностью Господу и признательностью своей Родине поздравляем нового лауреата. По-церковному провозглашаем ему «аминь!» и «многая и благая лета!» Желаем помощи Божьей во всех благих делах. И пусть эта награда будет ободрением для всех ищущих и отстаивающих в современном мире Божью правду и гармонию красоты, являющие Божью веру и Божью любовь.

Свящ. Георгий Кочетков, Редколлегия журнала «Православная община», все сотрудники, учащие и учащиеся Свято-Филаретовской высшей школы, просветительно-благотворительное братство «Сретение».

Протопресвитер Николай Афанасьев.: О церковном воспитании

Христианское образование и воспитание

Мы продолжаем публиковать материалы из архива протопресвитера Николая Афанасьева, любезно предоставленные нашей Школе его сыном, доктором Анатолием Афанасьевым (см. «Православная община» № 49, с. 41). На этот раз, в преддверии конференции «Предание Школы и Предание Церкви» (см. «Православная община» № 50, с. 128), мы предлагаем вниманию читателя небольшую, ранее не публиковавшуюся его статью «О церковном воспитании», написанную им в самом начале 1930-х годов в Париже. Как уже неоднократно отмечалось на страницах нашего журнала, специфические условия жизни русской эмиграции до войны не только не мешают, но наоборот, способствуют актуальности для наших дней всего продуманного и написанного тогда ее лучшими представителями.

Я начну с того, что наиболее бесспорно. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что в наше время религиозное преподавание сделалось необычайно сложным и трудным, а вместе с тем и ответственным. Трудность религиозного преподавания заключается не только в крайне усложненной методике преподавания – так как надо не только знать и уметь применять то множество методов, которое в настоящее время имеется в педагогике, но и выбрать из них наиболее целесообразный, наиболее отвечающий данному времени, месту и обстоятельствам, – в религиозном преподавании имеется еще одна трудность, которую не знает общее преподавание или, если знает, то не в такой мере.

Как бы мы ни определяли задачу и цель религиозного преподавания, для православного сознания бесспорно, что оно должно быть церковным. Нельзя быть вообще христианином, но надо быть членом Церкви. Это настолько очевидная истина, что нет ни одного христианского вероучения, которое бы полностью отрицало Церковь. Ту или иную степень церковной жизни мы найдем не только во всех основных христианских вероучениях, но и во всех сектах. Для православия, как и для католичества, вера в Церковь входит в число самых необходимых истин веры. В учении о Церкви религиозное преподавание соприкасается с догматикой и ею в значительной степени обуславливается. Нельзя не пожалеть о том, что как раз в учении о Церкви православная догматика наименее развита; однако не настолько, чтобы были не ясны и не определены те основные черты, которыми оперирует православная педагогика. Всякая попытка определить понятие о Церкви должна исходить из самого существа Церкви, а не из тех задач и целей, которые ставит себе Церковь. Не подлежит сомнению, что одна из основных задач Церкви есть спасение человека и человечества, но этой задачей не исчерпывается существо Церкви. Церковь имеет самостоятельное существование и не определяется полностью своими задачами, как бы они ни были высоки. По отношению к ней эти задачи являются вторичными, из нее вытекающими. Существо Церкви в том, что она – Тело Христово, богочеловеческий организм. Это внутреннее мистическое основание Церкви, которое находит и должно находить свое выражение в эмпирически существующей церкви. Поэтому деление на видимую и невидимую Церковь порочно в том отношении, что разрывает единое Тело Христово, лишает эмпирическую церковь ее внутреннего таинственного содержания. Церковь видима и невидима, как все в мире, где мы за эмпирической стороной, т.е. видимой, прозреваем таинственную мистическую, нами невидимую сущность. «Невидимость» Церкви зависит не от нее самой, а от ее членов. Чем глубже вращение членов Церкви в ее Тело, тем видимее становится для них сама Церковь, тем яснее открывается ее мистическое существо. Протестантизм несет уже возмездие за свое учение о видимой и невидимой Церкви: сама

видимая протестантская церковь становится невидимой. Поскольку православие приняло это учение, постольку и оно начинает ощущать на себе его последствия. Церковь как мистическое Тело Христово видима и реально находит свое выражение в союзе верующих во Христа, таинственно соединенных со Христом и между собой. Церковь есть общество и по своему внешнему виду не отличается от всякого иного человеческого общества. Будучи им подобна, она в то же время им и противоположна, так как природа Церкви как общества, иная, чем природа других общественных союзов. Все человеческие общества суть только человеческие, Церковь – богочеловеческое. Поэтому «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Церковь есть общество, созданное Христом, Его общество среди других общественных союзов, которые не Его. Церковь сознавала себя отделенным и совершенно самостоятельным союзом не только в первые века христианства, но и во все последующие века. Чтобы усмотреть это, надо только предварительно отказаться от протестантского взгляда на Церковь как общество святых. Тогда Церковь предстанет в истории как определенный общественный организм, который в своей человеческой стороне, не нарушающей святости мистического существа, знал отклонения и искажения, грехи и падения. Величайший соблазн, который церковь преодолевала и преодолевает, только потому и был возможен, что церковь, как самостоятельный общественный союз, вступала в связь с другими союзами и на первом месте – с государством. Этот соблазн заключался в таком расширении ее границ, при котором стирались грани между ней и государством. Поэтому часто в истории церковь являлась в двух аспектах: церковь-государство и государство-церковь. Такое смешение церкви и государства тем легче происходило, что эти общественные союзы сближает одна общая для них черта, которую в отношении к Церкви необходимо особенно подчеркнуть, как для правильного понимания самой Церкви как общественного организма, так и для приложения учения о Церкви к педагогическим темам. Церковь, как и государство в своем предельном выражении, претендует не на отдельные стороны человеческой жизни, а на всю его жизнь. Все остальные союзы основываются для удовлетворения каких-либо частных потребностей и интересов человека и имеют вполне определенную частную задачу. Таковы рабочие союзы, союзы работодателей, земледельцев, научные, литературные, художественные общества и др. Они не самостоятельны по отношению к государству, они существуют внутри самого государства и выполняют те функции, которые им государство поручает или разрешает. Всякая попытка включить Церковь в число таких союзов кончается неудачей. Если даже определять Церковь как общество, имеющее задачей удовлетворение одной только религиозной потребности людей, то это и есть утверждение абсолютной, ничем не ограниченной и самостоятельной природы Церкви. Церковь берет всего человека без остатка и, по существу, ни с кем его не желает делить. Она есть полнота жизни, вернее, она есть новая жизнь нового человека, она есть путь и средство к преодолению земной человеческой жизни и преобразению ее в богочеловеческую, она есть подлинная богочеловеческая жизнь. Это небольшое догматическое отступление должно быть исходным пунктом для выяснения поставленной выше педагогической темы. Если все меньше и меньше возражений и сомнений вызывает положение, что религиозное преподавание должно быть обязательно церковным, понятие «церковного воспитания», тем не менее, требует более близкого и точного определения. Когда мы говорим, что воспитание должно быть национальным, то мы, как общее правило, предполагаем, что оно должно происходить в национальной обстановке и воспитывать национальное чувство: чувство родины и чувство любви к своему народу. В наших эмигрантских условиях национальное воспитание встречает ряд больших и действительных трудностей, связанных, главным образом, с временной потерей нами родины. Пользуясь вполне законной аналогией с национальным воспитанием, можно считать, что церковное воспитание должно происходить в церковной обстановке, быть воспитанием в церкви и воспитывать чувство Церкви. Первое условие является необходимой предпосылкой второго. Церковное воспитание предполагает наличие церковной среды и церковной общественности. Ребенок должен жить в ней, она должна стать для него единственной и обычной средой. Церковь должна быть для него реальной жизнью,

как реальна для него жизнь в других союзах, которые его окружают или в которых он принимает участие. Он должен постоянно чувствовать, что он член Церкви, и в ее жизни с самого начала деятельно участвовать. Первоначально чувство Церкви должно рождаться из самой церковной жизни. Задача церковного воспитания в том и состоит, чтобы укрепить, усилить и осознать это чувство. Непосредственные впечатления, идущие от окружающей жизни, в процессе воспитания должны претвориться в ясное сознание абсолютной значимости и необходимости Церкви, т.е. в сознание того, что подлинная жизнь, не только религиозная, но и вся полнота жизни, – только в Церкви, что только в ней осуществимы заветы Христовы, что в ней и через нее усваивается искупительный подвиг Христа, что только в ней заключен путь как личного, так и общественного спасения. В этом воспитании чувства Церкви можно отметить два момента. Первый – положительный: раскрытие православного учения о Церкви как о богочеловеческом организме и учения о таинствах. Последние суть благодатные средства для поддержания и укрепления правильной церковной жизни, а потому их значение в воспитании чувства Церкви ясно само по себе. Естественно, что в центре должно находиться величайшее из всех таинств – Евхаристия. В ней христианин реально и теснейшим образом соединяется со Христом, а через Него – со всеми членами Церкви, т.е. в ней осуществляется таинственная связь христианина с Церковью. Чем сознательнее и углубленнее будет отношение к Евхаристии, соединенное с действительным участием в ней, тем сильнее и действительнее будет чувство Церкви. «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор 10: 17). Можно, не боясь преувеличения, сказать, что воспитание чувства Церкви есть евхаристическое воспитание. Второй момент – отрицательный. Он заключается в раскрытии греховности, но не только личной греховности, которую ребенок с трудом может осознать, а греховности вообще человеческой природы, ее немощности, ее бессилия без благодатных средств преодолеть свою греховность. Греховность человеческой природы обуславливает греховность и несовершенство всех человеческих союзов. Я далек от мысли, что в ребенке следует воспитывать отрицательное отношение ко всем общественным союзам, но он должен ясно сознавать и чувствовать их недостаточность, их несовершенство. Он должен знать, что ни один союз, как бы он ни был человечески совершенен, не может заменить ему Церковь, ибо ни один союз ему не может дать того, что дает ему Церковь, – спасения, личного и общественного. Даже идеал социальной справедливости неосуществим в них полностью: все, что делается в этом направлении, – лишь полумеры, лишь паллиативы, так как они не касаются основной причины всякого несовершенства – греховности человечества. Эти условия делают церковное воспитание гораздо более трудным в настоящее время, чем раньше, даже в сравнительно недавнем прошлом. Тогда была церковная жизнь и церковная среда. Если она была неправильной, то ошибки и недостатки всегда могут быть исправлены или по крайней мере осознаны. Сейчас ставится вопрос не о том, правильна или неправильна наша церковная жизнь и общественность, а есть ли она вообще. Я не сомневаюсь в том, что Церковь Христова есть и будет существовать. Вопрос ставится о том, живем ли мы, христиане, церковной жизнью, живые ли мы или омертвевшие члены Тела Христова. Я имел случай указывать, что современная жизнь крайне враждебна всем органическим союзам и приводит в предельном своем завершении к полной автоматизации человека. Парадокс современной жизни в том, что в век успеха социализма сама жизнь становится все более и более асоциальной, а человек – все более и более одиноким. Он, действительно, начинает чувствовать себя «единственным»¹. В религиозной жизни этот процесс сказался почти в полном разрушении церковной жизни. Церковь выпадает из жизни человека: он о ней помнит, он знает, что она существует, но не знает, как ему быть с ней, где найти ей место. Еще трагичнее, что большинство просто утрачивает понимание церковной жизни и отождествляет ее с литургической жизнью. При глубине и богатстве православной литургии эта последняя настолько удовлетворяет религиозные потребности современного атомизированного человека, что он искренне недоумевает: какая может быть еще церковная жизнь, если имеется храм и богослужения, в которых он участвует? Борьба с этим убеждением тем труднее, что оно имеет основание в

самой жизни: от церковной жизни остался один только храм. Другой парадокс, но уже религиозной жизни, в том, что литургическая жизнь без настоящей церковной жизни становится ацерковной. Богослужения – это молитвенные собрания церковной общины, они предполагают внутреннее и духовное единение, которое, в свою очередь, через богослужение укрепляется. Без этого единения присутствующая на богослужении община превращается в атомизированное множество. Рядом стоят люди друг другу незнакомые, друг с другом ничем не связанные. Крайне знаменательно развитие <и популярность> среди русских <людей> молебнов. Это указывает на то, что общественное богослужение не наполняет человека вполне: ему нужна более тесная молитва более близких ему людей. Даже в Евхаристии, которая по существу есть общественное богослужение и только как таковое может совершаться, человек не выходит из своего одиночества. К Чаше подходят люди, не только не связанные любовью, но чужие и друг другу, и священнику. Таких незнакомых или малознакомых ему людей священник исповедует. Какова бы ни была эта литургическая жизнь, но это все, что осталось от церковной жизни, если не считать происходящих по временам приходских собраний, ненужных и мучительных как для мирян, так и для священника. Пределами храма замкнута христианская жизнь, а вне его волнуется, хорошая или плохая, светлая или темная, но не христианская жизнь. Если бы не было храмов, кто бы мог сказать, что мы живем в христианскую эпоху! Церковь, действительно, стала невидимой. Если нет настоящей церковной жизни и подлинной церковной общности, то как возможно церковное воспитание? Есть ли это только педагогическая трудность, которую можно преодолеть или восполнить чем-нибудь иным в детях, или это трудность, которая от нас как христиан требует каких-то усилий? Мы пытаемся осуществить национальное воспитание вне родины, вне той естественной среды, в которой это воспитание может нормально протекать. Дело не в том, виноваты мы или нет в потере нами родины, но мы действительно лишены возможности дать нашему юношеству родину. Создать новую родину мы не только не можем, но не хотим, так как у нас есть родина, но мы за ее пределами и верим в то, что если не мы, то наши дети вернутся к ней. Во имя этой веры мы стремимся передать им нашу любовь и нашу тоску о ней. Что же мы можем ответить нашим детям на их вопрос, где же Церковь и церковная жизнь, членами которой мы хотим их сделать? – Что мы ее лишены, что она не здесь, среди нас, внутри нас, но там, в России, где и наша родина? Не будет ли этот ответ отрицанием самого существования Церкви? – «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их». Не будет ли это отказом от церковного воспитания? Действительно, если можно жить без Церкви, хотя бы временно, то значит Церковь не абсолютно необходима, значит можно и без нее обойтись. Если же мы признаемся, что мы настолько слабы, что не можем создать церковной жизни, то почему наши дети должны быть сильнее нас? В одном из самых древних христианских памятников после новозаветных писаний – в «Учении Двенадцати апостолов» – дается указание, как отличить ложного пророка от истинного. «Если пророк не делает сам того, что он проповедует, то он ложный пророк». Не будем ли мы такими пророками? Не осудят ли дети своих отцов на основании их же слов и учения? Всякая попытка создать искусственную обстановку только для детей, всякий вид игры в церковность, как бы она ни была занимательна для детей, при первом же сознательном их отношении к современной жизни может вызвать крушение всей нашей воспитательной попытки. В детях очень развито чувство реальности. Первые самостоятельные действия – игры вызваны подражанием реальной жизни, его окружающей, и его желанием принять в ней участие. Если же ребенок поймет, что то, в чем его воспитывают, есть какая-то надстройка над реальной жизнью и не имеет в этой жизни никаких корней, то церковное воспитание или вызовет глубокое разочарование, или навсегда останется иллюзией, способной только породить бесплодный и вредный для религиозной жизни эстетизм. Мы сами живем двойной бухгалтерией и сами, страдая от нее, невольно передадим ее тем, кого мы воспитываем. Воспитывающее значение Евангелия и новозаветных писаний, равно как и ветхозаветных, не только в тех истинах, которые в них заключены, но в той подлинной реальной жизни, о которой они свидетельствуют. Предлагая детям Евангелие, мы нашей жизнью делаем из него книгу за

семью печатями. Евангелие будет книгой жизни для детей только тогда, когда она будет такой же книгой и для нас. Есть ли выход из этих трудностей? Самый радикальный – отказаться от церковного воспитания. Я понимаю под этим не отказ от учения о Церкви, но сужение понятия Церкви и сведения ее на одну только литургическую сторону. Вопрос только в том, не повлечет ли этот отказ другой, еще более тяжкий отказ – вообще от православного воспитания и не будет ли это ничем иным, как принятием протестантизма, причем в одной из наиболее опасных форм – в форме немецкого идеализма? Неизбежно религия станет ценностью, а религиозная жизнь сведется на одну только сторону целокупной жизни человека. Религия станет частным делом, достоянием каждого отдельного христианина. Религиозная социальная потребность, не будучи удовлетворена в церкви, найдет свой выход в других общественных союзах и легче всего – в государстве. Всякое учение о благодатном характере государства, о его положительных религиозных задачах открывает возможность вступления на такой путь. По существу в таком отказе от церковной общественности не будет ничего нового. Это будет лишь признанием того, что есть в действительности, но и, конечно, признанием личного бессилия в религиозном отношении и в конечном счете – бессилия самого христианства, самой церкви. Есть другой выход, не менее радикальный, но гораздо более трудный, – надо создавать церковную жизнь, церковную общественность и создавать ее не только для детей, но прежде всего для нас самих. У нас самих, а особенно у тех, на ком лежит ответственность за воспитание юношества, должно быть чувство Церкви, ее абсолютной необходимости, и вытекающее отсюда стремление к живой церковной жизни. Пусть создаваемая нами церковная жизнь будет далеко не совершенной, важно то, что мы сами вступили на тот путь, куда мы собираемся звать юношество. То, что мы не сможем сделать, окончат за нас наши дети. Пусть мы многое не сделаем – я верю, что кое-что можно сделать, по крайней мере, начать делать, пусть даже нас раздавят враждебные христианству силы современной жизни, но наша борьба и даже наше поражение будут лучшим средством в деле церковного воспитания. Христианство трагично по существу: история христианства движется от начальной к конечной трагедии, от трагедии Богочеловека к последней трагедии человечества. Этот трагизм не следует скрывать. Он не имеет ничего общего с отчаянием, которое убивает силы, волю к творению христианской жизни. Он не создает иллюзий, а воспитывает трезвость и борьбенную жертвенность, он подготавливает «победу, победившую мир». Тем самым мы будем готовить продолжателей нашего дела, новых борцов, которые должны нас сменить. Нельзя быть дезертиром и звать на борьбу других, нельзя, отказываясь от творения церковной жизни, церковно воспитывать наших детей. Современная педагогика уже давно признала, что успех воспитания зависит от личности самого воспитателя и от его личной и общественной жизни. Она начинает предъявлять к нему, помимо технических, ряд моральных требований. Иногда бывает просто неловко читать, как на страницах серьезных педагогических журналов трактуется вопрос о том, должен или не должен преподаватель религиозных школьных предметов посещать богослужения. Если от него требуется знание методов и течений современной педагогической мысли и умение провести урок, то нельзя ли от него потребовать обязательного посещения богослужений? Для нас это звучит как-то наивно, а за этим, в сущности, очень глубокая и серьезная тема: о создании соответствующей среды для воспитания. В еще большей степени это приложимо к церковному воспитанию: только церковные люди могут церковно воспитывать. Этим путем создается та атмосфера доверия и искренности между нами и детьми, без которой никакое воспитание вообще невозможно. За пределы моей темы выходят все вопросы о том, как творить церковную жизнь, откуда начать ее созидание, что именно надо делать для осуществления этой задачи – все это требует специального обсуждения. Здесь я могу лишь указать на одно необходимое условие, без которого всякая попытка такого творчества будет обречена на неудачу. В основе всех церковных отношений лежит любовь, а потому первое, что мы должны делать, это – творение любви. Возможно, это самое трудное, так как мы действительно живем в то время, о котором сказано: «Когда охладает любовь...» Это творение любви должно прежде всего начаться одновременно с семьи и с прихода. Отсюда две

первоначальные задачи церковного творчества: созидание христианской семьи и той основной ячейки общественности, которую мы называем приходом. Я не вижу других выходов из трудностей церковного воспитания, кроме двух, мною здесь указанных. Оба они сопряжены с жертвами. Первый требует отказа от полноты нашего догматического учения, второй – жертвенности и подвига лично от нас, что делает само воспитание своего рода подвижничеством. Ценность этих решений неодинакова. По самому своему существу они друг друга исключают. Однако есть одно, что их объединяет: оба они искренны и правдивы, оба они разрушают атмосферу двусмысленности, соглашательства и компромиссов, в которой не только нельзя воспитывать, но и нельзя жить и верить.

По-видимому, имеется в виду название известной книги Макса Штирнера «Единственный и его собственность». – Прим.ред.

: «Из Церкви ничто не исключалось...». **Беседа с Марией Струве-Ельчаниновой**

Аскетический опыт

- Мария Александровна, к сожалению, сохранилось очень мало свидетельств самого простого общения с матерью Марией. Расскажите, как на нее смотрели ваши детские глаза?

М.А.: Об этом рассказать трудно. Первый раз я ее видела в Ницце, она к нам пришла, это было до ее монашеского пострига. Она была ужасно неэлегантна, нарочно неэлегантна. У нее сапоги падали с ног, громадное пальто было ни на что не похоже, шапка – тоже не знаю, что она надела, на шапку не похоже. Тогда я уже обратила внимание, что она обладала невероятным «присутствием». Было ощущение, что в комнате просто уже места не хватает. Как вошла она в комнату – я до сих пор помню, – просто тесно стало. А потом, когда мне было пять-шесть лет, мы с мамой жили у нее в горах, на юге. Она нанимала дом в маленькой старинной провансальской деревне. Там жила ее мать, дочь Гаяна, которую я очень хорошо помню, и сын Юра, ему было лет двенадцать. Там много народу жило. Внизу, как раз недалеко, жил Бунин, жил Фондаминский, у которого умирала жена от туберкулеза, и вообще разные люди. И в ее доме был всегда водоворот, как всегда кругом нее. Она, мне кажется, жила вся на людях. Есть фотография, где Фондаминский, мать Мария, Юра, мама и я. Это было весной – я помню, миндаль цвел. Я ее в первый раз увидела в монашеской одежде, ее постригли как раз перед этим. И вот она приехала на месяц отдохнуть после пострига. Другая монахиня пошла бы куда-нибудь в монастырь. Но митрополит Евлогий благословил ее на монашество в миру. У нее совсем другой путь, чем у классических монахов. Монашество в миру она понимала в самом широком смысле, я думаю – это и культура, и разговоры со всеми ее друзьями, среди которых было много русской интеллигенции. Также природа – всегда гуляли, масса гуляний, а вечером делалась громадная миска винегрета – никогда не знали, сколько народа будет ужинать. Это было в первый год ее монашества. Они нанимали дом в Кабриссе (на юге Франции, над Грасом, немножко выше того места, где жил Бунин), всем семейством там жили, отдыхали. Мы туда к ним поехали жить – я болела. И вот однажды, когда была дикая горная весенняя гроза, она, вместо того, чтобы дома сидеть, пить чай и разговаривать, потащила мою маму гулять. Они ушли на всю ночь.

- Зачем?

М.А.: В грозе гулять! Потому что она не могла сидеть спокойно. Ей нужны были какие-то бури или сто нищих, или ей надо было не спать несколько ночей подряд. Ей всегда надо было что-то

такое. Ее мама с удовольствием осталась дома, а Юра лежал в своей кровати под подушкой – я видела это – и дрожал от страха. Моя мать была не совсем довольна такой прогулкой, но они были очень дружны и ушли, вернулись утром, с карманами, полными воды.

- Ваш отец, о. Александр Ельчанинов, был с ней очень близок?

М.А.: Мой отец был близок Студенческому Христианскому Движению. К нему в Ниццу приезжали «движенцы»: Л. Зандер, В. Ильин, о. Сергей Булгаков. Вот и она, когда приехала в Ниццу, то сразу к нам пришла. Потом отец переехал в Париж, и они переписывались. Вскоре отец заболел тяжелой смертельной болезнью, мать Мария за ним ухаживала, но через шесть месяцев он умер. Мы приехали в Париж, мне было тогда уже лет девять, и до того, как ее арестовали, мы стали очень много видеться. Мы жили недалеко от «Православного дела», и так как очень бедствовали, то ходили туда за супом и там ели. И потом мы тоже ходили в ее приход, где были у нас друзья, Фондаминские и другие. И вот тут мы увидели, какую она вела подвижническую жизнь, и при этом веселую. В своей церкви она нарисовала замечательные стекла – житие Марии Египетской. Церковь была в маленьком гараже. Я помню, во время службы я часто рассматривала эти стекла очень внимательно. Наверное, таких маленьких квадратных стекол было восемь. Но потом это всё было разрушено. Она вышила херувимов на боковых дверях, также иконы писала. Моя сестра долго жила у нее, они ходили ночью, в четыре часа, на городской базар с тележкой, пешком, это было далеко. Им давали остатки. Она – я помню, это типичная ее поза – в кухне, которая выходила на двор, стоит босая перед печкой, не знаю, чем топилась печка (тоже какой-то мастодонт старомодный, наверное, кто-то подарил), и в громадной кастрюле варит суп. Потом приходят человек двадцать-тридцать есть. Она все делала в этом доме. И дом был полон, полон всякими несчастными. Там, в частности, была одна мамина подруга, у нее была глубокая депрессия: ее муж бросил, два мальчика, они все жили в одной комнате. Какие-то пьяницы жили... Она совершенно никого не воспитывала и никого не осуждала. Она их просто кормила. Она говорила: «Я хочу, чтобы меня нищие растоптали, просто сапогами растоптали». Тогда была ужасная безработица, она варила на всех какие-то каши и супы. Денег не было, но она даром получала овощи.

- Вы сказали, что она не хотела их воспитывать...

М.А.: Может, она их и воспитывала, я просто этого не видела, хотя я там много проводила времени. Она жила очень бурной своей жизнью – друзья, стихи. Я не видела, чтобы она настаивала, что кто-то должен молиться, у меня нет чувства, что эти несчастные ходили в церковь. Не ходили в церковь, а их кормили. Они были несчастные, и поэтому мать Мария просто перед ними стлалась, по Евангелию. Кроме того, она все любила. Она любила ходить босая по земле. Я помню, как она вышла из церкви, как она ногами послала сапоги в другой конец двора и стала ходить шевеля пальцами и говорить: «Как приятно». У нее масса была юмора. Кругом неё было веселье, что-то такое огненное. Кругом нее было жарко. Масса жизни было, друзья – Мочульский, Фондаминский, Федотов и одновременно какие-то одинокие, которые погибали.

Н.А. Струве: А жила она совсем убого?

М.А.: Вначале, идя в церковь, мы заходили в ее комнату, она читала нам свои стихи. Это была большая, очень хорошая комната. Но она очень быстро с нее съехала, когда дом стал наполняться.

- Это была ночлежка?

М.А.: Нет, не ночлежка. Она брала только русских, и они там жили – не то, чтобы один

приходил, а другой уходил, а как общежитие. Потом она жила прямо под лестницей (это даже не комната), двери не было. Это был какой-то старый барский дом: лестница поднималась, и рядом был просто четырехугольник открытый и там стояла ее койка. И вот, когда у нее было свободное время, у нее там всегда кто-то сидел. Я помню, Мочульский сидел. Она не была красивая. Что у нее было красивого - и она это даже очень хорошо знала - это замечательно красивые ноги. И моя мама ехидничала, что она любит публично мыть ноги. Я пришла с письмом от мамы к ней, она сидела, у нее был тазик с водой, наверное теплой, и она ноги свои мыла, а рядом сидел Мочульский, и они на всякие высокие темы разговаривали, читали стихи. Конечно, кое-кого это шокировало. Но митрополит Евлогий ей доверял во всем, разрешал ей проповедовать. И никогда никакой критики, вот что удивительно. Каждый шел своим путем, и все процветали. Я митрополита Евлогия тоже хорошо знала. При нем процветали все. Он защищал о. Сергия Булгакова. И он мать Марию пустил по свободному ее монашескому пути. Он же и монастырю Бюсси (тогда еще не Бюсси) покровительствовал, в котором было традиционное монашество, и Движению.

- В чем было расхождение у матери Марии с Движением?

М.А.: Она вообще была «движенка» по природе. Движение - это одновременно культура, свобода и Церковь, да и шире - и мир, и природа: ничто из Церкви не исключалось. Знаете, если Вы движенцем делаетесь, то на всю жизнь, в большинстве случаев. Она была движенка, но вот ее измерение - помощь; христианство - направлено на бедных, нищих, на больных. Движенцы очень любили церковь, любили богословие, любили культуру. Они не то что не любили нищих, но они ими не занимались.

- Чем «Православное дело» от Движения отличалось?

М.А.: Она от Движения ездила по провинции, в сумасшедшие дома, тюрьмы, находила русских, несчастных всяких, с ними говорила. Она ездила в летние лагеря, занималась, разговаривала с молодежью. Ей не хватало в Движении вот такой отдачи себя людям. Движение было несколько умственное в это время. Но идейных расхождений не было.

Н.А.: Возврат в церковь интеллигенции - вот что было.

М.А.: Движение так жило: в нем было много людей, но каждый, кто имел что-то в жизни сделать, из Движения уходил и создавал свое. Многие так ушли. Движение было рассадником церковных талантов. Оттуда ушли очень разные люди. Вначале было горение. И после войны было горение.

- Если вспомнить детский взгляд, трудно или легко было с ней общаться? Как она себя с детьми вела?

М.А.: Никак. Я не помню, чтобы она со мной разговаривала, пока я немножко не подросла, лет до тринадцати-четырнадцати. Мне уже больше было, когда она узнала, что я собираюсь рисовать, поступить в рисовальную школу. Она сидела, маму ждала и со мной разговаривала. А моя сестра была старше, она у нее жила. Она помнит, что она много с ней общалась, что-то они вместе делали, вышивали. Дочка о. Димитрия Клепинина единственный раз ее помнит: она сидела под лестницей, вышивала. Это мать Мария очень любила. Даже разговаривая, она вышивала. Я думаю, что она не могла сосредоточиться на ребенке каком-нибудь. Ей нужны были другие масштабы, чтобы было интересно. Или вот церковь. Я помню, что на нее много смотрела, но не помню, чтобы мы разговаривали.

- А почему на нее смотрели?

М.А.: На нее нельзя было не смотреть. Она как-то занимала всё место в комнате, вообще только она и была. Я несколько таких людей знала, как она. О. Сергей Булгаков, например, но он иначе совсем. Он как раз наоборот, с детьми разговаривал. Первый раз, когда я его увидела, он сидел у нас на чемоданах, отец был болен, мы приехали в Париж. Мы вошли в комнату: «А, есть глаза, есть глаза». Потому что, когда я была маленькая, была очень толстая, у меня глаза-щелочки были. И потом я у него исповедовалась несколько лет. О. Сергей всегда разговаривал. Он как раз смотрел на людей. У меня впечатление, что мать Мария была в каком-то вихре всегда. Не спокойная. На меня она производила такое впечатление, что кругом нее всегда люди. А о. Сергей был внимательный человек, очень глубокий. Я не говорю, что мать Мария была неглубокая, но она была всегда в действии, она была человек действия. И вот для нее главное – это умереть ради бедных, поэтому она и ушла из Движения. Ведь это не всякий может применить Евангелие действительно так. К сожалению, мы неспособны на это.

- А кто еще, кроме Булгакова?

М.А.: Мой отец такой был. Он был тихий и спокойный, и тем не менее, всегда был в центре.

Н.А.: Александр Исаевич...

М.А.: Да, Александр Исаевич Солженицын тоже такой. Есть такие люди, вы на них смотрите и вам даже не хочется с ними говорить – вам достаточно, что они тут. Мы знали очень много замечательных людей.

Н.А.: А мне трудно выделить... Но отчасти, мой дед Петр Бернгардович, конечно. Но самое сильное впечатление – это Ахматова. Пожалуй, самое. Потому что это еще и чистое искусство. Ее умение молчать. Или умение расспрашивать совершенно негодного собеседника, т.е. разговаривать. Это не так часто бывает. Она говорила: «Сами говорят – ничего не слушают». Она – слушала. Такое качество молчания.

М.А.: Это не мешает слушанию. Есть люди, присутствие которых очень сильно, даже если они молчат.

Н.А.: Иногда сила присутствия измеряется молчанием. У Ахматовой самое сильное присутствие – в молчании.

М.А.: Может, нам с тобой помолчать?

Н.А.: Знаешь, я первый раз слушаю твои рассказы за 50 лет совместной жизни.

М.А.: О. Сергия мы все очень любили. Он был совершенно удивительный человек. Такое внимание к каждому! Кроме того, он был действительно огненный человек.

- Что для Вас было самое главное в о. Сергии?

М.А.: Его святость. В первый раз я его увидела, когда мы приехали в Париж, мне было девять лет. Т.е., меня он видел и раньше, но я его совсем в детстве не помню. А тут он сидел на чемоданах. И он сразу стал шутливо говорить, он так весь расслабился в улыбке. Но у меня такое чувство, знаете, детское чувство – костра. Буквально, действительно буквально. Всегда у меня было по отношению к нему это чувство – человека абсолютно горящего. Вот никогда не было чувства с ним, что он отдыхает или что он сонливый, или что он ест. Вот сколько я с ним ела в одной комнате, но мне всегда казалось, что где-то его жизнь шла огненная.

- Сердечный?

Н.А.: Выше. Огненный.

М.А.: Он весь был огненный. И умирая, он прославился. Это записано. Он, действительно, просиял на смертном одре, уже без сознания.

Н.А.: Он это предвидел и ждал всю свою жизнь – на грани смерти будет Преображение. И он преобразился.

М.А.: Это было дерзновение с его стороны.

Н.А.: Четыре свидетеля было.

М.А.: Мне рассказывала сестра Иоанна (Рейтлингер) лично. Вот еще человек, который на меня произвел впечатление, – сестра Иоанна. Она жила при семье о. Сергия, занималась его семьей, писала иконы. Она меня научила иконописи. Нам, конечно, очень повезло. В те времена было столько замечательных людей.

Н.А.: А у меня от единственной встречи с о. Сергием Булгаковым впечатление суровости.

М.А.: А он мог быть очень суровым. Когда я ему на исповеди сказала, что редко читаю Евангелие, он очень сурово сказал: «В чём Ваше христианство, в чём дело вообще?» А потом у него были все жесты такие. Он один раз разбил мне губу в кровь, давая руку поцеловать (смеется). Буквально в кровь, потекла кровь.

Н.А.: Я, помню, однажды в церкви, войдя, он протянул мне руку, и я ему пожал руку – был совершенно внецерковным – это было на похоронах не то моей бабушки, не то моего деда. Он сказал очень сурово, что меня плохо воспитывают. В церковном смысле меня не воспитывали совсем. Я помню до сих пор суровость взгляда.

М.А.: А я помню его сияющим. У нас висит фотография, от Льва Александровича Зандера, где у него невероятно сияющее, радостное лицо. Я его таким помню. Может быть, потому, что он нас с детства знал, он как бы заменял нам отца.

Беседовал Виктор Котт

1 Поэтому так трудно теперешней Карловацкой юрисдикции принять новый поворот истории, вернувший церкви в России свободу.² Т.е. церкви, находящиеся в юрисдикции Карловацкого синода. – Прим. ред.

Никита Струве: Духовный опыт русской эмиграции

Аскетический опыт

Религиозный опыт русской эмиграции: я постараюсь его как-то охарактеризовать, вставив в историческую рамку. Он был, во-первых, интенсивным: эмиграция, выкинутая из своей страны, пережила повышение религиозного чувства после того исторического провала, той беды, которая стряслась с Россией. «Гром не грянет – мужик не перекрестится», – говорилось в прошлом. То же самое было и с эмиграцией. На несчастья эмиграция не роптала, потому что знала, что оставшиеся в России переживают худшие трудности. Но специфические трудности эмиграции – отсутствие почвы, отсутствие земли – могли быть восполнены именно тем, что

эмиграции оставалось открытым небо. И естественно, к небу значительная часть этой эмиграции и обратилась.

Но опыт эмиграции не был, как вы легко можете себе представить, ни безмятежным, ни безраздельно славным, ни сплошь творческим и т.д. Оказавшись за бортом своей страны и за бортом истории, Русская церковь в эмиграции, помимо тех организационных сложностей, которые выпали на ее долю, довольно быстро разделилась на два неоднородных лагеря. То, что есть различные мнения, различные установки – это закономерно. И церковь должна допускать плюрализм. Он всегда у нее был и будет. Должна быть довольно широкая палитра не только мнений, но и практик. Плохо в эмиграции было то, что одна часть другую не понимала. Но это еще полбеда. Совсем плохо, когда одна часть претендует на свою исключительность и тем самым другую старается подавить или опорочить. Я бы эти две тенденции охарактеризовал следующим образом. Первую тенденцию я бы символически назвал синдромом Лотовой жены. Это «взгляд назад». А всякий взгляд назад, как мы это видим по библейскому сказанию, ведет к окаменению. Это и случилось с одной частью эмиграции. Среди нее были выдающиеся люди, были, несомненно, искренние христиане, но попав в эмиграцию, они стали смотреть не вперед, а назад, пережив изгнанничество как ностальгию по прошлому. Это течение возглавил уже достаточно престарелый, в свое время выдающийся русский иерарх – митрополит Антоний (Храповицкий). Это течение все еще продолжало мыслить церковь только в союзе с рухнувшим государством, то есть мечтало о восстановлении государства в его прежних формах, мечтало, что монархия продлится и останется непременным условием существования церкви, в союзе не просто с монархическим строем – большая часть эмиграции была не против вообще монархии – но именно с династией Романовых. В этом «взгляде назад» был отказ от суда истории как раз над той же монархией, во всяком случае, над этой династией, от суда над в свое время слишком большим подчинением церкви и церковных органов государству. Но, может быть, в еще большей степени это был отказ вообще от самой истории. История же неумолимо идет, у нее свои непреложные законы. Принять крушение государства, крушение династии, которая только что отпраздновала свое 300-летие, было настолько психологически трудно, что в Софии еще в 1926 г. архиепископ Серафим (Соболев), благочестивый, хотя и очень узкий, продолжал служить молебны о как бы живом государе. Видите, какой образный отказ от непреложного факта гибели царской семьи, какая невозможность отказаться от факта, что нет государя! И это – к ужасу многих людей, в частности такого выдающегося богослова, как Николай Глубоковский. Неприятие истории может вылиться в мифическое восстановление ушедшего времени или в полное уже отрицание исторического времени, в чувство, что пришел конец всего, что с крушением династии и православного государства всемирная история заканчивается. Это апокалиптическое настроение разделял и епископ Феофан (Быстров), тоже в своем роде выдающийся человек, крупный библеист, который не мог себе простить, что когда-то ввел Распутина в царский дом. Он потом уехал на покой из Сербии во Францию и жил вполне аскетической жизнью в пещере. Но вот ему казалось, что история кончена. А история не кончается.

Нам не дано знать сроков истории. Это вообще некоторая опасная тенденция русского духа, которую мы можем назвать апокалиптическим испугом: она правильна в том смысле, что выражает напряженное ожидание Царства Небесного, но это напряженное ожидание Царства Небесного не должно быть локализовано и приурочено к определенному времени. Господь грядет, но мы не знаем, когда Он придет, когда будет Его Второе Пришествие. Мы этого не знаем, нам Богом дана история, и по отношению к истории мы должны действовать. Вы знаете, какую роковую роль апокалиптика сыграла в разделении XVII столетия, когда старообрядцам тоже показалось, что история кончилась и нужно уходить в леса, тем более, что их и церковь, и государство притесняли. Они проклинали государство в те года, им казалось – все кончено: Третий Рим, то есть Москва, Московское государство, пал, а «четвертому не бывать». Это и

определило раскол. Кстати, старообрядцам все равно пришлось вернуться в историю: как известно, они сыграли довольно решающую роль в зарождении и развитии русского капитализма до революции. Это в каком-то смысле парадоксально, но это как раз показывает, насколько тщетно отказываться от истории. Наоборот, с историей нужно всегда считаться, вернее, в историю нужно быть вовлеченным и ее направлять. «Взгляд назад» повлек за собой в эмиграции остановку на мертвой точке, обусловив почти полное отсутствие религиозного творчества. Он был вполне совместим с благочестием, с текущим окормлением паствы, но тем не менее, неизбежно влек за собой усыхание религиозного творчества, некий, я бы сказал, столбняк. Потому я его и называю «синдром Лотовой жены». Он сопровождался сужением понятия самой Церкви только до России, к тому же до России прошлого. Церковь воспринималась не как благая весть о спасении мира, а как последний уголок отечества. Никакой перспективы на будущее, никакого взгляда вперед! Сама по себе эта точка зрения могла бы существовать, но она сопровождалась горделивой уверенностью, что только в этой части церкви сохранилась верность православию. Но, как неоднократно повторял Николай Бердяев, «эмиграция не изгнание, а посланничество, а точнее, изгнание для посланничества». Это были слова, которые замечательный московский старец о. Алексей Мечев на Маросейке сказал изгнанному из России свободному философу. Ему ужасно не хотелось уезжать, а о. Алексей ему сказал: «Езжайте смело. Вы посланы, чтобы Запад услышал Ваше слово». И был второй опыт русской эмиграции, в другой части церкви, которая восприняла изгнание именно как посланничество Богом, как зов, как обретение небывалой свободы. Я его называю, противопоставляя синдрому Лотовой жены, верностью Авраамовскому призыванию, когда по зову Бога уходишь, не зная куда. Уходишь по велению Бога. Всё это нужно еще социологически и географически видеть. Второй опыт касался очень небольшого числа людей, малого стада. Русская эмиграция и в общей численности своей насчитывала около миллиона человек, распыленных по всем континентам (в основном, конечно, они жили в Европе, но и в Азии тоже). Но этот миллион быстро таял, потому что выехали в основном люди, пережившие 7 лет войны (4 года великой войны и 3 года гражданской), пережившие крушение своей страны, своих идеалов. Смертность в эмиграции была большая, рождаемость малая, семей не так много. Во Франции, где сосредоточилась русская эмиграция в количестве 200 тысяч человек, к началу второй мировой войны, к 40-м годам оставалось уже не больше 70 тысяч русских эмигрантов. Так что в социологическом смысле это не было большим явлением. Обо всем этом очень хорошо писала мать Мария (Скобцова) в 1936 году: «Мы имеем небольшой осколок церкви, оказавшийся в положении, в котором церковь никогда в мире не бывала». Она почувствовала исключительность положения церкви в эмиграции, то есть в условиях полной свободы. Во-первых, от гонений. В России тогда шли лютые гонения, которые позволяли святость, мученичество, но не позволяли творчество. Наиболее творческие люди почти все погибли в ГУЛаге. Эмиграция же оказалась на свободе от гонений, от государственных подачек и, я скажу даже шире, дополняя чуть-чуть мать Марию, вообще от всякого государства. Отличало эмиграцию то, что она была в лучшем случае терпима, но не признана. В эмиграции вопрос о соотношении церкви и государства вообще не ставился. Так что церковь была свободна от государственной опеки, от государственного гнета, от государственных требований, тем более, что она была разбросана по территориям многочисленных государств. «Не связанная органически со странами, ее приютившими, предоставленная сама себе, не интересующая почти нигде никакую власть, церковь в эмиграции вольна жить руководствуясь лишь ей самой присущими законами. В этом величайший (это небольшая группа все-таки! – Н.С.) всемирно-исторический и даже провиденциальный смысл нашего, на первый взгляд, невыносимого и ненормального положения. С точки зрения духовной жизни это положение – может быть, единственно нормальное за всё время существования церковной истории. За всё время существования церковной истории мы свободны. И это значит, что за все наши неудачи, даже просто за нашу инертность мы отвечаем сами. Мы не можем обвинять власть или окружающую среду, потому что они не гонят нас, не отравляют нас своим покровительством.

Если что-либо у нас плохо, то это от того, что мы сами плохи». Эти слова матери Марии отображают действительное положение той части церкви, которая старалась понять, чего от нее ждет Бог, что она может сделать в том новом положении, в которое Бог ее поставил. И вот эти две разнородные части одной церкви разделились. Это разделение продолжается и до сих пор, хотя уже не имеет былой остроты. Та церковь, которая почувствовала свое особое призвание, свою свободу, возможность пролагать новые пути для церковного сознания, для духовного творчества, была запрещена той церковью, которая осталась верной государственно-синодальному периоду и которая стала ее – насколько могла – преследовать. Но это разделение в итоге оказалось благотворным. То есть в данной особой конъюнктуре, потому что церковь, которая сосредоточилась вокруг одного из самых выдающихся православных иерархов XX столетия, митрополита Евлогия, эта церковь могла уже не бороться со своими оппонентами и врагами, что всегда малопродуктивно и, наоборот, целиком отвечать за самое себя и отдаться творчеству. И вот, действительно, с того момента, как этот внутренний раскол определился в 1925–26 годах, в эмиграции (в основном во Франции, куда в то время стянулись все основные ее силы) были явлены просто удивительные личные свидетельства. Мать Мария – это одно из таких очень ярких личных свидетельств. За какие-то 30–40 лет (потом это продолжалось потомками и учениками несколько лет уже в другой форме) вот этой численно небольшой церковью был выстроен действительно нерукотворный православный храм православной мысли и православного делания. И не только мысли, но и ярких личных свидетельств, доходящих до вольно избранного мученичества и реального обновления языка Церкви. Но не в том простом богослужебном смысле, что нужно как можно более доходчивей сделать богослужение, литургию, – нет, в эмиграции, скорее, даже остались здесь сравнительно консервативны (хотя обсуждали все эти вопросы), поскольку, во-первых, наш вопрос был связан не столько с миссионерством по отношению к стаду, ушедшему из церкви, а во-вторых, потому что вопрос языка у нас ставился не между церковнославянским и русским. Вообще я стою скорее за сохранение церковнославянского языка, но за его медленную реформу и за его приближение к русскому (и так это и происходит) в целом ряде богослужебных текстов. В то же время я целиком стою за употребление русского языка во всех чтениях и, в частности, в чтениях Священного писания как Ветхого, так и Нового Завета. Немножко сложнее с псалмами, потому что псалмы практически все вошли в богослужебные тексты. В эмиграции миссионерский вопрос ставился по отношению к тем странам, которые нас приютили и в которых постепенно выростали уже новые поколения. Поэтому вопрос ставился уже между церковнославянским и местными языками, поскольку все знали, что в церкви нет сакрального языка. (Хотя в Католической церкви в то время еще всё шло по-латыни. Это вообще удивительно и странно – сколько веков Католическая церковь служила на вышедшем из употребления языке, и она, между прочим, до сих пор платит за то, что она так долго сохраняла мертвый язык в богослужении!) Вот я говорил об обновлении языка Церкви, об обновлении вообще творческого подхода и в области мысли, и в области, конечно, богослужения, и наконец, даже в самой трудной области, а именно, в области церковного искусства. И вот дух свободы действительно дышал. Он дышал и был ощутим всеми как веяние Святого Духа. Это проявлялось даже на самом конкретном уровне. Скажем, одним из институтов, который на протяжении истории часто был одним из главных двигателей обновления церкви – как в IV веке, когда окончились времена мученичества, как и в XIV веке, в связи в Афоном, как и у нас в России в XIX веке – было монашество. В эмиграции же его не могло быть даже чисто социологически! То есть, конечно, было несколько монастырей, но это была уже прерванная традиция, ведь это все-таки требует целой школы. Но зато в эмиграции родился новый институт, который носил пророческий характер, вообще свойственный началу XX века, и который сейчас уже несколько ослабел, – это так называемое Русское студенческое христианское движение. Это было движение мирян, основанное, в основном, на молодом поколении, но не только, для переосмысления, для вживания в церковный опыт и для того, чтобы церковный опыт не был каким-то закругленным и самодовлеющим, а чтобы он

распространялся на все области жизни. О. Сергей Булгаков выдвинул тогда термин, потом подхваченный о. Василием Зеньковским, термин, может быть, даже не совсем удачный, потому что он может быть по-разному понят – «оцерковление» жизни, что просто должно было означать, что то вдохновение, те дары, которые мы получаем в Церкви, мы не должны зарывать в землю, но они должны распространяться на все отрасли, на все области нашей жизни, начиная, разумеется, от семьи, и кончая вообще любым действием в нашей жизни. И вот когда на известной конференции в 1923 году собралась молодежь, собралась интеллигенция, вернувшаяся в Церковь, это стало своего рода Пятидесятницей русской эмиграции. Так это было воспринято: собравшиеся там чувствовали себя не на земле, а на небе. Это было действительно явление Божьей милости в ответ на большое стремление. Там были все наши крупнейшие имена: и Булгаков, и Бердяев, и митрополит Евлогий. И так это продолжалось на этой Пятидесятнице много-много лет. Тогда же было решено создать за границей богословский институт, причем в несколько новом направлении – чтобы туда пришли профессора не только сословного характера, но чтобы профессора из гражданских школ слились с бывшими профессорами закрытых духовных академий. И создание Свято-Сергиевского института в Париже стало символическим актом этого дыхания свободы. И вот, может быть, в связи с этой выкинутостью, с пребыванием в чужой стране, либо, как во Франции, в основном в католической стране, либо, как в Германии или в Чехии, в протестантских странах, произошло расширение церковного сознания. Как в той, другой группировке было сужение церковного сознания: только для России и для России прошлого, то тут произошло, наоборот, расширение церковного сознания: почувствовали, что Православие – это не только для России, что Православие универсально. И встреча с Католичеством, встреча с Протестанством только утвердила, я мог бы сейчас сказать, нас, хотя в те годы это меня еще не касалось. Но это продолжалось и в 50-е годы, когда я очень много общался в так называемых экуменических кружках. Встреча с Протестантизмом и Католичеством только утвердила всех нас в Православии, и Православии, понятом не как религия одного народа, не как конфессия одной нации, а именно как наиболее чистая форма христианства, которая призвана осолить мир и которая имеет от Бога универсальное назначение. Вот это погружение в инославный мир нас утвердило в Православии. О. Сергей Булгаков, когда еще был в России, испугавшись, что Русская церковь разделится и вроде бы разваливалась, соблазнялся Католичеством. Но достаточно ему было прибыть на Запад, чтобы он понял, что Бог посылает его и вообще русских именно свидетельствовать на Западе о Православии. Это совершенно не значило, что мы наших инославных братьев отвергали. Наоборот, радость общения была и остается, но это была радость свидетельства и, надо сказать, что в этом свидетельстве о Православии были достигнуты по отношению как к католикам, так и к протестантам большие результаты, большие успехи. Благодаря нашим крупным и отцам, и богословам удалось действительно принести свидетельство о Православии, которое на Западе не знали или знали очень схематично и, я бы сказал, превратно. Свидетельство о Православии было провозглашено, и Православие на Западе было узнано. И теперь, после этих 60–70 лет свидетельства, престиж Православия на Западе, несмотря на его историческое уничтожение, на его историческую маломощность, во многих странах (я могу свидетельствовать только о Франции), как ни странно, стоит очень высоко, несмотря на то, что нас теперь очень мало, ведь мы теперь во Франции, в общем, горсточка, по сравнению даже с тем, что было в 30-х годах. Но тем не менее, с Православием считаются, по отношению к Православию у многих есть ностальгия. И это было достигнуто благодаря творчеству русской эмиграции. Православие оказалось не чем-то фольклоричным, не чем-то восточным, а именно универсальным. Я просто упомяну, очень схематично, какие-то основные достижения, хотя их столько, что они требуют длительного разговора. Ну, во-первых, может быть, впервые за столетие, во всяком случае, но в действительности впервые скорее даже за несколько столетий, в эмиграции была произведена колоссальная работа в области богословской. Это не значит, что всё, что было сделано в богословии русской эмиграцией, нужно принимать как окончательное слово. Да и

окончательного слова в богословии никогда нет и не будет, но одним о. Сергием Булгаковым, который, как я считаю, является самым крупным религиозным гением вообще XX столетия, было сделано невероятно много. Ему равных я не вижу не только в Православии, но и в Католичестве, и в Протестантизме. Это человек, проживший много разных жизней. Он приехал в эмиграцию после 55 лет и, дожив до 75 лет, за какие-то 20 лет «перепахал» всё поле богословия. И надо сказать, что даже те богословы, которые не разделяли его основные интуиции, так или иначе зависели от него. Обновление языка Церкви, в широком смысле этого слова, мы находим, например, у о. Александра Ельчанинова. Я сказал, что у нас почти не было монашества. О. Александр Ельчанинов стал священником очень поздно, благодаря о. Сергию Булгакову, который его понудил к этому, и был им всего 8 лет, в довольно трудных условиях, но тем не менее, в монастырях не жил никогда. Но своим личным аскетическим опытом, своим личным устремлением и непрерывным чтением аскетических сочинений и творений ему удалось на пушкинском русском языке изложить основные проблемы аскетической духовности. Я считаю, что это колоссальный пример того, что может быть сделано при каком-то устремлении и что должно быть сделано, потому что этот аскетический дух, который необходим в религиозном опыте, нам теперь не всегда легко перенять из рук святых отцов, которые писали по-гречески и, все-таки, в других условиях, в других ментальных условиях, чем мы живем теперь, или даже из нашей духовной традиции XIX века, где язык, переполненный славянизмами, немножко мешает. А тут – я это наблюдал, когда ездил по России, – вот такой язык, передающий древнюю, но вечную аскетику на пушкинском языке, доходит до любого сердца и плодотворит. Я ограничусь еще несколькими примерами. В эмиграции был обновлен язык икон. А это язык, пожалуй, наиболее фиксированный. Хотя когдаходишь в храмы, видишь, как эволюционировал язык иконы, но всегда так или иначе выражая и дух, и ментальность своего времени: вечное в нем всегда соприкасалось и с историческим временем. В эмиграции удалось вернуться к очень строгой иконописи, которую только в начале XX века мы вообще открыли, поскольку забыли, чем была русская иконопись в XV-XVI столетиях. В эмиграции она была не только повторена, но обновлена и изнутри оживлена соприкосновением с художественными веяниями века, сопряжена с интенсивной богословской работой. Назову двух замечательных иконописцев – сестру Иоанну Рейтлингер (она недавно умерла в возрасте 90 лет в Ташкенте, так как в 50-х годах вернулась в Россию) и о. Григория Круга. Оба сумели, оставаясь верны основному канону древней русской иконы, изнутри ее как-то оживить. Я дал три примера обновления языка Церкви: в мысли, в выражении аскетики, хотя ничего нового о. Александр Ельчанинов о ней не сказал в своих записях, но сказал по-новому (как говорил великий французский писатель и богослов Блез Паскаль, «мы всегда бросаем тот же мяч, весь вопрос в том, как мы его бросим»), и в иконописи. Я был вынужден ограничиться из-за времени только тремя областями. А в русской эмиграции были перепаханы и обновлены, творчески, изнутри, многие другие области, такие, как история церкви (Карташев), или даже «русской святости» (Федотов) и т.д., и т.д., я уж не говорю про более молодых моих друзей, которые обновили видение литургии и Евхаристии. О. Александр Шмеман с удовольствием увидел бы, что его книги – вот я даже сегодня видел в церкви его книгу, – что его голос, его литургический опыт нашел отклик в далеком Архангельске. Ему не довелось дожить до дней свободы, отчасти и потому, что он изнурил себя на почве церковного делания, всегда трудной. Но я рад, что вижу тут и плоды его обновленного видения. Сначала надо обновить видение, а затем обновляется, естественно, и язык.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, про служение о. Александра Шмемана. Дело в том, что книги его мы знаем, а вот как проходило его служение – не очень ясно.

- В молодости ему хотелось, чтобы литургия была действием народа, чтобы она соответствовала своей интенции. И даже в начале своей священнической жизни он устраивал литургии небольшой общины, которая могла это понять. Ну, де-факто, у нас некоторые вещи

сами собой установились, например в Студенческом христианском движении: служили на съездах, где фактически иконостаса не было, и тогда литургия совершалась, как у Златоуста хорошо сказано, «в полном единстве клира и народа». О. Александр служил, действительно, вдохновенно и одновременно степенно. В его служении не было никакой эмоциональности, того, что может походить на некоторую взвинченность. Совсем нет. Я вспоминаю его службу у Солженицына. Александр Исаевич в своем доме построил небольшую часовню и иногда в нее приезжал служить о. Александр, правда редко, так как он послал хорошего священника в приход недалеко от того места, где жил Солженицын. Но тем не менее, мы участвовали в литургии, которую о. Александр служил, читая, разумеется, так называемые «тайные» молитвы вслух, но без слишком большой нарочитости, без того, чтобы слишком «нажимать на педаль». У него был абсолютный слух, абсолютный вкус литургический. И вот когда отслужили литургию, ко мне подошел Александр Исаевич и сказал: «Как странно! Почему когда служит о. Александр, – а он служил по-славянски, – я всё понимаю?! А когда служат другие – я не понимаю?» Вот у о. Александра была необычайная ясность, четкость, строгость в стиле служения. Он действительно жил целиком в литургии, а в жизни он был человек очаровательный, очень культурный, очень остроумный, даже едкий, но едкий без злобы. Вообще свободный. Свободу, вот действительно, удалось воспитать. В эмиграции было много настоящей свободы в отношениях между народом и священниками, между самими священниками, даже в богослужении. Одновременно доходчивость и простота. Правда, это всё в маленьких церквях, где это легче. Помню служения о. Василия Зеньковского, более простые и обыденные, хотя он был прекрасный проповедник. Никогда не проповедовал больше 5 минут. Но за 5 минут ему удавалось сказать основное. О. Василий жил не только литургией. Он был ученым, духовным отцом, даже в преклонном возрасте, необычайно заботливым, как и о. Сергей Булгаков. О. Сергей Булгаков, вот между пятьюдесятью и семьюдесятью годами, несмотря на болезни и заботы, произвел колоссальное богословское творчество, которому нет равных, начиная с XIV века, но он не только сидел в своем кабинете, у него было очень много духовных чад, точнее чад-друзей, и он мог пересечь весь Париж на метро и т.д., чтобы причастить больного или умирающего. Эта внутренняя духовная свобода сочеталась с довольно большим консерватизмом формы в том, что касалось церковнославянского языка, поскольку наши миссионерские задачи относились скорее к тем, кто вообще потерял русский язык. Так что переводить на русский язык или перекладывать что-либо на русский было не так существенно. А вот вводить французский язык – это была наша задача. В молодости вместе с о. Иоанном Мейендорфом и другими мы переводили литургию на французский язык.

- Есть ли в современной литургической жизни на Западе восполнение опыта о. Александра Шмемана? Можно ли сказать, что его опыт был дополнен?

- О. Александр Шмеман довольно быстро покинул Францию и уехал в Америку. Он стал апостолом Америки, и в Америке, там, где он действовал, его опыт распространился очень широко. В Париже меньше, более выборочно, в миссионерских приходах, т.е. в приходах, где служат на французском языке. Но это был не только его опыт, это выросло стихийно, как я говорил, на наших съездах. Я всегда считал, что «тайные» молитвы нужно читать вслух, потому что в них ничего таинственного нет. Те возгласы, которые обычно произносятся вслух, гораздо более таинственны, они действительно учреждают таинство, а «тайные» молитвы только объясняют, развертывают это таинство. Я помню, как по этому поводу на меня нападали в Греции лет 30 или 40 тому назад. И вот недавно я узнал, что в Греции теперь почти повсеместно «тайные» молитвы читаются вслух. Так что всё меняется сообразно потребностью дня. Тут довольно простая диалектика. Может быть, когда-то нужно было оберечь таинство, таинственный момент богослужения. Но его так хорошо оберегли за стеной иконостаса, за «тайными» молитвами, что настало время его раскрывать. Недавно в Москве я был в одной церкви – иконостас сплошной, наглухо закрытый, акустика такая, что священника

не слышно. Происходит какая-то, почти как раньше латинская, «молчаливая месса». Но это почему-то никого не возмущает. Раньше оберегали таинство. Теперь же пришло время – это стало совершенно очевидно в XX веке, а началось это, я думаю, даже еще с о. Иоанна Кронштадтского – таинство раскрывать, давать к нему доступ народу (надо помнить, что ведь в XIX веке почти никто вообще не причащался). И причем, что странно, это понимание начало приходить почти одновременно и в Западной, и в Российской церкви, начиная с о. Иоанна Кронштадтского, и потом всё дальше и дальше распространилось. Я вот еще застал в Париже синодальные церкви² – в детстве меня иногда водили как раз в церковь той группировки, которую я охарактеризовал как «нетворческую». Чаша выносилась – и никто не причащался. Для меня все это раскрылось на наших съездах, которые были в своем роде внутренним оглашением, и без всякой нарочитости, без всякого определенного усилия.

- Как у вас осуществляется помощь людям, которые входят в церковь? Есть ли катехизация, оглашение?

- Ну, я думаю, у нас все несколько иначе. Мы в этом смысле менее миссионерская церковь, то есть у нас ходят в церковь люди уже сформированные – либо в семье, либо в воскресных школах. Во французском же приходе, действительно, устраиваются лекции, беседы, катехизация. Сам я не из специально церковной семьи, но пришел к церкви через кружки. Мы собирались между собой, изучали Евангелие, послания. Правда, среди нас были студенты-богословы, были люди более искушенные. В Париж, конечно, всегда стекается много сил. В Богословский институт приезжали студенты со всего мира, и вот они мне очень помогли, потому что приход, в который я заходил в детстве, вряд ли бы меня в церкви удержал. В частности, мне очень помогли православные студенты, приехавшие из Сирии и Ливана, хотя бы тот факт, что они – православные арабы, будучи людьми семитской культуры, имеют более прямой доступ к Писанию. Это были молодые студенты – сирийцы и ливанцы, у которых церковь в те годы была в упадке и т.д. Одного из них разбудил Николай Александрович Бердяев, между прочим. Он думал было уже переходить в Католичество, а чтение Бердяева его остановило на этом пути. Теперь он митрополит Гор Ливанских, довольно известный богослов Георгий (Ходр), мой большой друг. И тогда же учился в Париже другой мой большой друг – я даже учился у него арабскому языку – теперешний патриарх Антиохийский Игнатий (Хазим). Конечно, Париж в этом смысле благословенный город, потому что туда приезжают православные из всех стран. Сейчас нам очень помогают приезжающие учиться в Париж румынские монахи. Так что у нас – непосредственно универсальная перспектива церкви.

- Скажите, а богослужение у вас на каком языке ведется?

- Вы знаете, у греков – по-гречески, у румын – по-румынски, у русских – в основном на церковнославянском.

- А у сербов – по-сербски?

- Сербы по-разному – у них сербский смешан с церковнославянским, и кроме того, есть целый ряд приходов, где служат на французском языке. Французский язык оказался вполне приспособляемым и достойным богослужения. Во Франции перешел в православие один бенедиктинский монах, очень яркий и цельный человек, к тому же прекрасный стилист. Он перевел очень много богослужебных текстов на французский язык. В каком-то смысле у нас нет русской церкви. У нас множество разноплеменных церквей.

- А на латыни служат где-нибудь во Франции?

- Увы, да. Как вы знаете, произошел обрядовый раскол и в Католичестве. Один епископ, кстати

выдающийся, не перенес изменений Второго Ватиканского собора, в частности перехода на французский язык, ну и вообще на национальные языки. В его «расколе» сохранилась и обрядность, и дух такими, какими они были до Второго Ватиканского собора. И там служат по-латински. Проповеди произносятся суровые, строгие. Но в этом заметен – и в политическом смысле, и во всех смыслах – правый уклон. Это смотрение назад, а не вперед. Другое дело, что Католичество задержало продвижение церкви вперед на много столетий, из-за чего оно, отчасти, и породило Протестантизм. В реформах Второго Ватиканского собора иной раз с водой выплескивали и ребенка. По-разному, конечно, было, но тем не менее, несомненно, произошло обеднение литургической жизни.

- Мы в последнее время имели возможность познакомиться с Вашим издательством и с Вашими изданиями, такими, как, например, книга Н. Зёрнова «Русское религиозное возрождение». Вы не могли бы вкратце рассказать о творческих планах и т.п.

- Тем более, что у нас почти нет творческих планов. Нам время тлеть, а вам цвести... Я счастлив, что мог в свое время составить и издать книгу об о. Алексее Мечеве. Но в основном уже тогда материалы шли из России. Опыт эмиграции постепенно должен быть воспринят тут, он тут и воспринимается, и тут рано или поздно родится его продолжение. Но я издательство еще не закрываю, я при нём издаю журнал. Вот я вернусь во Францию, и мне нужно будет подумать – закрывать его окончательно или еще протянуть некоторое время. Если что и будем издавать, то уже в России, в нашем филиале «Русский путь» в Москве, куда я недавно переслал тоже прекрасную книгу замечательного подвижника Сергея Фуделя «Наследие Достоевского». Она вышла и уже распродана, сейчас мы готовим второе издание. Так что если что будем издавать, то здесь, потому что на русском языке у нас на Западе больше почти нет читателей.

- Издаётся ли что-нибудь из книг о. Сергия Булгакова?

Я ездил трижды в Ливны, в город, где он родился и где было заложено все его мировоззрение. И там, в Орле, изданы на губернские средства две книги Булгакова, собрание его дневников. Малая трилогия Булгакова будет издана довольно скоро в издательстве «Алетейя».

Скажите, пожалуйста, по какому календарю живет Православная церковь в Европе?

Кто как: одни – по старому, другие – по новому. Греки живут по новому, разумеется; румыны по новому; сербы колеблются, наши французские приходы живут по новому. Я прихожанин кафедрального собора, но там две общины, два прихода: один русский, там служат по-церковнославянски и по старому календарю живут, а в нижней церкви, где община французская, там живут по новому календарю. Это не Бог вещь как удобно, но это показывает, что календарь не имеет существенного значения. Я удивляюсь, что в России придают такое значение календарю. Для нас это не проблема. Половина православного мира служит по новому, другая остается при старом. Пусть и будет такой плюрализм. Удобен он или не удобен – это другой вопрос. Патриарх Тихон хотел перейти на новый, но обстоятельства не позволили. Я вот только удивляюсь, что это вырастает даже в догматическую проблему. Это мне совсем непонятно. Лично я предпочел бы жить по новому календарю, потому что мне приятно было бы праздновать некоторые праздники одновременно с местным населением. Ведь живя в католической западной стране, когда подходишь к русскому Рождеству, то ты уже перебрался через французское Рождество, а нельзя же как-то не ощущать праздника вместе со своими братьями-христианами. Потом еще Новый год, и тут уже сил не хватает. А с другой стороны, вот штрих нашего плюрализма, дети мои празднуют почти все по новому календарю. (Правда, мой сын женат на гречанке, а для гречанки старый стиль уже давно не существует.) И мы вынуждены с ними праздновать до некоторой степени. Но тем не менее, мы празднуем и русское Рождество, потому что тогда как-то можно больше сосредоточиться. Так что видите,

опыт Православия на Западе, Православия межплеменного и многоплеменного, позволяет релятивизировать вопросы, которые, к сожалению, тут вырастают недолжным образом в целую проблему.

- Расскажите, пожалуйста, про ваши воскресные школы. Приходилось ли Вам бывать в них, и какой принцип существует в воскресных школах?

- Я никогда сам не учился в воскресных школах и очень мало в них преподавал. У нас никакого принципа специфического, я думаю, нет. Ну, во-первых, там преподается русский язык, чтобы не утратить совсем связь с русской культурой. Затем у нас довольно много пособий. Наш пятитомный «Закон Божий», который тут был переиздан, а потом исчез, – это прекрасное основное пособие и по истории церкви, и по Священному писанию. Тут тоже должна быть свобода. Многое зависит, понимаете, от преподавателя.

- Много ли во Франции в церкви молодежи и существует ли какая-либо специальная работа с ней?

- Да, есть молодежь в церквях. Я считаю, что в православных церквях состав достаточно молодой. Именно потому, что с ней велась и ведется работа в молодежных организациях. Она ведет ее отчасти сама, отчасти с руководителями. Но широко применяется принцип свободы. В основном это кружковая работа по изучению Писания, по изучению русской богословской философской мысли. Большое значение имели в моей жизни, когда я был молод, съезды Русского студенческого христианского движения. Особенно в те годы, когда действительно было кого послушать и на кого посмотреть, в частности, о. Александра Шмемана или о. Василия Зеньковского. Устраивался трёхдневный съезд, в центре которого была литургия, вокруг нее доклады и их обсуждения.

- А где в церквях больше молодежи – здесь или во Франции?

- Я немного занимался церковной социологией. Ну, на Западе мы совсем маленькая группа. В России же меня поражало в некоторых местностях, что в церквях одни женщины, и скорее немолодого возраста. Такое впечатление было в Смоленске, в кафедральном соборе. А недавно я в воскресенье решил посетить сразу несколько церквей и был поражен, что в небольших московских приходах много молодежи. Так что ответить однозначно очень трудно.

- Расскажите, пожалуйста, о Свято-Сергиевском богословском институте, в частности об основных направлениях обучения в нем.

- Основное его направление... Ну, я не могу сказать, что он сейчас переживает кризис, он скорее видоизменяется. Все русские богословы ушли или переехали в Америку, ну, а в Америке они уже ушли из этой жизни и большого количества учеников они не оставили. Сейчас в Богословском институте происходит, я бы сказал, национальная мутация, там преподают в основном на французском языке, там много французов, перешедших в Православие из Католичества и из Протестантизма. Там вообще сейчас не много студентов и не очень большой коллектив профессоров. Но до сих пор в него приезжают учиться с разных концов православного мира, в частности, чтобы писать докторские диссертации или кандидатские сочинения. Там бывают и сербы, и греки, и румыны, и другие студенты, в основном из Европы. Сказать, что там сейчас есть какое-то определенное направление, я не могу. Ну, историю церкви там преподает выдающийся человек – француз, перешедший в Православие, Оливье Клеман, книги которого тут переведены и изданы. Но ему тоже уже 75 или 76 лет и он мечтает об отставке. Декан сейчас о. Борис Бобринский, один из наших замечательных, я сказал бы даже не литургистов, а литургов. Он служит, грубо говоря,

по-шмемановски. Они тоже были друзьями, мы все были такими друзьями. Но он сейчас тоже болен. Так что у нас на Западе вопрос нашего бывшего социума – это вопрос выживания. И тут трудно даже прогнозировать. Богословский институт несомненно выживет. Его сейчас поддерживают: там достаточное количество французов, перешедших в Православие, там хороший интеллектуальный уровень и там будет продолжаться богословская традиция. Хотя там тоже по-разному. Богословский институт, как бы сказать, решительно повернулся спиной к о. Сергию Булгакову, который его создал и без которого этот институт просто не существовал бы. Может быть, потому, что Булгаков был слишком сильная личность, а от сильных личностей любят на определенном этапе отходить, чтобы существовать самостоятельно, и т.д. Так что мы еще не бедны, но уже не богаты.

- В продолжение этого вопроса. Вы сказали, что институт сейчас переживает кризис. С чем он связан?

- Он переживает кризис просто социологический. Ушли представители и потомки русской эмиграции, которые были на величайшей высоте, потому что русская культура перед революцией достигла поразительного расцвета, расцвета в целом ряде областей, если не во всех областях. Она уже тогда опережала Европу в искусстве, например, в музыке Стравинского, Прокофьева. Вообще, Россия в культурном смысле шла вперед семимильными шагами. Всё это было подстрелено и, может быть, даже убито. Потому эмиграция и могла, поняв, что Бог от нее хочет, создать такое творчество. Но последователей, даже чисто биологически, у нее почти нет. Так что это кризис в смысле видоизменения. Но насколько этого достаточно, насколько это прививается, насколько эти французы, перешедшие в Православие, укоренены в этой традиции, – это покажет время. Среди них есть, даже среди молодых, очень сильные богословы... Скорее, через этих французов усиливаются, я думаю, некоторые догматические пункты Православной церкви, которые противостоят догматам тех католических и протестантских церквей, откуда они перешли. Ведь французы приходят не из православных семей, они приходят, как Клеман пришел, большей частью из Католичества или из Протестантизма, и поэтому их интересует специфика Православия именно в догматическом смысле.

- Никита Алексеевич, а как разрешается во Франции проблема православия и семьи? На каком уровне встает этот вопрос?

- Насколько это нас заедает или не заедает, да? Заедает, конечно. Во всем мире произошел некоторый обвал семейной традиции. Не обязательно даже обвал семейной традиции, но к этим вопросам появился некоторый иной подход. Во всяком случае, иной по сравнению с теми требованиями, которые предъявляет христианская жизнь. Это происходит повсеместно. Но может быть, не нужно к этому относиться слишком ригористично. В частности, я имею в виду практику добрачной совместной жизни. Ну, все-таки очень многое изменилось даже чисто технически, и с этим так или иначе нужно считаться. Да, где-то должно ставить определенные преграды, но где, в чем? Да, где-то должна быть проведена черта, но, может быть, она должна быть гибче, может быть, надо различать между тем, что действительно является грехом, и тем, что является лишь слабостью и т.д., потому что так изменилось всё вообще в воздухе. Я просто вижу, что в поколении моем и поколении моих детей все-таки ставятся разные проблемы. В общем, я не знаю, но когда говорят «церковь», надо понимать, что мы сами и есть церковь. Так что это вопрос совести каждого по отношению к требованиям чистоты евангельской жизни. Может быть, не нужно, чтобы в этой области были самые ригористические требования, потому что есть грехи и другого свойства. В общем, это очень трудный вопрос, который нас всех мучает, и который, я думаю, церкви надлежит разрабатывать, не закрывая глаза на некоторые явления, которые трудно будет остановить и с которыми нужно как-то считаться. О. Иоанн Мейендорф на эту тему много думал. Его книга о браке написана уже с учетом новых условий,

но всё это требует большого рассмотрения.

- А как обстоят дела во Франции с Крещением? Есть ли такие люди, которые, как это часто бывает у нас в России, крещены, но в церковь не ходят?

- Как ни странно, во Франции до 80% крещеных, но посещаемость церквей сравнительно низкая. Я сейчас за этим не очень слежу, поэтому не могу сказать точно, но не больше 5%. Так же и в Англии, так же и в Греции. Мы, церковные христиане, - малое стадо.

- Никита Алексеевич, как по Вашему, насколько удалось русской эмиграции донести свой опыт до России?

- Я не судья, но считаю, что этот опыт пока остается сам по себе - время прошло очень небольшое. Но я вижу по количеству переизданных книг (поскольку этот опыт может быть воспринят сейчас, в основном, только через книги), что постепенно он все-таки входит в сознание людей, входит, разумеется, как всегда, с конфликтами, но и в эмиграции этот опыт был не без конфликтов. Конфликтов не нужно бояться. Лишь бы не было удушения мысли, лишь бы не было односторонности. В церкви должна быть любовь.

- Хотелось бы узнать, сохранились ли в Вашей семье какие-нибудь реликвии, касающиеся Ленина?

- Да, сохранились. Мой дед хорошо знал Ленина. Деда я застал еще в живых, он жил в Белграде и был арестован немцами по доносу русского эмигранта, и его судили в Австрии как друга Ленина. Правда, на него донесли, потому что он совершенно не переносил нацизм, почти так же, как не переносил и большевизм. А Германия была отчасти его второй родиной, во всяком случае, родиной его деда и была для него очень близкой страной. Он переживал гитлеризм как падение Германии, почти так же остро, как большевизм как падение России. Так что его арестовали как друга Ленина, но он смог легко, на чистейшем немецком языке, оправдаться. Его выпустили и даже позволили ему, поскольку он жил в ужасных, бедственных условиях, выехать к сыну, т.е. моему отцу. Они приехали во время войны уже почти доходягами, но полтора-два года они все-таки прожили, так что я с ним мог общаться. Ленина он хорошо знал, знал изнутри и написал о нём воспоминания, которые я, как уже письменное свидетельство, напечатал в одном из номеров «Вестника РХД». Мой дед был человек не эмоциональный, хотя и страстный. То, что он написал о Ленине, действительно отражает его характер в каком-то смысле. Единственный раз в жизни он в нём ощутил то, что он назвал ледящим холодом. Для него Ленин был образом антилюбви. Я думаю, это отчасти соответствует и тому делу, которое Ленин сделал. Если вы возьмете его знаменитое, теперь ставшее общеизвестным письмо Молотову в связи с процессом об изъятии церковных ценностей, то увидите, что это, действительно, шедевр злобы, ненависти и цинизма. Там он пишет, что нужно воспользоваться тем, что в России голод и наблюдаются случаи антропофагии, когда люди едят друг друга, чтобы расстрелять как можно больше духовенства, чтобы они это запомнили на многие десятилетия. Когда я это письмо напечатал в 1970 году во Франции, французы не поверили в его подлинность, в голову их это не могло войти. Знаменитый мыслитель Жозеф де Местр сказал, что самое опасное, что может быть, это что придет Пугачев из университета. Это было пророчество. И вот Ленин - это была какая-то пугачевщина университетская, его примеру потом последовал, по-моему, Пол Пот. Но это письмо - это документ фантастический. Подумайте, воспользоваться тем, что в России возродился каннибализм, чтобы расстрелять побольше духовенства! Это жуткое письмо, оно у меня как раз от деда. Это 1922 год, когда был расстрел в Шуге, когда было изъятие церковных ценностей, тогда же был процесс митрополита Вениамина. Изъятие ценностей - это была совершенно типичная провокация, очень хорошо рассчитанная. А когда соглашались отдать все ценности, даже священные сосуды, как сделал

митрополит Вениамин, тогда и расстреливали. Большой цинизм трудно себе представить. Так что, я думаю, дед был прав, говоря, что Ленин был человек ледяного холода. Мы до сих пор вынуждены лицеизреть его памятники в некотором количестве, но что делать?

- Может быть, он был человеком ледяного холода еще до 22-го года?

- Да, он это писал о своем личном общении с Лениным в 1900 году. Они ведь были до некоторой степени соратниками. Они не сходились во всем, и Ленин потом с ним полемизировал, поскольку дед был буржуазный социалист и революционер. Мой дед был тогда основателем социал-демократической партии, он написал и первый манифест.

- Никита Алексеевич, расскажите о Ваших впечатлениях о прошедшей в сентябре 1998 г. в Москве конференции «Язык Церкви». Нужны ли, на Ваш взгляд, подобного рода конференции?

- К сожалению, я смог быть только в первый день и на закрытии, но я был поражен высоким уровнем этой конференции, внимательностью и открытостью присутствующих, и считаю, что это именно то, что сейчас нужно. Сейчас не нужно конфликтовать, не нужно переть на рожон, а нужно проводить вот такие конференции, которые позволяют все эти вопросы углубить. Хорошо, что там были высказаны разные мнения, что были там и защитники церковнославянского языка. Дай Бог, чтобы таких конференций было побольше, и чтобы это распространялось более широко, ведь Москва – это еще не вся Россия. Такая конференция – достижение, и мне очень жаль, что я не мог на ней присутствовать с начала до конца.

- Как бы Вы определили то качество, по которому мы можем назвать писателя христианским? Кого бы Вы могли отнести к христианским из русских писателей, поэтов?

- Вы знаете, вся русская культура пронизана христианством. Я бы не стал говорить, что вот тот или иной писатель – христианский или нехристианский. Христианином он может, в крайнем случае, и не быть, во всяком случае в том смысле, в котором мы это обычно говорим. Но, скажем, если вы возьмете XIX век, то он у нас начался с писателя, которого я назвал бы святым, и он действительно святой. Вы, может быть, поймете, кого я имею в виду, потому что с него началась, отчасти, наша литература в XIX веке. Это учитель Пушкина, действительно добрый человек новейшей России. Я имею в виду Василия Андреевича Жуковского. Я причисляю Жуковского не к лику писателей-христиан, а к лику святых писателей. Он был человек святой именно своею жизнью. Вспомните, что о нём писал Тютчев: «Веял в нем дух чисто-голубиный». Сегодня я прочел два стихотворения Боратынского, предшественника, в каком-то смысле, Достоевского. А что же вы про Достоевского скажете? Я его тоже причисляю к святым, к какому-то такому ряду святых, которых нет в других культурах. Я только что прочел все письма Достоевского. Это поразительная вещь! Я только утвердился в том, что это был человек святой. Гоголь. Человек, замученный своими проблемами, своим аскетизмом, но написавший – все-таки этого ни в одной стране нет! – прекрасное объяснение литургии. Кто это делал в середине XIX века? И тоже, между прочим, был назван Аксаковым святым. Да и старик Аксаков был не без святости, хотя любил играть в карты и ходить в Английский клуб. И Хомяков (тоже писатель и, между прочим, неплохой поэт) – величайший богослов, учитель церкви. Так он был назван Ю.Ф. Самариным. Да, он курил трубку, ну и что? Но человек он был святой жизни, во всех смыслах святой жизни. По данному матери обещанию он сохранил девственность до позднего брака, пережил смерть двух своих детей и раннюю смерть жены. А как он ее пережил? Это не аскетика, но это такой духовный урок. Надо прочесть, что он пережил в момент смерти жены, какое чувство собственной греховности! В этом-то и отличие русской культуры. Я не говорю: христианский писатель – не христианский писатель: вся наша культура, словесная во всяком случае, свидетельствует о Христе. И причем это не только свидетельство о Христе, но часто еще и мученичество. Мы и к Пушкину относимся, может быть,

не в буквальном смысле как к святому, но как к мученику. И вообще у нас мучеников очень много. Толстой – тоже мученик. Понимаете, Толстой был замучен своими поисками правды. Замучен! И потому я его не отлучал бы от церкви, его не нужно было отлучать, поскольку он сам себя отлучил. Но, правда, его проповеди довольно двусмысленные. И так далее, и так далее. Я просто удивляюсь какой-то даже перманентности этого явления. Ахматова. Пастернак. Корней Чуковский считал Ахматову последним (она тогда и была последним) православным поэтом. Поэзия Ахматовой насквозь проникнута христианством. Ну, а Мандельштам? Человек пришел совсем из иного мира, из иудейского хаоса, и пошел крестным путем, пошел на вольную смерть. Он тоже может быть причислен к лику святых. Это особый ряд и род... Мы их не будем канонизировать и писать их иконы, но это особый ряд именно русской культуры. Он, может быть, так, сознательно, и пошел на вольную смерть: написал стихи о Сталине в 1933 году, и какие! – и прочел их своим друзьям... Он знал, на что он идет.

- Никита Алексеевич, скажите какое стихотворение Мандельштама Вам особенно дорого?

- Я могу сказать, что очень многие его стихотворения мне дороги, но я считаю, что у него в конце жизни... – эти стихи о неизвестном солдате. Это фантастическая вещь. И его самое последнее стихотворение, которое он завещал Пушкинскому дому: «Есть женщины сырой земле родные». Это стихотворение о Воскресении, очень такое тактичное. А «Тайная вечеря»? Он понимал, что он мистически участвовал в Тайной вечере перед своим концом. Это фантастика! Увидеть Тайную вечерю перед своей смертью! А человек он был нецерковный.

- Расскажите, пожалуйста, кратко о вашем пути к Богу и в Церковь.

- Кратко это довольно трудно, потому что путь этот всегда долгий и никогда не оканчивающийся, до некоторой степени. Ну, скрещиваются всегда несколько линий: личный поиск и встреча со Христом в чтении Евангелия, с одной стороны, а с другой – встреча со свидетелями христианства. Но более точно, это была встреча не просто с отдельными свидетелями, это была встреча с РСХД, которое было своего рода подвижной общиной. Она была связана с одним храмом, но не обязательно. Это было, скорее, межприходское и даже межцерковное движение, потому что в нем участвовали люди из других Православных церквей, и вот эта живая жизнь молодых людей из разных приходов, но объединенных одной мыслью – как можно глубже проникнуть в тайны христианства и в исполнение христианских заповедей, в широком смысле этого слова, это и сделало, я думаю, возможным мой приход в Церковь и, до некоторой степени, мое служение в ней в качестве мирянина. Может быть – я иногда задаю себе этот вопрос – без этого движения я в Церковь и не пришел бы. Пути неисповедимы, но для меня в эмпирии церкви были и отталкивающие моменты даже еще в моем детстве.

Есть ли в Вашем случае опыт воцерковления своей профессии?

Понятие воцерковления очень близко выражает, если такая вообще есть, идеологию движения РСХД. Сам термин этот обоюдоострый, ведь что значит воцерковление? Я считаю, что это скорее пронизанность, пронизанность христианским духом. Все должно быть так или иначе им пронизано. Есть, конечно, какие-то евангельские требования, которые должны быть человеку предъявлены, и мы их старались исполнять. В частности, именно в семейной жизни, в нравственной жизни. Что же касается профессии, понимаете, моя профессия сама носит, в каком-то смысле, «духовный» характер. Когда преподаешь, читаешь лекции, то это уже какое-то духовное действие. Несомненно, студенты, чувствуют, к какому духовному миру я принадлежу, но я скорее старался быть очень внимательным к тому, чтобы никак не насиловать совесть своих студентов. У меня был прекрасный учитель в области славистики, русофил, очень ревностный католик, но который как-то изнутри сиял. Он никогда не навязывал свое видение мира, и это у него происходило естественно, и потому его принимали все – и

марксисты, и немарксисты, и христиане – и католики, и православные. В этом смысле этот замечательный человек был для меня примером. Я, конечно, не был на его уровне в своем преподавании, но хотел следовать его примеру. Если что перейдет к студентам от моих духовных, религиозных убеждений, то пусть перейдет, но пусть это будет скрыто и ненавязчиво. Свободу слушателя надо максимально оберегать. Это и соответствует французскому, так называемому латинскому стилю преподавания, когда религиозные мотивы не должны звучать слишком громко.

- Несколько вопросов о современности. Еще Достоевскому принадлежит мысль, что «церковь в параличе». Как бы Вы охарактеризовали болезни сегодняшней церкви и возможные методы их «лечения»?

- Когда Достоевский говорил, что церковь в параличе, это было, конечно, верно для целого ряда аспектов церкви: действительно, к концу века намечается некоторый спад церковный. Но ведь и XIX век был очень богат в религиозном и церковном отношении: блестящий пророк и богослов Хомяков, пророческое старчество Оптиной пустыни и других монастырей, возрождение духовных школ, блестящие миссионеры, начиная с Макария Глухарева и кончая Николаем Японским, и т.д. Так что церковь, действительно, была в параличе, но она была также и очень активна, несмотря на этот паралич, который происходил от ее подвластности государству, который ей мешал на уровне общества. Так что если говорить про сегодняшний день церкви, то те искушения, те проблемы, которые перед ней возникают, совершенно естественны. Ведь она была изничтожена. В 1939 году ей позволили как-то дышать, но потом ее снова стали преследовать. Потом она разделяла общую стагнацию, затем возродилась, но уже одно это перечисление показывает, из каких ненормальных положений, из какого далека церковь идет. В ответе, который нам написал святейший патриарх, он и пишет, что некоторые вещи приходится начинать буквально с нуля, из ничего, что объясняет разные девиации, т.е. некоторые уклоны. Во все времена у церкви были болезни. Сейчас тоже намечается какая-то определенная болезнь церкви – в ее авторитаризме, в ее непонимании духовной свободы, в отсутствии миссионерского духа. Это болезни, это уклоны, и дай Бог, чтобы они не усиливались. Но не нужно считать, что церковь сейчас в параличе больше, чем когда-либо; это отчасти не болезни роста, а болезнь роста, потому что церковь восстановилась, за несколько лет ее кадры обновились, переполнились, но это все слишком быстро протекало, неорганично. Потому она сталкивается с целым рядом проблем, которые, я надеюсь, внутренне она преодолит. Когда мы говорим «церковь», у нас это понятие всегда двойится. Ведь церковь – это мы все, а не то, что мы называем таким отчасти диким наименованием «священноначалие». «Епископ в церкви и церковь во епископе» – это одно, но все мы равны перед Богом, мы равны даже перед таинствами. Нет выше таинства Евхаристии, и мы ее воспринимаем одинаково. Не в одинаковой форме, но одинаково, иногда даже и в одинаковой форме. Так что, думаю, нужен возможно более обширный возврат к установкам Собора 1917/18 годов. Нужно, чтобы был возврат к пророческим голосам в Церкви. Первый пророческий голос – это Хомяков, но были и другие. Такими пророческими голосами являются и о. Сергей Булгаков, и мать Мария, и многие другие, которых напрасно боятся; но пророческих голосов всегда боятся. Хомяков тоже не мог публиковать свои сочинения в России, он их публиковал за границей; Макарий Глухарев не мог, так как не хотели поощрять его попытки переводить Священное писание на русский язык. Это и был паралич церкви. Но надо надеяться, что эти задержки, задержки в становлении церкви, в росте церкви не помешают ее развитию. Есть некоторые тревожные симптомы, это несомненно. Они тревожны, они прискорбны для положения церкви в стране. Они вызывают большое беспокойство в заграничных Православных церквях, и не только в бывшей эмиграции, но и во многих поместных церквях, которым некоторые действия тех или иных епископов непонятны. Но надо иметь в виду, что это всегда было, и боюсь, что это всегда будет. Но тем не менее, с этим нужно бороться. За правду церковную надо бороться.

- Никита Алексеевич, что из опыта Русской православной церкви в эмиграции мы, как христиане, должны в первую очередь унаследовать?

- Ну, знаете, творчество русской эмиграции в области церковной, богословской колоссально. Оно – на века. Основное творчество легло на три-четыре десятилетия, но восприниматься оно будет, возможно, даже не один век. Может быть, самое существенное – это очень трудное понятие, но экзистенциально ощутимое как некоторая данность – это свобода церкви. Русская церковь в эмиграции в лучшей своей части имела опыт свободы. Свободы от государства, свободы даже от общества, которое может давить. Она, действительно, будучи никем не преследуема и никем не опекаема, ни от кого не завися, почувствовала единство церкви, единство иерархичности церкви и ее тела, единство тела церковного, спонтанно действуя в духе хомяковской экклезиологии. Хомяков считал, что христианство это и есть свобода. Так что церковь, церковь в своей совокупности, но и церковь в своей иерархической части, должна понять, что она и есть свобода, что «где Дух Господень, там свобода». Без этого не может быть творческой, живой церкви.

- Еще один небольшой вопрос, связанный с тем, что Вы занимались творчеством Мандельштама. Мы знаем, что богатому трудно войти в Царство Небесное, и человек, богатый дарами искусства – художник, поэт, писатель, музыкант – очень часто сталкивается с непреодолимыми препятствиями на пути к Богу. Вот, с Вашей точки зрения, почему так сложно именно людям искусства, людям, наверное, талантливым, прийти к Богу?

- Не знаю, это как раз большинства русских писателей, наверное, не касается, и в частности Мандельштама. Казалось бы, человек идет из совершенно чужого племени – ведь он родился в еврейской семье, если я не ошибаюсь, его дед даже был раввином; или, во всяком случае, дед его обучал еврейской грамоте, еврейской религии. Правда, Мандельштам пришел не к церкви, он пришел к христианству. Он крестился в Протестантской церкви, потому что здесь была некоторая трудность: я думаю, что Православная церковь представлялась его воображению как слишком национальная церковь. Он не почувствовал, и он ведь не мог почувствовать ее универсальность. Одно время он склонялся к Риму – именно как к средоточию универсализма, но потом сказал: «И никогда он Рима не любил». Но ему было дано следовать непосредственно по пути Христа, т.е. принести себя в качестве вольной жертвы. Он, пожалуй, единственный писатель, который сознательно пошел на вольную жертву, написав свои стихи о Сталине в 1933-м году. Это один из тезисов моей книги, который, конечно, встретил большое противление в некоторых кругах, но тем не менее, я придерживаюсь этого мнения, я его исповедую. Это было вольное принесение себя в жертву за грехи сталинизма, за грехи времени. Это почти сознательно у него было, ведь он Ахматовой сказал в 1934-м году: «Я к смерти готов». И вся его поэзия последних лет – это приготовление к смерти. И даже раньше. Он, почти как Пушкин, который сказал: «Не хочу, о други, умирать...», написал: «Еще не умер я, еще я не один». И в конце жизни, как и у Пушкина, у него появился целый спонтанный цикл, или просто несколько стихов, соприкасающихся друг с другом, которые посвящены основным моментам Христова пути. Есть стихотворение о Тайной вечере, есть стихотворение о Голгофе, в которые он вписывается сам, – и в Тайную вечерю, и в Голгофу. И очень тонкое стихотворение, я бы сказал, апофатическое, о Воскресении, которое он считал своим самым существенным стихотворением, которое он завещал Пушкинскому дому. Вот вам пример Мандельштама. Вообще, на русском искусстве, на русских людях искусства не замечается никакой трудности прихода ко Христу. Почти все пришли ко Христу, включая Стравинского, Кандинского, если брать другие области. Это более верно о некоторых людях искусства на Западе, может быть, но и расцвет французской прозы первой половины XX столетия связан с Католичеством. Так что я не согласен с вашим тезисом.

- И последнее, Никита Алексеевич. Иван Бунин писал, находясь в эмиграции: «Человечество живет еще Ветхим Заветом, люди еще слишком звери». Вы могли бы приложить его слова к сегодняшнему дню?

- Я не думаю, чтобы в Ветхом Завете люди были звери, хотя, конечно, в Новом Завете совершенно меняются некоторые подходы, некоторые параметры, некоторые общественные моменты и явления. Но действительно, XX век – именно в цивилизованном мире, что было бы менее удивительно в нецивилизованном мире – дошел до звероподобия. Даже немножко обидно за зверей, потому что звери себя так не уничтожают, как уничтожала себя и других цивилизованная Европа – страна Баха и Канта и страна Рублева и Достоевского. Тут тайна, которую трудно до конца осознать и в которую трудно проникнуть.

Беседовал Виктор Котт

1 Поэтому так трудно теперешней Карловацкой юрисдикции принять новый поворот истории, вернувший церкви в России свободу. 2 Т.е. церкви, находящиеся в юрисдикции Карловацкого синода. – Прим. ред.

: О приеме на Богословские курсы и Курсы церковно-прикладных ремесел при Свято-Филаретовской высшей школе

Информация

Богословские курсы при Свято-Филаретовской Московской Высшей Православно-Христианской школе объявляют прием слушателей на 1999/2000 учебный год

На Богословские курсы принимаются православные христиане не моложе 21 года, прошедшие полный цикл катехизации для взрослых, регулярно причащающиеся.

Для поступления на Курсы абитуриенты должны представить в Приемную комиссию следующие документы:

- 1) прошение на имя ректора
 - 2) письменную рекомендацию, подтверждающую прохождение оглашения (желательно от священника)
 - 3) письменную работу «Мой путь к Богу и в Церковь» объемом от трех до пяти страниц
- (2) и 3) – только для лиц, не прошедших катехизацию в Огласительном училище при МВПХШ).

На основании представленных документов приемная комиссия выносит решение о допуске абитуриентов к вступительному собеседованию, которое предваряется письменным изложением предложенного отрывка из Евангелия.

Собеседование проводится с каждым абитуриентом индивидуально.

Программа поступления

I. Прочитать:

1. Новый Завет (полностью)

2. Ветхий Завет: Бытие, Исход, Второзаконие, Сирах, Премудрость Соломона, Притчи, Псалтирь, Исаия и три книги «малых» пророков.

II. Знать основные особенности богослужений: вечерни, утрени, литургии (по книге: «Всенощное бдение. Литургия»).

III. Уметь пользоваться:

а) православным молитвословом. Знать наизусть молитвы: начальные – «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидите поклонимся»; уметь правильно и осмысленно прочитать молитвы утренние – «От сна восстав», «Боже, очисти мя грешнаго»; вечерние – «Боже вечный»; Божией Матери – «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе»; Символ веры, молитву преп. Ефрема Сирина, молитву перед святым причастием, заповеди Моисеевы, евангельские блаженства, тропарь своему святому, псалом 50.

б) церковным календарем на текущий год. Ориентироваться, знать основные праздники, посты, сплошные седмицы и т.п.

IV. Необходимо прочитать следующие книги:

1. Беседа преп. Серафима Саровского с Мотовиловым

2. Прот. А. Шмеман. «За жизнь мира»

3. Митр. Сурожский Антоний. «О встрече» (или «Беседы о вере и Церкви»)

4. Архиеп. Финляндский Павел «Как мы веруем»

И уметь выделить главное в них.

Приемная комиссия работает с 1-го мая по 10-ое сентября

с 10.00 до 18.00 по адресу: Москва, ул. Покровка, 29-38

тел./факс – (095) 923-0380

почтовый адрес – Москва, 125475, а/я 255